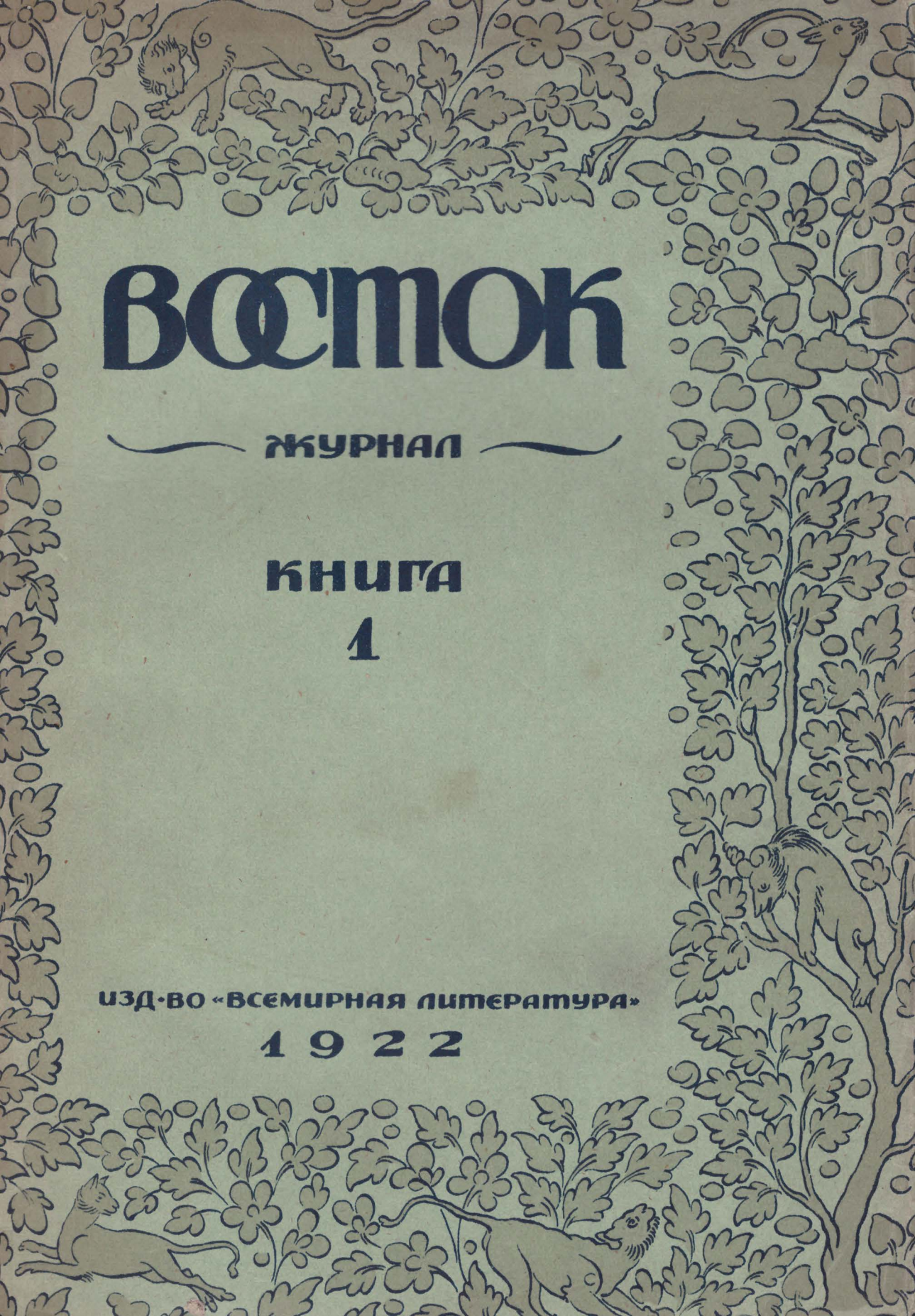

Восток

ЖУРНАЛ

КНИГА

1

ИЗД-ВО «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1922

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ПЕРВАЯ

«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПЕТЕРБУРГ—1922 Г.

Р. В. Ц. № 1098.
Отпечатано 3.000 экз.
в 1-ой Государственной
Типографии.

Связи Запада с Востоком старинные, и к глубокой древности восходит и интерес к Востоку. Египет, Финикия, Карфаген внесли много в западный средиземноморский мир. Персы столкнулись с греческим миром. Александр Македонский в своих миродержавных мечтах устремился походом на Восток. Этот сказочный по своей смелости поход стал достоянием легенд всех народов Востока и Запада, для которых великий македонянин сделался любимым героем.

Явилось с Востока христианство и покорило Запад, и свою священную «Книгу»—Библию дало этому Западу. Рим, покорявший Восток силою оружия и в значительной степени покоренный восточным миром духовно, вводил, с одной стороны, в свою религиозную жизнь восточные культы, среди них культ лучезарного персидского Митры, с другой—вывозил из Индии драгоценности и пряности. Византия сменила Рим и еще теснее стало общение Запада с Востоком, общение и борьба: торговля шелком вовлекла в это общение и Китай, который уже был известен Риму. Грозною волною залили кочевники Азии поля Европы, и имя гуннов надолго сохранило здесь свое страшное значение. На юге Арабы совершали свои завоевания, а Сицилия и, особенно, Испания надолго сохранили следы их влияния и передали его другим странам Европы. Арабы и Евреи во многом помогли Европе сохранить и греческое научное наследие.

Наступили крестовые походы, и сношения между Востоком и Западом развились еще больше: мы видим, как в языки запада широким потоком вливаются восточные слова и как усиленно восточные темы рассказов повторяются на Западе.

Появляются монголы—стремительные завоеватели, татарское иго в России. Начинают тянуться на Восток миссионеры и купцы, принося на Запад бесчисленные рассказы о чудесах Востока. Великий хан и таинственный христианский государь глубин Азии пресвитер Иоанн зачаровывают западного человека.

Проходит еще некоторое время, и мы видим путешественников, ищущих путей в Индию и Китай, на море и на суше. Великие Моголы Индии с своими сказочными богатствами привлекают европейцев.

Наступает великий век науки—XVII век, и зарождается научное востоковедение. С XVIII веком Европа покорена очарованием арабских сказок 1001 ночи, вызывающих бесконечные подражания. Становится известным таинственный мир Индии, миссионеры усиленно продолжают изучать Китай, посещают Далай-Ламу в Тибете; древняя персидская религия становится известной, благодаря французскому исследователю-антузнасту, становится известной и ее священная книга Авеста.

Мы вступаем в XIX век—век исторических и вспомогательных им наук. Победы сравнительного языкознания обнаруживают тесное родство многих народов Азии и Европы. Блестящие открытия в области египетских иероглифов и в области клинописи открывают громадный новый мир древнейшего Востока и позволяют говорить о тысячелетиях исторической жизни народов. Чувствуется, что для человеческого знания завоевана громадная новая область. Лихорадочно быстро идет изучение Востока и его бесконечных языков и народов, каждый год приносит новые открытия из этого мира, который во многом является столь своеобразным, что сперва кажется, будто между ним и Западом непроходимая пропасть.

История глубже всматривается в эти, как будто совсем новые и необычные, явления и скоро замечает аналогию, сходство, иногда даже почти тождество и потому определенно указывает, что здесь тот же общечеловеческий мир, с теми же явлениями, теми же законами развития, что человек на Востоке тоже, прежде всего, человек вообще. Сделан крупнейший шаг вперед в деле понимания Востока. И все-таки, несмотря на это важнейшее достижение, справедливость которого мы не можем оспаривать, мы чувствуем, что в Востоке есть нечто совершенно своеобразное и отличное от нашего западного мира, и мы хотим получить ответ, почему, несмотря на то, что история человечества едина, что в ней мы не можем выделить Востока, как нечто обособленное, понятия Восток и Запад остаются в нашем представлении раздельными и в чем-то несоединимыми.

Ответ на этот вопрос, нам кажется, можно дать совершенно определенный. Несмотря на тысячелетия развития культур Востока, достигших не только высокой степени в области духовной, но и большого совершенства в культуре материальной—в цивилизации, все великие достижения Востока сделаны при слабом развитии математики и наук, исследующих окружающую нас природу. Понимание этой природы, процессов ее жизни, жизни нашей планеты, солнечной системы и, вообще, окружающего нас мира оставалось всегда чрезвычайно недостаточным на Востоке. Развитие науки, точного знания было незначительно. Почему это было так, мы пока не знаем, ибо объяснить это исключительно властвованием религиозной стихии, конечно, неправильно. Но, необъясненный еще, самый факт остается. И громадные его последствия очевидны. Ясно то гигантское, почти сверхчеловеческое напряжение, которое должен был делать Восток, ясна та исключительная глубина интуиции, которая должна была обнаружиться, чтобы сделать возможными необыкновенные достижения Востока в области творчества духа: философии, искусства, даже в технике. В последней ему

приходилось заменять громадным опытом слабо развитую, недостаточную теорию. Достижения Востока в указанных областях не меньше, часто даже выше, достижений Запада, но основа их иная. И это чувствуется постоянно, ибо работа, которая шла на Востоке, чтобы получить эти достижения, была другая, чем на Западе, где лишь незначительная часть духовных, самостоятельных достижений добыта тем же путем. Очень скоро Запад начинает чувствовать потребность в точном понимании явлений окружающей его природы, его не удовлетворяют здесь туманные полу-ответы Востока, который ищет других ответов, ставит другие вопросы, который настолько увлечен вопросами духа, что пренебрегает тем, что считает низшим и отдельным от духа—материю.

Отсюда и получается то замечательное явление, что Восток, с его изумительной мудростью, силою и красотой, на каждом шагу представляется Западу своим миропониманием каким-то младенцем или недоучкой.

Но Запад чувствует все же исключительную мощь человеческого духа, которую проявил Восток и которую никогда уже так, с такой свежестью, непосредственностью и самостоятельностью человечество не сможет проявить, ибо теперь оно уже говорит во всеоружии знания, ибо теперь остроту зрения заменил микроскоп и сверхмикроскоп и телескоп, слух заменяют точнейшие и чувствительнейшие инструменты и они же заменили осязание. Ибо теперь у нас на каждом шагу помогающие нашей работе теории—результат достижений точных наук,—наши дети на школьной скамье знают то, что было недоступно величайшим умам Востока. Мера и число проникают в глубину вещества и открывают там недоступный Востоку мир бесконечно малых, точно так же как за пределами земли они открывают мир бесконечно большого. Электричество переродило вместе с паром всю материальную жизнь, радиий указал новые пути. Все это было неведомо Востоку, когда он мощью ума своего пропикал в тайны жизни, изучал и создавал понимание того, что ближе всего человеку—самого человека. И тут мы видим на каждом шагу, как ничтожны наши достижения в этой важнейшей для нас области, мы чувствуем постоянно, что Восток здесь во многом сумел подойти ближе к человеку, понять его духовное творчество лучше, чем это делаем мы.

Гордые своими точными знаниями, мнящие себя первыми в мире, европейцы, столкнувшись ближе путем науки с Востоком, поняли, что справедливо было это старинное чувство очарования восточным миром, что мудрость и красота его нужны нашей жизни, которая станет беднее без них. Европейцы поняли, что только Восток показал полностью духовную мощь человека, громадную непосредственную силу его мысли и чувства, которая была так велика и без могучего оружия знания. В этом сознании европеец черпает веру в будущее этого изумительного человека. Без Востока мы бы этого не знали, ибо наши начинания в глубокую старину детский лепет в сравнении с достижениями Востока.

Что даст новый Восток, мы еще не знаем, но мы чувствуем большие силы, которые таятся в нем; ведь до сих пор большую часть человечества

численно составляет тот же Восток. Глубоко захваченный Западом Восток все же хранит и свои старые заветы, старые навыки, и что он сделает из них мы еще не знаем, но хотим это знать. В старое время Восток создавал свою материальную жизнь, думал о прочности—вечности и красоте, не считаясь ни с временем, ни с затраченной силой, т. е. с ценою, в то время как Запад стремился в своей технике достичь наибольшей экономии труда и материала, т. е. наибольшей дешевизны, думая при этом больше о скорости производства, чем о прочности. Кипучая жизнь Запада требовала и требует скорейшего оборота, который имел гораздо меньшее значение для Востока. Теперь и это должно измениться на Востоке, вовлеченном в мировой оборот событиями жизни. И мы стремимся узнать, как он справится с этими новыми для него задачами.

Мы хотим поставить Восток ближе к широким кругам русских сознательных людей, ибо мы знаем, что старый Восток, великий творец в области духа, дал нам вечные образцы, которые никогда не потеряют своего значения для человека и никогда не будут так повторены. И вместе с тем мы знаем, что новый Восток полон тоже великих возможностей, заветы старого не умерли в нем, но он должен претворить их в новые образы, дать новые достижения.

Мы уверены, что России и Западу нужно знать и древний и новый Восток, без этого знания наша жизнь будет беднее и одностороннее. Чтобы свершилось, наконец, давно желанное глубокое и настоящее единение Востока и Запада необходимо полное взаимное понимание, к нему мы стремимся и хотим по мере сил ему помочь.

Сергей Ольденбург

ИЗ ПОЭЗИИ ВАВИЛОНА

I

МОЛИТВА

Глиняная таблетка, содержащая эту молитву, происходит из Варки и датируется последними годами Вавилонской державы, — царствованием поздних Селевкидов. Надпись таблетки является копией подлинника, восходящего ко второй половине третьего тысячелетия, вероятно, ко временам династий Иссино или Вавилона. Сохранившаяся в этой единственной копии и, очевидно, принадлежавшая к отреченным произведениям вавилонской храмовой лирики, молитва предназначалась сопровождать обряд ночного гадания по внутренностям ягненька.

Перевод удерживает ритмический ход вавилонского стиха и, по возможности, сохраняет порядок слов подлинника.

В. Ш.

Почиют князья, простерты мужи, день завершен:
шумливые люди утихли, открытые замкнуты двери,
боги вселенной, богини вселенной,
Шамаш, Син, Адад и Иштар, —
заходят они уснуть в небесах;
и не судят больше суда, не расследуют более распрей,
совершается ночь, дворец опустел, затихли чертоги,
город улегся, Нергал кричит,
и просящий гаданья преисполнился сна.
Заступник правых, отец одиноких,
Шамаш вошел в свой спальный покой.
Великие боги ночные,
светлый Огонь, мощное Пламя,
Лук и Ярмо, Ужас, Дракон,

Колесница, Коза, Овен и Змея,—
ныне восходят.
В учрежденном гаданьи, в приносимом ягненке
правду мне объявите!

II

СОШЕСТВИЕ ИШТАР.

Поэма о сошествии Иштар в обитель мертвых сохранилась в двух, разделяемых полуторастолетним промежутком, ассирийских списках. Древнейший список, вероятно изготовленный в начале VIII века, происходит из раскопок Берлинского Музея в Ашшуре. Хранившийся в одном из храмовых архивов, этот список содержит несколько ошибок и промахов пера, обнаруживающих в нем работу ассирийского семинариста; начало и конец вмещающей его одноколонной таблички разбиты. Позднейший список был сделан для кунджикской библиотеки царя Ашурбанипала (668—626 до Р. Х.). Эта тщательная копия дошла до нас почти неповрежденной и дополняется тремя фрагментами, принадлежавшими двум повторявшим этот список экземплярам из той же библиотеки Ашурбанипала. Перевод поэмы основан на совмещенном тексте этих списков; скобками отмечены восстановления разбитых мест.

Исследование содержания поэмы заставляет думать, что обе копии восходят к извлечению из недошедшего до нас творения, передававшего трагедию божественных страстей значительно полнее. Вопреки обычным приемам вавилонского эпоса, поэма начинается внезапным описанием встречающей Иштар обители теней. К тому же это описание является бродячим эпическим мотивом и вовсе не принадлежит Сошествию Иштар: оно имеется, и в более подробном виде, в поэме о подвигах и трудах царя и страстотерпца Гильгамеша. Далее, строфа VII поэмы не связана с ее VIII строфой: пропущен эпизод заключения Иштар в преисподней. В строфе X сжаты, по крайней мере, две, а, вероятно, и три строфы, передававшие наставления Эа Аснамиру, приход Аснамира в Эреб и разговор с Эрешкигал. Строфа XI содержит «великую клятву», также принадлежащую к странствующим эпическим сокровищам и также приводимую полнее страстями Гильгамеша. Строфа XIII, находящаяся только в старшем списке, оказывается незначительным остатком какого-то существенного эпизода, соединявшего XII и XIV строфы; в кунджикском списке этой строфы вовсе нет, а ее второй стих искусственно приделан к началу XV строфы, в обоих списках не связанной с предположенным повествованием об исходе Иштар. Строфа XVI, сохранившаяся только в кунджикском списке, повидимому, вообще взята откуда-то извне: самое имя богини здесь заменяется ее эпитетом Белили «Владычица богов».

Цель, руководствовавшая сократителей поэмы, обнаруживается ее заключительным стихом: это извлечение предназначалось к прочтению на празднике в день всех усопших (25 марта), эфемерно покидающих печальный дом теней, чтобы причаститься жертвам, приносимым в этот день живыми.

Первоначальный миф, лежащий в основе поэмы, восстанавливается так: богиня-мать вступает в брак со своим отцом, водным богом. В этом браке зарождается дитя, закрепляющее кровосмесительную связь. Каждую осень богиня опускается с ребенком в подземные владения супруга, к истокам пресных вод, и каждую весну в речном разливе снова выносит дитя на свет. Этот общий хтонический миф растет и превращается: божество воды распадается на бога небесных и бога подземных вод; богиня-мать является в двух обликах супруги небесного и подземного богов; дитя, связующее мать с отцом, само становится супругом матери. Такое превращение свойственно пяти распространенным между народами Средиземноморья вариантам мифа: Таммуза и Иштар, Осириса и Исиды, Керы и Персефоны, Адониса и Афродиты, Аттиса и Кибелы. Подставляя в этой схеме имена, мы получаем следующий вавилонский вариант.

Дочь небесного дая Ану ¹⁾, богиня—мать Иштар вступает в тайный брак с Папсуккалем, сыном бога подземных вод Эа. От этой связи рождается дитя Таммуз. Скрывая свой позор, Иштар кладет ребенка в тростниковую корзинку и отдает течению реки. Суденышко погружается и приплывает в подземную обитель мертвых, к дарице молчаливых полей, Эрешкигаль. Когда проходит первый страх, Иштар, горюя о погубленном ребенке, сама бросается в реку и делается пленницей Эрешкигаль. Склоняемый мольбами Папсуккаля, Эа задумывает освободить богиню. Он создает похотливый призрак, Аснамира, открывает ему свой замысел и посылает в царство мертвых. Развеселенная непристойными шутками Аснамира, Эрешкигаль клянется исполнить его просьбу; Аснамир просит мех с живой водой. Перехитренная богиня освобождает пленницу; божественным решением Таммуз полгода должен проводить в Эребе и на полгода, воскресая, возвращается Иштар.

Ритмическая структура поэмы обычна для вавилонских поэтических произведений. Стих распадается на два, реже на три полустишия, обусловленных равновесием словесных образов и словоударений, от двух до трех на полустишие; в Сошествии Иштар встречаются стихи из 2 + 2, 3 + 2, 3 + 3 и 2 + 2 + 2 ударений. Число неударяемых слов безразлично и подчиняется лишь общим законам благозвучия; при этом замечается склонность к дактилическому, хорейскому или анапестическому течению стиха; реже амфибрахий и ямб, преимущественно свойственный вторым полустишиям. Стихи объединяются параллелизмом членов в двух или трехстишиях, слагающиеся в строфы из 8—14 стихов. Эпические строфы, включающие менее 8 стихов, обнаруживают этим свою неполную сохранность. Медлительное чтение стиха называлось «размериванием» (*maṣṣu*), и поэтической форме присваивался термин «размер» (*menūtu*). В переводе ритмические формы выдержаны возможно точно, полустишие в полустишие, словесный материал отдельных полустиший сохранен, и перевод буквален; разделение на строфы, не отмечаемое авторами списков, принадлежит исполнителю перевода.

В. III.

I

- К стране безысходной,
Синова дочь Иштар
склонила Синова дочь
к обиталищу мрака,
5. К дому, откуда вошедший
к пути, на котором дорога
к дому, в котором вошедший
света он больше не видит,
туда, где питье его — прах
10. а одет он, словно бы птица,

земле [обширной]
свой дух [склонила],
свой дух [пресветлый]
жилищу Иркалы ²⁾.
никогда не выходит,
не выводит обратно;
лишается света.
во тьме обитает;
и еда его — глина,
одеждою крыльев.

II

- На дверях и засовах
перед вратами
Ворот Преисподней
Иштар уста
15. к сторожу врат

простирается прах,
разлилось запустенье.
едва достигнув,
открыла, вещает,
обращает слово:

¹⁾ В поэме это родство сложнее: Иштар является дочерью Сина, внучкой Ану. Изданная Thureau-Dangin палинодия поэмы сохраняет и отцовство Ану и его брак с Иштар.

²⁾ Иркала-Нергал, супруг Эрешкигаль.

- «Сторож, сторож,
«открой ворота,
«Если ты не откроешь ворот,
«разломаю я дверь,
20. «разломаю косяк,
«Подниму я усопших,
«станет больше живых

- Сторож уста
обращается он
25. «Постой, госпожа,
«обожди ты снаружи,
«доложу твоё имя
Входит сторож, вещает
«Сестра твоя это, Иштар
30. «корчемница это
«возмутившая воды

- Эрешкигаль,
словно срубленный дуб ¹⁾
как побитый тростник,
35. «Что её сердце
«что её чрево
«Что же, и я
«с Ауннаками вместе ²⁾
«наместо хлеба,
40. «пить, наместо вина,
«о мужьях буду плакать,
«буду я плакать
«взятых от лона
«буду я плакать
45. «ранее срока

- «Ступай, о сторож,
« поступи с ней согласно
Приходит сторож,
«Входи, госпожа!
50. «дворец Преисподней

открой ворота,
дай мне войти.
не дашь мне войти, —
замок разобью,
побросаю я створки.
едящих, живых,
тогда, чем усопших».

III

открыл и вещает,
к великой Иштар:
не сбрасывай двери,
[внутри я войду],
дариде Эрешкигаль».
Эрешкигаль:
[стоит] у [дверей],
великих пиров,
перед Эа — [царем]».

IV

такое услышав,
в лице пожелтела,
почернели губы:
ко мне приносит,
на меня измышляет?
с [нею воссяду],
пить буду воду,
есть буду глину,
мутную воду,
оставивших жен,
вместе о женах,
своих супругов,
о малютке, о нежном,
прочь унесенном!»

V

открой врата ей,
древним законам».
открыл врата ей:
Ликует Куту ³⁾,
о тебе веселится!»

¹⁾ В подлиннике: тамариск.

²⁾ Ауннаки — духи бездны.

³⁾ Стольный город Нергала, здесь столица подземного царства.

VI

В одни врата ее ввел и снимает, убирает большую тиару с ее головы.

«Зачем убираешь ты, сторож, большую тиару с моей головы?»

— «Входи, госпожа! У царицы земли такие законы».

В другие врата ее ввел и снимает, убирает подвески с ее ушей.

55. «Зачем убираешь ты, сторож, подвески с моих ушей?»

— «Входи, госпожа! У царицы земли такие законы».

В третьи врата ее ввел и снимает, убирает ожерелье с ее шеи.

«Зачем убираешь ты, сторож, ожерелье с моей шеи?»

— «Входи, госпожа! У царицы земли такие законы».

60. В четвертые врата ее ввел и снимает, убирает щиточки с ее груди.

«Зачем убираешь ты, сторож, щиточки с моих груди?»

— «Входи, госпожа! У царицы земли такие законы».

В пятые врата ее ввел и снимает, убирает пояс рождений с ее чресел ¹⁾.

«Зачем убираешь ты, сторож, пояс рождений с моих чресел?»

65. — «Входи, госпожа! У царицы земли такие законы».

В шестые врата ее ввел и снимает, убирает запястья с ее рук и ног.

«Зачем убираешь ты, сторож, запястья с моих рук и ног?»

— «Входи, госпожа! У царицы земли такие законы».

В седьмые врата ее ввел и снимает, убирает платочек стыда с ее тела.

70. «Зачем убираешь ты, сторож, платочек стыда с моего тела?»

— «Входи, госпожа! У царицы земли такие законы».

VII

Как издревле Иштар

Эрешкигаль, ее видя,

Иштар не смутилась

75. Эрешкигаль уста

к Намтару — послу

«Ступай, Намтар,

наведи шестьдесят б[олезней

«блезнь очей

80. «[блезнь ушей

«блезнь рук

«блезнь ног

«блезнь сердца

«блезнь главы

85. «на всю на нее,

к Преисподней сходила —

пред ней взъярилась,

и к ней ступила.

открыла, вещает,

обращает слово:

во дворце затвори ее,

на сестру на] Иштар:

[на очи] ее,

на уши ее],

н[а руки] ее,

н[а ноги] ее],

н[а сердце] ее],

н[а главу] ее],

на [все ее тело]».

VIII

Как Иштар, госпожа,

бык на корову

сошла к Преисподней —

больше не скачет,

¹⁾ В подлиннике «пояс с камнем рождений», талисман для облегчения родов.

- осел ослицы
жены при дороге
90. спит супруг в своей спальне,

больше не кроет,
не кроет супруг,
спит жена у себя.

IX

- Папсуkkalь, посол
омрачился видом,
оделся в худое,
И пошел Папсуkkalь
95. и перед Эа
«Иштар на землю
«С той поры, как Иштар
«бык на корову
«осел ослицы
100. «жены при дороге
«спит супруг в своей спальне

великих богов,
в лице [потемнел],
облекся в траур.
к Эа — [отцу],
бегут его слезы:
сошла, не восходит.
сошла к Преисподней, —
больше не скачет,
больше не кроет,
не кроет супруг,
спит жена у себя».

X

- Эа в глуби сердечной
создал Аснамира,
«Ступай, Аснамир, к вратам Преисподней
105. «семь ворот Преисподней
«Эрешкигаль, тебя увидав,
«Отдохнет ее сердце,
«ты заставь ее клясться
«[.] создала
110. «Голову вверх,
«О, госпожа, пусть дадут мне Хальзику,

задумал образ,
евнуха:
лик обрати,
пред тобой распахнутся,
тебе да ликует.
ее чрево разыграет,
великими богами,
[.] в утробе.
к меху Хальзику, дух устреми:
из него изопью я!»

XI

- Эрешкигаль,
ударила бедра,
«Пожелал ты, Аснамир,
115. «Я тебя прокляну
«наделю тебя долей,
«спедь из канавы
«сточные воды
«в теги под стеною
120. «на черепицах
«голод и жажда

такое услышав,
прикусила палец:
чего не желают!
великою клятвой,
незабвенной во веки:
будешь ты есть,
будешь ты пить,
будешь ты жить,
будешь ты спать,
сокрушат твои щеки».

XII

- Эрешкигаль уста
к Намтару — послу—
«Ступай, Намтар, во дворец,
125. *«постучи* в черепицы
«изведи Апуннаков,
«Иштар живою водой
Пошел Намтар во дворец,
постучал в черепицы
130. Апуннаков извел,
Иштар живою водою

открыла, вещает,
обращает слово:
ударь
из белого камня,
на трон золотой посади их,
окропи, приведи ее».
ударил
из белого камня,
на трон золотой посадил их,
окропил и привел ее.

XIII

«Ступай же, Намтар,
«а если она не даст тебе выкупа —
И Намтар ее взял,

возьми ты Иштар;
верни ты ее».
[.]

XIV

135. В одни врата ее вывел, и вернул ей большую тиару с ее головы.
В другие врата ее вывел, и вернул ей подвески с ее ушей.
В третьи врата ее вывел, и вернул ей ожерелье с ее шеп.
В четвертые врата ее вывел, и вернул ей шиточки с ее груди.
В пятые врата ее вывел, и вернул ей пояс рождений с ее чресел.
140. В шестые врата ее вывел, и вернул ей запястья с ее рук и ног.
В седьмые врата ее вывел, и вернул ей платочек стыда с ее тела.

XV

- [.]
«На Таммуза,
«чистую воду возлей,
145. «светлое платье
«и лазурная флейта
«и веселые девы

. [.]
дружка ее юности,
лучшим елеем помажь;
пусть он наденет,
разобьет его сердце,
помолят его мысли».

XVI

- [Перед] Белили ¹⁾
камни-глазочки ²⁾
150. жалобу брата услышала —

сокровища раз[ложены],
полнят подол [ее];
и разбила Белили сокровища,

¹⁾ «Владычица богов», эпитет Иштар и Эрешкигаль.

²⁾ Созвездие Плеяд.

кампи-глазочки

«Брат мой единый,

«В дни Таммуза играйте

«на порфирном тимпане

155. «с ним мне играйте,

«мертвецы да восходят,

рассыпались по [небу]:

не плачь обо мне!

на лазоревой флейте,

с ним мне играйте,

певцы и певицы,

да вдыхают куренья!»

Перевод с вавилонского

В. К. Шилейко

Душа перед загробным судом.

(Вавилонская печать)

ЛИСЬЕ ЦАРСТВО

из рассказов ЛЯО-ЧЖАЯ (XVII—XVIII вв.)

В повестях китайца Ляо-Чжая, выбранных здесь в ничтожном количестве четырех из 445, трактуется фантастика лисьего оборотня.

Отвечая на данное ей фатумом предопределение в отношении как к собственному совершенству и превращению в святого небожителя, так и к судьбе, доле счастья, назначаемой данному человеку, лиса является к нему, и для смертного начинается совершенно новая жизнь, построенная на незаслуженном, несбыточном, непонятном вмешательстве в его скромную судьбу,—новая жизнь, новое подлинное счастье.

Лиса является к нему, чтобы соединить свою судьбу с его судьбой. Повинуясь общему неотвратимому, верховному року, она хочет, чтобы человек быстро усвоил себе её масштаб и слился с ней, не чураясь её, не хитря перед ней, не боясь её, а веря ей, как он верит любимым живым существам. Но обыватель, напуганный рассказами о страшной силе лисы, хотя жадно пьёт её обаяние, но тут же старается от неё отделаться. «Пожил—и полно!», думает он, но... не она.

И вот, в ответ на тайную борьбу с ней путём талисманных письмён и всяческих заклинаний, она объявляет человеку месть, изводя его до крайности и могилы. Бороться с лисой может только человек, владеющий тайной рока, или герой, не виляющий перед чарами жизни, способный противостать кому и чему угодно. Если же с нею борется обыватель, то к чьей бы сверхчеловеческой помощи он ни прибегал, из этого ничего не выйдет, и он будет первым же щелчком отброшен в пропасть.

И всё же, несмотря на все предупреждения против лисы, её чарам подвержен всякий. Она—обворожительная женщина «без пары в свете», и даже—мужчина, олицетворение лучшего ума в высшей культурности. Сверхъестественный роман—вот во что выливается повесть о лисе. Понятно, почему эти повести Ляо-Чжая стяжали себе в Китае бессмертную славу. Ведь, в них затронуты и исповеданы самые головокружительные мечты о человеческом счастье!

Однако, и помимо этого, в повестях есть особенности, украшающие их до полного литературного триумфа.

И прежде всего, чары лисиды распространяются на китайского «студента», то есть интеллигентного начётчика былого времени. Жизнь его сложнее простой жизни полуживотных масс, так что и роман может быть развит со всей доступной автору красочностью палитры. А она очень ярка: на ней депозит всей сложной китайской культуры. Химеры интеллигенции, как известно, раскрашиваются свободнее и сочнее, чем всё другое.

Другое дело—достоинство повестей Ляо-Чжая, заключающееся в их ультралитературном способе изложения, а именно, в особом, так сказать, двойном языке, состоящем из слов, не существующих в разговорном языке, слышимом и понятном всем. Так, например, в китайской фразе, взятой из одной повести Ляо-Чжая, неграмотному мужику полуграмотный монах говорит следующее: «У вас, сударь, полная телега груш: целые сотни! А я, старик, прошу у вас всего на всего одну. Вам, «барин», от этого ущерба большого, ведь, не будет! К чему же сердиться?» Из 21 слова, выражающего эту фразу, только четыре участвовали в разговорном языке этого времени: один, телега, сто, большой. Остальные были неслышимыми архаизмами. Если эту фразу представить себе в пропорциональном составе русских слов и если архаизмы китайской фразы заместить, например, крайними варваризмами фразы русской, то отнюдь не гиперболически эта фраза может быть представлена, например, в следующем виде:

«Щедая телега в квантитете сотен пьес. Старый lazzaroni уникумом демандует из оных лишь одну. Майоратному магнату, à propos de tout cela, нуль большого детримента. Per que ирритация?»

Но и в этом странном виде фраза воспринимается на слух, и, вообще, русский язык—как и любой европейский—бессилен выразить самую основную красоту повестей, а именно их торжество над языком жизни при рассказе о самой жизни, некий вне-человеческий фокус жизни, преломляющий действительность, с нею не соприкасаясь.

Иллюстрации повестей взяты из оригинального китайского литографированного издания повестей. Они должны сильно помочь воображению читателя.

В. А.

I

СМЕШЛИВАЯ ИН НИН

Ван Цзыфу из Лодян'я (в Цзюй-чжоу, губернии Шаньдун, в Восточном Китае) рано лишился отца. Обладая недюжинными способностями, он уже четырнадцать лет «вошел во дворец Полукруглого Бассейна» ¹⁾. Мать чрезвычайно его любила и берегла, не позволяя ему без дела гулять за селом, по безлюдным местам. Сосватала было она ему невесту из семьи Сяо, но та еще до брака рано умерла, и, как говорят в таких случаях, «клич феникса к милой подруге» бедному Вану так и не удался.

Дело было 15-го числа первой луны ²⁾. К Вану зашел его двоюродный брат, студент У, и увлек его за собой посмотреть на праздник. Только что вышли они за село, как за У прибежал слуга и позвал его домой. У ушел, а Ван, видя, как

«...девы гуляют, словно тучи на небе»,

в возбужденном упоении пошел гулять один. И вот, он видит, что идет какая-то барышня, одной рукой держась за прислугу, а другой рукой тербит ветку цветущей дикой сливы. Лицо ее такой красоты, что в мире не сыщешь, и смеется, смеется. Студент остановился, уставив на нее глаза и забывая о всяком приличии. Барышня прошла еще несколько шагов и говорит, обратясь к служанке:

— Смотри, как у этого молодца горят глаза: словно у разбойника!

¹⁾ Выдержал экзамен на первую ученую степень начетчика.

²⁾ Праздник фонарей. Всю лунную ночь нарядные люди проводят на улице с фонарями в руках, оживленные и веселые.

Обронила цветок на землю и удалилась, смеясь и болтая. Студент подобрал цветок, грустно-грустно задумался...

Душа его замерла, куда-то исчезла. В сильном унынии вернулся он домой, спрятал цветок под подушку, поник головой и уснул. После этого он перестал говорить и даже есть, чем сильно встревожил мать, которая звала монахов, служила молебны, но больному стало еще хуже—у него заострились кости, обтянулась кожа, и стал он скелет-скелетом. Пришел врач, посмотрел, пощупал, дал лекарство, вызвал пот... Студент только бормотал что-то в забытии, словно помешанный. Мать ласково спрашивала его, что с ним. Ван молчал, не отвечая ни слова.

Зашел как-то У. По секрету мать показала ему допытаться у больного о причине его болезни. У подошел к постели; при виде его, у Вана покатались слезы. У стал утешать его, осторожно расспрашивая, и тогда Ван сказал ему все, как было, и просил дать совет, как и что делать. У засмеялся и сказал:

— Какой ты, чудак! Разве трудно сделать то, что тебе надо? Я просто спрошу, найду ее—вот и все. Ведь, раз она шла пешком по полю, то уж наверно не из богатого, знатного дома, и если она еще не замужем, то дело твое, вероятно, сладится. Если нет, то дадим им круглую сумму, и тогда уж наверно согласятся. Ты только поправляйся, дело это я уж беру на себя!

Услыша такие слова, Ван, незаметно для себя, улыбнулся и повеселел.

У вышел от больного, рассказал все это матери, и стал искать, где живет красивая девушка. Но, как он ни расспрашивал, не находил никаких следов. Мать снова сильно беспокоилась, не зная, что делать. А с тех пор, как ушел У, лицо больного стало вдруг проясняться, и он даже начал понемногу принимать пищу. Так прошло несколько дней. У снова пришел, и студент кинулся к нему с вопросами:

— Нашел девушку? Кто она?

У пришлось обмануть друга:

— Я нашел, — сказал он — готово! Я-то думаю, кто такая, а оказывается—дочь моей тетки и твоя троюродная сестра! Теперь мы еще чуть-чуть повременим свататься: ведь, родственникам неудобно вступать в брак; однако, знаешь, по правде говоря, это всегда налаживается.

Студент так обрадовался, что даже поднялись брови, и спросил, где же она живет. У продолжал врать:

— Там, в юго-восточных горах, верстах этак в 15 отсюда.

Ван еще и еще раз просил похлопотать. С решительным и смелым видом У взял все это на себя и ушел. С этих пор студент стал понемногу питаться все лучше и лучше, с каждым днем приближаясь к окончательному выздоровлению. Посмотрел он под подушку: цветок, хотя и засох, но был цел, — и вот, весь уйдя в воспоминания, он держал его в руке и любовался, словно видя самое девушку. Затем, дивясь, почему У не приходит, послал ему записку, приглашая зайти, но У под разными предлогами не

хотел приходить. Тогда Ван разозлился и опять затосковал. Мать, боясь, как бы он снова не захворал, стала спешно искать ему невесту, потихоньку заговаривая с ним о женитьбе, но Ван всякий раз отрицательно мотал головой, не желая слушать; он со дня на день поджидал У, а от того по-прежнему не было никаких вестей. Ван, тоскуя и досадуя, подумал, наконец, что каких-нибудь 15 верст вовсе уже не такая даль, чтобы стоило из-за этого кланяться человеку и от него зависеть. Взял нежно цветов в рукав и, набравшись духу, пошел сам искать девушку. А дома никто и не знал, что он ушел. Нерешительно шагая, не зная, у кого спросить дорогу, он прямо пошел по направлению к южным горам. Пройдя около 15 верст, он очутился среди гор, обступивших его со всех сторон... Было пустынно и красиво: всюду синие-зеленые тона и чистый воздух, бодрящий тело... И тихо, тихо—ни одного прохожего. Нет и дороги, лишь «птичьи пути», не для людей. Взглянул в глубь ущелья — и видит, что где-то там, среди лесных чащ и цветочных полей, как будто притаилась маленькая деревушка. Сошел с горы, направляясь в деревню. Видит: домов немного, и все бедные хижины, хотя вид имеют очень чистый и привлекательный. У входа в один дом растут шелковистые ивы, за забором видны персики и сливы, в пере-межку с высокими, стройными бамбуками, в листве порхают и щебечут вольные птицы. Ван подумал, что это, пожалуй, сад и дом какого-нибудь ученого, и не посмел войти сразу, но, оглянувшись вокруг и высмотрев против дома большой и гладкий камень, уселся на него и решил отдыхать. Вдруг слышит, как за забором девушка протяжно зовет какую-то Сяо Жун кокетливо-нежным голосом. Только что он прислушался, как девушка вышла из дома с цветком абрикоса в руках, нагнулась и стала закалывать шпильку. Увидя студента, остановилась и, еле сдерживая смех, вернулась обратно. Ван пристально всмотрелся: так и есть, это она — та самая, которую он встретил на празднике. Сердце его забило бешеною радостью, но как войти, под каким предлогом? Хотел было назвать тетку, но, не будучи знаком с нею, побоялся ошибиться. Спросить некого. И вот, он, то сидя, то лежа, то гуляя взад и вперед, с утра и до захода солнца, просмотрел все глаза, даже забыл о голоде. Лишь время от времени он видел, как девушка, выставив половину лица, приходила посмотреть на него и делала вид, что удивляется, почему он не уходит. Наконец, вышла старуха, опираясь на палку, и обратилась к студенту с вопросом:

— Откуда вы, господин? Мне говорят, что вы пришли с утра и сидите здесь до сих пор. Что вы хотите делать? И разве ж вы не голодны?

Ван быстро вскочил на ноги и, приветствуя старуху, отвечал:

— Хочу повидать своих родственников.

Старуха была глуха; она растерянно сказала:

— Не слышу!

Ван повторил громче. Тогда старуха спросила:

— А как фамилия ваших почтенных родственников?

Студент ответить не мог. Старуха засмеялась.

— Как странно, — сказала она, — даже фамилии не знаете: каких же родственников можно разыскать, не зная их имени? Гляжу я на вас и вижу, что вы ученый дурень. Идемте-ка лучше за мной. Я дам вам поесть. Дома у меня найдется для вас и небольшая постель. Проспитесь, а утром отправляйтесь себе домой, узнайте, наконец, фамилию ваших родственников и приходите опять искать: ничего, не опоздаете!

Ван только теперь почувствовал голод, и в надежде поесть, а главное, в сознании, что это приближает его к красавице, сильно обрадовался и пошел в дом вслед за старухой. Видит, — во дворе дорога устлана ровным белым камнем, и красные цветы сжимают ее с обеих сторон, лепесток за лепестком падая на ступени. Прошли к западу, открыли еще ворота — весь двор полон цветами, парничками, куртишками. Старуха ввела гостя в дом. Белые стены сверкали, как зеркала. В окна влезали, словно чего-то ища, ветви дикой яблони. Цыновки, столы, сиденья — все блистало, сверкало чистотой. Только что Ван уселся, как кто-то стал на него украдкой поглядывать в окно. Старуха крикнула:

— Сяо Жун, скорее готовь кашу!

Служанка за стеной издала ответный крик. Ван сидел и подробно рассказывал, кто кому и как приходится. Старуха спрашивает его:

— Вашему деду по матери не была ли фамилия У?

— Да!

Старуха изумилась и промолвила:

— Да, вы, ведь, мой племянник! Ваша мать — моя сестра. Сколько лет уже, как мы друг о друге ничего не знаем. И то сказать: мы бедны, да и в доме пет подростка-мальчика... А ты, племянник, вот уже какой вырос, и не признала тебя!

— Да я к вам, ведь, и шел, тетя, — сказал студент, — но, знаете, второпях забыл вашу фамилию.

— Твоей старухе фамилия Цинь. У меня пет детей. Есть, правда, нежное существо, да и то не от меня, а от другой. Ее мать вышла снова замуж, а ее оставила мне на воспитание. Она очень не глупа, но не совсем-то воспитана; только и знает, что беззаботно веселится. Вот сейчас я пошла за ней, пусть придет тебя приветствовать.

Через некоторое время прислуга изготовила и внесла пищу: оказались дыплята, в ладонь величиной. Старуха угощала студента. Когда кончили и прислуга пришла убрать посуду, старуха сказала ей:

— Позови сюда барышню Ин.

Прислуга вышла. Прошло довольно много времени. Ван слышит, что за дверью кто-то тихо смеется. Старуха говорит:

— Ин Инц, здесь сын твоей тетки.

За дверями не прекращались взрывы и звуки смеха. Служанка толкнула барышню в комнату, а та, зажав рот, безостановочно смеялась. Старуха посмотрела на нее сердито.

— Здесь гость! Что за манера смеяться, захлебываясь, ха-ха-ха да ха-ха-ха?

Девушка стояла, сдерживая смех. Студент сказал приветствие. Старуха представила его:

— Это господин Ван, сын твоей тетки. Одной семьёй, а друг друга не знаем! Не смешио ли?

Студент спросил, сколько сестрище лет. Старуха не разобрала. Студент повторил, а девушка так и смеялась во всю, не могла даже головы поднять и смотреть прямо. Старуха продолжала:

— Я сказала, ведь, что она мало воспитана: вот и видно. Уже 16 лет, а глупенькая, словно младенец!

— Она моложе меня на год,—сказал студент.

— А! Тебе, значит, 17,—отвечала старуха.—Ты не родился ли в год гэн-у и не под «конем» ли ты ¹⁾?

Ван кивнул головой утвердительно. Тогда старуха опять спросила:

— Кто твоя жена?

— Нет у меня жены!

— Как? При таких способностях и при такой красоте, в 17 лет человек еще не имеет жены? Смотри, у Ин Нин тоже нет своей семьи. Как вы прекрасно друг к другу подходите! Жаль, что для брака есть запрет, касающийся родственников!

Студент молчал, уставив взоры на Ин Нин и не имея времени взглянуть на кого-нибудь другого. Служанка шепнула барышне:

— Глаза так и сверкают; разбойничий вид так-таки и не изменился!

Ин Нин громко рассмеялась и сказала служанке:

— Посмотри, не распустился ли голубой персик.

Потом быстро поднялась и закрывая себе лицо рукавом, засемила мелкими шажками к выходу. Дойдя до дверей, она смеялась уже без всякого удержу. Старуха тоже встала, велела служанке сделать для студента постель и сказала ему:

— Милый племянничек, тебе, ведь, не легко было сюда прийти. Так ты остался бы здесь на три-четыре дня, а мы потом, не торопясь, проводим тебя. Если тебе не правится, скучно и пусто здесь у меня, то за домом есть садик, где ты можешь гулять и развлекаться. Есть и книги для чтения.

На следующий день студент пошел в сад за домом,—маленький садик, так, в половину му ²⁾, весь покрытый, точно ковром, нежною травой, так как цвет ивы устилал все его дорожки. В саду был павильон в три маленьких комнатки, весь закрытый цветущими деревьями. Ван тихо шагал, пробираясь сквозь цветы, и вдруг слышит чей-то свистящий с дерева смех. Подняв голову: оказывается, это сидит Ин Нин. Как только увидела студента, захохотала, как сумасшедшая, чуть не свалилась с дерева. Студент крикнул:

— Не надо, упадешь!

¹⁾ Особая система счисления лет по циклам, при чем каждый год приурочен к одному из 12 животных, а именно: к мыши, быку, тигру, зайцу, дракону, змее, коню, овце, обезьяне, петуху, собаке, свинье.

²⁾ Около 75 сажен.

Девушка стала спускаться с дерева, все время неудержимо смеясь, и действительно, уже почти спустившись наземь, сорвалась и упала. Смех

— Не падо, унадешь! (стр. 20).

прекратился. Студент, поддерживая ее, тайком пожал ей руку у локотка. Девушка опять стала смеяться, прислонясь к дереву, не имея сил идти.

Прошло довольно много времени, прежде чем прекратился ее смех. Студент дождался, когда она перестала хохотать, и тогда вынул из рукава цветок и показал ей. Ин Нин взяла цветок и сказала:

— Засох! К чему его беречь?

— Ты, сестрица, обронила его в праздник первой луны—вот я его и берегу.

— Какой же смысл беречь?

— Чтобы показать, что я тебя люблю, не забывая. С тех пор, как я встретил тебя на празднике, все мысли мои остановились на тебе, и я захворал. Я уже приговорил себя к превращению в страшное создание ¹⁾ и не чаял увидеть твое лицо, твою красоту. Как счастлив я, что ты удостоила меня своей ласковой мягкости и жалости!

— Ну, это, ведь, настоящие пустяки! Раз пришел к родным, то разве нам чего-нибудь для тебя жаль? Когда будешь отправляться, надо будет позвать прислугу и велеть ей нарвать тебе из нашего сада огромный букет, нагрузить на тебя и проводить.

— Сестрица, ты глупенькая, что ли?

— Почему вдруг я стала глупа?

— Да, ведь, я не цветок люблю, а ту, которая этот цветок держала.

— Разве нужно еще говорить о чувстве к родственнице?

— Любовь, о которой говорю я, вовсе не любовь брата к сестре. а любовь мужа к жене.

— А есть разница?

— Ночью быть на одной постели, спать на одной подушке—вот что. Девушка, опустив голову, довольно долго думала и проговорила:

— Я не привыкла спать с незнакомыми людьми...

Не успела она это проговорить, как незаметно подошла прислуга, и студент, испугавшись, быстро убежал. Вскоре после этого собрались у старухи, которая спросила Ин Нин, где она была, на что та отвечала:—Я разговаривала с Вапом в саду.

Старуха ворчала:

— Обед давно уже готов. О чем там было так долго болтать?

— Да вот, братец хочет со мной вместе спать...

Не успела еще она это проговорить, как студент в ужасе стал ей делать страшные глаза. Девушка слегка улыбнулась и остановилась. К счастью, старуха не слыхала, а когда она начала подробно расспрашивать, студент сейчас же замял дело, заговорив о чем-то другом. Затем, он вполголоса стал упрекать девушку, а она ему на это:

— Значит, эти слова не следует говорить, так что ли?

— Это говорится,—сказал ей студент,—за спиной у людей.

— Так это за спиной у посторонних людей. Как же можно говорить за спиной у мамы? Да, ведь, и спальня—то самое обыкновенное, житейское дело; почему о ней нельзя говорить?

¹⁾ Т. е. к смерти.

Студент, досадуя на ее напвность, не находил способа вразумить ее.

Только что они кончили обедать, как из дома пришли за студентом и привели двух ослов. Дело было так. Мать, поджидая его и не дождавшись, встревожилась и стала искать по всей деревне, но никаких следов и признаков сына не оказывалось. Она пошла к У, тот вспомнил о своих словах и велел ей идти поискать сына в юго-западные горы, и вот, люди, пройдя несколько сел, добрались сюда. Студент вышел из ворот, встретил пришедших, вернулся и сказал старухе, прося позволения отправиться домой вместе с девушкой. Старуха обрадовалась:

— Я хотела сама к вам пойти,—говорила она,—и не только теперь, а давно уже, но по дряхлости своей не могу далеко ходить. Если можешь взять с собой сестру, чтобы представить ее тетке, то отлично—бери.

Позвали Ин Нип. Та пришла, смеясь:

— Что за радость у тебя, что смеешься?—ворчала старуха.—Как начнет смеяться, так и не унять. А, ведь, еслиб не смеялась, паверное, была бы прямо-таки совершенством!

Посмотрела на нее сердито и продолжала:

— Твой старший брат хочет идти с тобой. Изволь сейчас же собраться и сложить свои вещи.

Затем накормила, напоила пришедших за Ваном людей и, провожая их обоих, наказывала девушке:

— У твоей тетки земли и добра вполне достаточно, так что лишнего человека она прокормить может. К ним придешь, так и не возвращайся. Поучись немного грамоте и прилично, хорошенько служи старухе-тетке. Пусть она даст тебе труд подыскать тебе хорошую пару.

Молодые люди отправились, дошли до границы гор, обернулись и им казалось, что старуха, стоя у ворот, все еще смотрит на север, вслед им.

Когда прибыли домой, мать студента, увидя красавицу, с удивлением спросила, кто это. Студент сказал, что это дочь тетки.

— Как?—удивилась мать,—ведь, то, что тебе говорил У, был вздор У меня нет сестер. Как же ты можешь быть племянником?

Спросили девицу; та отвечала:

— Я не от этой матери. Мой отец был по фамилии Цинь. Когда он умер, я была еще в пеленках и потому не помню его.

— Это правда,—согласилась мать,—у меня была сестра замужем за неким Цинь, но умерла она уж очень давно; как же она может еще существовать?

Тут она стала внимательно расспрашивать о приметах сестры—ее лице, родинках и прочем. Все оказалось в полном соответствии. И мать опять с изумлением повторяла:

— Да, конечно, правильно. И всетаки, она давным давно умерла... Как может быть, что она еще жива?

Пока они недоумевали и рассуждали, пришел У. Девица убежала в дом. У расспросил обо всем и, узнав, долго молчал в полном недоумении, потом вдруг спросил:

— А что, эту девицу не зовут ли Ин-Нип?

— Да, да,—сказал студент.

У стал громко выражать свое крайнее изумление. Когда его спросили, откуда он знает ее имя, то он рассказал следующее:

— Когда умерла тетка Цинь, ее муж жил вдовцом и подвергался навождению лисы, от которого захворал сухоткой и умер. Лиса же родила девочку, по имени Ин Нин. Она лежала в пеленках на кровати, и все домашние ее видели. Когда Цинь умер, то лиса все еще от времени до времени приходила. Впоследствии достали талисманные письма Небесного Учителя¹⁾ и расклеили по стенам. Тогда лиса ушла, забрав с собой и дочь. Это уж не она ли самая?

Стали снова удивляться и догадываться, а из дома только и слышно было, что захлебывающийся смех Ин Нин. Мать сказала:

— Эта девица, всетаки, очень глупа.

У просил разрешения увидеть ее лично. Мать ввела его в дом, где дева захлебывалась густым смехом, не обращая на них внимания. Мать велела ей выйти, и тогда она, напрягая все усилия, постаралась сдержать смех, повернулась к стене, и всетаки, долго не выходила. Потом, только что вышла и еле-еле раскланялась, как быстро повернулась и ушла обратно в комнаты, где опять засмеялась раскатистым, безудержным смехом. И все женщины, что были в доме, глядя на нее, открывали рты и тоже смеялись.

У просил разрешения пойти и посмотреть на лисьи чудеса, став для этого сватом. Когда он пришел на то место, где должна была находиться деревня, то никаких домов не нашел; были только горные цветы, и те уже опадали. Он вспомнил, где была схоронена его тетка, и ему показалось, что это как будто неподалеку отсюда, но могильный холм зарос, сравнялся с землей, и никаких сил не было его распознать. Поахал в досаде—с тем и вернулся.

Мать Вана, подозревая, что Ин Нин—бес, вошла к ней и рассказала, что слышала от У. Девица нисколько не изумилась. Даже когда мать пожалела, что она теперь бездомная, она не выказала никакого горя, а только хихикала. Все терялись и ничего не могли понять.

Мать велела ей спать с младшей дочерью. И вот, она рано утром стала приходить к матери здороваться и спрашивать, хорошо ли та почивала. Ее рукоделия были совершенно исключительны по работе, удивительно ловки и тонки. Только и было в ней странного, что она любила неугомонно смеяться: несмотря на запрещения, она, видимо, не имела сил себя сдерживать. Однако, смеялась она грациозно. Бывало, бешено захохочет, а лица это не портит. Все ее очень полюбили, а соседки—и девицы и замужние—наперерыв старались ей угодить и поправиться.

Вот мать Вана выбрала счастливый день и уже готова была сочетать молодых, но еще боялась, что всетаки, это бесовское отродье. Как-то раз

¹⁾ Так называет себя главный маг и чародей Китая, живущий в особом дворце, на юге, и повелевающий всей нечистой силой. Его письмен боятся всякий бес и оборотень.

она незаметно стала рассматривать Ин Нин против солнца—оказалось, что в ее теле и ее тени не было ничего особенного.

Когда настал избранный день, она велела ей одеться в самое красивое платье и исполнить церемонии, требуемые от молодой жены, но девушка локатывалась со смеху и не могла делать никаких обрядовых движений. Пришлось прекратить церемонию.

Студент стал бояться, как бы она, по своей глупости, не разболтала про тайные дела их спальни, но она оказалась тут весьма серьезной и хранила секреты, не проронив ни слова. Бывало, мать рассердится, но стоит только молодой засмеяться, как гнев исчезнет. Если случалось, что служанка в чем-либо провинится, то, боясь розог и плетки, просила ее пойти поговорить со старухой. Затем приходила виноватая—и всегда бывала прощена.

Молодая любила цветы до безумия, разыскивая их повсюду, у родных и знакомых. Даже тайком тащила в ломбард золотые булавки, чтобы только купить еще какие-нибудь красивые цветы. И вот, в течение нескольких месяцев, крыльцо, ступени, заборы, даже ретиреды оказались сплошь в цветах.

За домом росла роза мусян, у самой стены соседнего дома. Ин Нин часто влезала на это дерево, рвала розы и, любуясь ими, закалывала их себе в волосы. Старуха, если видела это, всегда бранилась, но молодая не слушалась. Вот однажды, соседский сын увидел ее, пристально уставился и совсем потерял голову. Ин Нин и не подумала убежать, сидела и смеялась. Тот решил, что ее мысли уже с ним, и еще более распалился. Она указала ему на место под стеной и, смеясь, слезла; тот понял, что она назначает ему место свидания. Страшно обрадовался и, как только стемнело, направился туда. Оказалось, что женщина уже там. Подошел к ней, схватил и начал блудить. И вдруг—в скрытом месте он почувствовал словно укол шила, и боль проникла в самое сердце. Громко закричал и свалился наземь. Вгляделся хорошенько: это вовсе и не женщина, а сухое дерево, валяющееся у стены; а то, к чему он прижался, оказалось дырой дождевого жолоба.

Отец его, услыша крики, быстро прибежал и стал спрашивать, но сын лишь стонал, ничего не отвечая, и только, когда пришла жена, рассказал ей все, как было. Зажгли огонь, осветили дыру—смотрят: в ней сидит огромный скорпион, величиной с небольшого крабба. Старик отломил кусок дерева, убил скорпиона, поднял сына и унес его на себе домой. В полночь сын умер.

Старик подал на Вану жалобу, в которой разоблачил все дьявольские причуды и странности Ин Нин. Начальник уезда, относившийся всегда с уважением к талантам Вана и отлично зная его за солидного и степенного ученого, решил, что сосед его оклеветал, и уже велел дать тому палок, но Ван упросил начальника освободить старика от наказания. Того отпустили домой.

Старуха сказала Ин Нин:

— Послушай, глупая, послушай, сумасшедшая! Ведь, я давно уже знала, что в твоей безмерной веселости таится горе. Хорошо, что теперешний начальник—такой светлый ум, и мы, к счастью, не попались в кашу,

а вдруг, представь себе на его месте дурака: тот, ведь, непременно потащил бы нас, женщин, в свидетельницы, и тогда с каким лицом было бы сыну моему показаться к родным и в селе?

Ин Нин с серьезным видом поклялась, что больше не будет смеяться.

— Нет таких людей,—возразила старуха,—которые не смеялись бы... Только надо время знать!

Однако, Ин Нин с этих пор уж больше совсем не смеялась, даже когда ее дразнили и вызывали. Тем не менее, целый день ин на минуту не становилась грустной.

Однажды вечером, сидя с мужем, она вдруг заплакала, слезы так и закапали у нее из глаз. Тот удивился, а она, всхлипывая, говорила ему:

— Раньше я не говорила тебе этого, боясь испугать, да и жила я с тобой еще слишком мало времени. Теперь же я вижу, что ты и твоя мать оба любите меня, слишком даже, и совершенно меня не чураетесь следовательно, сказать все напрямик, пожалуй, беды не будет. Я, действительно, лисей породы. Перед тем, как умереть, моя мать отдала меня матери-бесу, у которой я и жила более десяти лет. И вот, теперь, когда у меня нет братьев и когда вся моя надежда только на тебя, я скажу, что моя мать осталась лежать в горах; пад ней некому сжалиться, чтобы похоронить ее вместе с отцом моим; в могиле царят горе и досада. Если бы ты не пожалел хлопот и затрат, то, может быть, велел бы нашим слугам покончить с этой обидой, и тогда все когда-либо воспитывавшие девочек, не допустили бы более, чтобы их бросали и топили ¹⁾.

Студент согласился, но выразил опасение, что могила затерялась в густых зарослях травы, и отыскать ее будет трудно. Жена сказала ему, чтобы он не беспокоился. И вот, в назначенный день, муж с женой повезли гроб на могилу, которую Ин Нин быстро нашла среди путающихся чащ и падей. Действительно, там оказался труп старухи, еще с остатками кожи. С плачем и причитаниями положила она труп в гроб и повезла к могиле отца, где и погребла мать с ним вместе. В эту самую ночь студент видел во сне старуху-лису, которая пришла благодарить. Проснулся и рассказал сои жене, а та сказала, что она с лисою даже виделась этой самой ночью, но старуха не велела ей пугать мужа. Студент выразил досаду, зачем она не оставила старуху дома. Ин Нин сказала:

— Она, ведь, бес, а здесь много живых людей и царит земной дух. Разве можно ей тут долго жить?

Ван спросил про Сяо Жуи.

— Она тоже лиса,—сказала жена—и очень способная, понятливая. Моя мать-лиса оставила ее, чтобы смотреть за мной. Она, бывало, соберет плодов или еще чего и кормит меня: вот, я ее и делила, жила с ней душа в душу. Вчера я спросила о ней мать: оказывается, она уже замужем.

¹⁾ Известное варварское попустительство, наблюдаемое в Китае, где, под давлением острой нужды, топят поворожденных девочек, как лишние рты, в дом ничего не приносящие, а, наоборот, с выходом замуж, становящиеся чужим достоянием.

После этого, каждый год, в тот день, когда сдят холодное ¹⁾, муж и жена шли на могилу Цин'ей, кланялись и прибирали могилу.

Через год Ин Нин родила сына, который еще грудным ребенком уже не боялся незнакомых людей. Увидит кого—сейчас смеется: много, видно, было в нем материнского!

. . .

Автор этой странной истории сказал бы здесь вот что:

Мы видели, как девушка заливалась глупым смехом, и казалось, неправда ли, что в ней нет ни сердца, ни души. Однако, устроить у стены такую злую штуку,—кто мог бы умнее ее? Опять же, так любить и жалеть свою мать!.. Быть бесовской породы, и вдруг перестать смеяться, даже наоборот—заплакать... Да папа Ин Нин уж не святой ли отшельник, скрывшийся в смехе?

Я слышал, что в горах есть трава, называемая «смейся!». Кто ее пощипывает, смеется так, что не может перестать. Вот этой бы травки да в наши спальни! Тогда поблекла бы слава знаменитых трав «радость супружеская» и «забвение неприятностей». А этот пап «цветок, понимающий слова» ²⁾,—хорош, конечно,—но, право, досадно, что он вечно кокетничает.

¹⁾ Весенний праздник, в третьей китайской луне.

²⁾ Белый лотос, представлявший поэтическому воображению одного эстетика-императора VIII в. по Р. Х., символом любимой подруги.

II

ЧЕТВЕРТАЯ ХУ

Студент Шан из Тай-шаня (в губ. Шаньдуи) сидел один в своем чистом ученом кабинете... На дворе была осенняя ночь; в высоте небес мерцала Серебряная Река (Млечный Путь), стояла полная луна. Студент стал гулять в тени цветов и думал о далеком и отвлеченном. Вдруг видит, как к нему перелезает через забор какая-то девушка, подходит, смеется и говорит:

— Магистр, что это вы так глубоко задумались?

Шан подошел к ней, посмотрел: красавица! словно бессмертная фея! В изумленной радости схватил ее, втащил в дом и предался самому иступленному любовному наслаждению. Девушка назвалась Ху, по имени Третья (Ху Сань Цзе). Студент спросил ее, где она живет, но она только смеялась не отвечая, и он не повторил вопроса, а только твердил, что всегда будет ее любить.

И вот, девушка начала посещать его так часто, что у студента не оставалось ни одного свободного вечера.

Однажды ночью сидели они при свече, колени с коленями, вместе под пологом. Студент любовно смотрел на нее, не спуская глаз. Она смеялась и спрашивала:

— Зачем ты так на меня уставился?

— Я гляжу на тебя, милая,—отвечал студент,—как глядят на красивый пион или на лазурный персик. Хоть всю ночь смотри—не насытишься!

Дева сказала:

— Я существо грубое, и при всем этом ты так благосклонно на меня смотришь — глаз в глаз. Еслиб ты увидел мою четвертую сестру, то просто и не знаю, как бы ты сошел с ума.

Студент разволновался еще сильнее, совсем теряя голову, и говорил, что ему слишком досадно будет, если он не увидит красоты лица ее сестры; стал на колени и умолял устроить свидание.

Через день она, действительно, пришла вместе с четвертой сестрой. Лет этой девушке было только-только достаточно, чтобы сделать прическу¹⁾. Она была прекрасна, как лотос, розовеющий в свисающих каплях

¹⁾ 15 лет.

росы; как цветок абрикоса, увлажненный легким туманом. Кокетливо и грациозно она, еле заметно, улыбалась, и красота ее милого лица хотела, как будто, выйти за пределы возможного.

Студент пришел в неистовый восторг, ввел сестер в дом, усадил и стал смеяться и разговаривать с третьей, а четвертая в это время сидела молча, наклонив голову, и только перебирала свой вышитый пояс. Вскоре третья встала и начала прощаться, сестра ее тоже готова была отправиться ей вослед, но студент увлек ее и, не отпуская, говорил третьей:

— Милая, милая, будь добра, скажи ей хоть одно слово!

Та засмеялась и сказала:

— Ну, и сумасшедший же! Смотри, как разъярился! Сестрица, останься тут немножко!

Четвертая молчала. Когда сестра ушла, то оба они сейчас же погрузились в самую полную любовную радость. Блаженство кончилось; студент протянул руку, положил на нее голову девушки и разом высказал ей все, что с ним в жизни было, ничего не утаив и все назвав. Она тоже сама заявила ему, что она лиса, но он так влюбленно привик к ее прелести, что и не подумал изумиться. Затем, она сказала ему еще, что сестра ее страшно ядовита, что она уже убила троих, так что всякий, кто ею соблазнится, непременно погибнет.

— Счастье твое,—говорила она,—что я вся в твоей любви и не допущу, чтобы ты погиб, но с той нужно сейчас же покончить.

Студент испугался и стал просить ее дать средство и помощь.

— Хотя я и лиса,—сказала она ему в ответ,—но уже овладела настоящим действием бессмертных людей. Мне нужно будет написать тебе одну полосу талисманских писем, которую ты наклеишь на двери спальни, и этим ее отгонишь!

Сказав это, она села и написала талисман. Настало утро. Третья пришла, увидела талисман, понялась и сказала:

— Ах ты, неблагодарная девчонка! Ты вскружила голову возлюбленному и не вспомнила даже о той, которая продела нитку в иглу! Вы оба предначинаны друг другу—это верно... Я и не думаю сердиться. Но зачем же непременно так поступать?

Сказала и сейчас же ушла. Прошло несколько дней. Четвертая куда-то отлучилась, назначив свиданье через день. Студент вышел на улицу поглядеть на народ. Под горой была дубовая роща. И вот, из зарослей выходит молодая женщина, тоже чрезвычайно элегантной и тонкой наружности, подходит к нему близко и говорит:

— Магистр, зачем вам так легкомысленно увлекаться сестрами Ху? Они, ведь, вам не могут подарить ни гроша!

Затем вручила студенту целую связку монет и продолжала:

— Вот, возьмите это и отправляйтесь домой. Купите хорошего вина, а я захвачу закусок и приду: вместе с вами проведем мы время превесело!

Студент сунул деньги в карман и сделал, что было велено. Вскоре женщина, действительно, пришла и положила на стол копченую курицу и

соленую свинину, затем вынула нож и нарезала все это тоненькими ломтиками. И вот, стали есть, запивая все это вином, остря, забавляясь и радуясь друг другу. Поев и выпив, погасили огонь, забрались на кровать и безумно заволоновались в разнузданной любовности.

Поднялись, когда уже совершенно рассвело. Только что женщина села на кровать и, спустив ноги, готовилась переменить ночные туфли, как вдруг послышались голоса. Не успела она прислушаться, как уже входили в полог—не кто иной, как сестры Ху! Женщина, завидев их, бросилась бежать, так и оставив башмаки на постели. Обе девы кричали ей вслед:

— Проклятая лиса! Как ты смела с человеком вместе спать?

Прогнали ее, вернулись, и четвертая Ху с раздражением стала упрекать студента за то, что он неисправим, причем сказала, что раз он сошелся со злодейкой-лисой, то ей уже нельзя к нему подходить. Сказав все это, сердито повернулась и хотела уйти, но студент в страхе и ужасе бросился ей в ноги и нежными словами стал жалобно ее умолять. Третья, стоя тут же, уговаривала ее простить его. И тогда только гнев четвертой стал понемногу проходить. Наконец, они опять стали любовничать по старому.

Однажды в дом заехал некий человек из Шааньси¹⁾, который рассказывал, что он уже давно идет оборотней, но лишь сегодня их настигает. Отец нашего студента, внимая этим страшным словам, расспросил незнакомца, откуда он, и тот стал рассказывать:

— Я в туманах и волнах день за днем плыву и еду по всему свету; в течение года 8 или 9 месяцев провожу вне дома. Дело в том, что эти оборотни погубили моего меньшого брата, и я, узнав дома об этом, пришел в такое озлобление, что поклялся непременно разыскать их и уничтожить. Где я ни скитался, куда я ни метался, тысячи верст оставил за собой, а никаких следов и признаков не находил. Теперь они в вашем доме, и, знаете, если их сейчас не уничтожить, то кому-то придется последовать за моим братом в могилу.

Как раз в это время студент лежал, прильнув к своей деве. Родители незаметно разузнали это и, слыша, что говорит заезжий гость, сильно испугались, зазвали его в дом и предложили ему поворожить. Тот вынул две вазы, поставил на пол, долго писал талисманы, бурчал заклинания—и вот, со всех четырех сторон показались клубы черного тумана, и один за другим полезли в вазы. Гость в восторге говорил:

— Ну, вся семейка тут!

Затем, обвязав отверстия ваз свиным пузырем, закрепил и запечатал крепко накрепко. Отец студента, сильно обрадовавшись, усердно просил гостя остаться обедать.

Студент, крайне опечаленный, подошел к вазам и стал прислушиваться. Четвертая Ху, сидя в вазе, сказала ему:

— Сложь руки смотреть и не помочь беде... Что за неблагодарное у тебя сердце!

¹⁾ Губерния Зап. Китая.

Студент расчувствовался, ревностно бросился вскрывать вазы, но они были так крепко запечатаны, что открыть их не удалось. Тогда девушка говорит:

... Гость вынул две вазы, поставил на пол (стр. 30).

— Не надо, не надо! Ты только возьми флажок на алтаре, поверни и брось; затем шилом проонори пузырь, я в эту дыру и выйду.

Студент так и сделал. И, действительно, видно было, как из отверстия шелковинкой вытянулся белый пар, поднялся к небу и исчез. Гость, выйдя из комнаты, увидел, что флажок валяется лицом вниз на полу, страшно испугался и закричал:

— Удрала! Это наверное ваш сын наделал!

Потряс вазы, припик ухом и сказал:

— К счастью, ушла только одна из них! Но этой твари издохнуть не положено, пусть ее,—можно простить!

Забрал вазы, распростился и ушел.

Прошло некоторое время. Как-то раз студент смотрел в поле за работниками, которые жали пшеницу, и вдруг издали увидел четвертую Ху, которая сидела под деревом. Студент подбежал к ней, схватил за руки и стал участливо и ласково расспрашивать. Она говорила ему:

— С тех пор, как мы расстались, уже десять раз сменились весна за весной, осень за осенью. Теперь «Великий Красный»¹⁾ уже готов²⁾, и только думая, что ты меня еще не забыл, я пришла, чтобы тебя приветствовать.

Студент хотел взять ее к себе домой, но она сказала ему:

— Я уж не та, что была раньше: нельзя и сравнивать. Мне уже не полагается осквернять себя земною страстью. Впрочем, нам еще раз придется свидеться!

Проговорив это, она исчезла, и неизвестно куда.

Прошло еще двадцать с чем-то лет. Шан случайно сидел один, и увидел, как откуда-то пришла четвертая Ху. Он обрадовался и стал с ней говорить. Она сказала:

— Мое имя теперь уже в книге бессмертных, и мне, собственно говоря, не следовало бы вновь ступать по грешному миру, но, тронутая твоим чувством, я прошу позволения засвидетельствовать тебе свое уважение и сообщить, что наступает срок «разрыва струн лютни» (твоей смерти). Советую тебе поскорее распорядиться последующими делами³⁾. Не горюй и не беспокойся: я непременно переведу тебя в добрые духи, так что тебе беды не будет.

Простилась и ушла.

Шан, действительно, умер.

Он был родственником моего приятеля Ли Вэньюя, и я сам его как-то раз видел.

¹⁾ Алхимическое средство к бессмертию.

²⁾ И я готова покинуть мир.

³⁾ Похоронами.

III

ЛИН ИЗ ВЭЙСЯНЬ

У Лин из Вэйсяня был отдельный дом. Как-то к нему явился старичок, желавший снять помещение, за которое он давал 50 лан в год. Лин согласился. Затем старик ушел и пропал без вести. Лин велел сдать помещение кому-нибудь другому, но на следующий же день явился старик и сказал:

— Ведь, о сдаче помещения вы договорились со мною, и даже в присутствии свидетелей. Как же вы хотите сдать его другим?

Лин сказал, что именно ввело его в сомнение.

— Я намерен, — объяснял ему старик, — здесь жить долго. Почему я так задержался? А потому, что выбранное мною счастливое число будет еще через десять дней.

Вместе с этим он уплатил за год вперед и сказал, что если помещение будет пустовать до конца года, то, значит, печего и спрашивать. Лин проводил старика и осведомился на прощанье, когда же он переедет; старик указал срок, но после срока прошло уже несколько дней, и всетаки никого не было видно.

Тогда Лин отправился сам лично поглядеть и увидел, что ворота закрыты изнутри, над домом поднимается кухонный дым и слышны человеческие голоса. Сильно изумившись, Лин послал свой визитный листок ¹⁾ и пошел с визитом. Старик выбежал ему навстречу, ввел его в дом и, приветливо улыбаясь, старался с ним сблизиться. Лин, вернувшись домой, послал своего человека с угощениями в подарок старику и семье. Тот отдал им и награды слугу самым щедрым образом.

Прошло еще несколько дней. Лин устроил обед и пригласил старика. Они оба друг другу пришлились по душе и радовались этому бесконечно. Лин спросил старика, откуда он родом. Старик отвечал, — из Цинь ²⁾. Лин изумился, что он пришел сюда из столь далеких мест ³⁾. Старик сказал ему на это:

¹⁾ На красной бумаге пишется тушью имя и фамилия, и листок употребляется как наша визитная карточка, превосходя ее размерами раз в пять.

²⁾ Зан. Китай, губ. Шааньси (Шэньси).

³⁾ Т.-е. с запада на восток, через весь Китай.

— Ваша прекрасная область—счастливая земля, а в Цинь—долго жить будет нельзя, так как там произойдут большие бедствия.

Старик пододвинулся к Ли и шепотом говорил ему... (стр. 35).

Так как время было тихое и мирное, то Ли оставил разговор, не расспрашивая подробнее.

Через несколько дней старик прислал Ли свой именной листок тоже с приглашением, чтобы, таким образом, отблагодарить хозяина дома за приют. На обед он поставил вино и кушанья в самом щедром изобилии и отменно вкусные. Ли все более и более приходил в недоумение и выразил догадку, что старик какой-то знатный вельможа. Тогда старик по дружбе сознался Ли, что он лис.

Ли, пораженный этим признанием до крайности, рассказывал это всем встречным, и вот, вся местная знать, услыша про эти лисьи чудеса, каждый день стала направлять свои экипажи к воротам старика и, вообще, искать его дружбы. Старик всех принимал с преувеличенной скромностью.

Попеменно и представители местной власти стали заглядывать к старику, и только, когда сам правитель области просил разрешения познакомиться, то старик подчеркнуто отказывал. Тот просил Ли, как хозяина, взять на себя переговоры по этому поводу, но старик опять отказал. Ли спросил, в чем тут дело. Старик пододвинулся к Ли и шопотом говорил ему:

— Вы не знаете, конечно, что он в предыдущем своем рождении был ослим. Хотя в настоящую минуту он и сидит торжественно над нами, но он из тех, которым какую дрянь ни давай, все выпьют. Я, конечно, другой породы и стыжусь с такими якшаться.

Ли в осторожных выражениях сообщил начальнику об отказе, говоря, что лис боится его прощадательного ума, и потому не дерзает его принять. Тот поверил и перестал просить.

Все это происходило в 1672 г. Вскоре после этого в Цинь (Шэньси) произошли мятежи и всякие несчастия. Значит, лис умел знать об этом наперед.

* * *

В послесловие я, как рассказчик, сказал бы так: осел — тварь громозкая; озлится — так брыкается, орет, глазищи — больше чашки, и вид принимает свирепый, словно бык. Не только рев его противен, но и смотреть на него отвратительно.

Однако, попробуй поманить его горстью сена — и что же? Прижмет уши, опустит голову и с радостью даст на себя надеть узду.

Конечно, если кто-нибудь с такими качествами сидит над народом, то правильно будет о нем сказать, что он пьян от всякой дряни. Позвольте выразить пожелание, чтобы те, кто собрался нами править, помнили об оселе, как о предостережении и, наоборот, старались походить на лиса. От этого, понятно, благотворное влияние правителя сильно возрастет.

IV

ЛИСА НАКАЗЫВАЕТ ЗА БЛУД

Студент купил себе новый дом и стал постоянно страдать от лисы. Все его носильные вещи были во многих частях приведены в негодность. Часто также она бросала ему в суп или хлеб всякую грязь и гадость. Однажды к нему зашел его друг, а его как раз не было дома: куда-то ушел, к вечеру так и не вернулся. Жена студента кое-что приготовила и накормила гостя, после чего вместе со служанкой доела оставшиеся от гостя хлебцы.

Студент отличался несдержанным характером и охотно пользовался любовным зельем. Неизвестно, когда это случилось, но лиса положила этого зелья в похлебку, и жена студента, поев ее, ощутила запах мускуса. Спросила служанку, но та отвечала, что ничего не знает. Кончив ужин, женщина почувствовала, как в ней вздымается горячий огонь плотского возбуждения, и такой, что нет сил терпеть ни минуты. Хотела силой заставить себя подавить страсть, но распаленный аппетит от этого стал еще сильнее и настойчивее. Стала думать, к кому бы бежать сейчас, но в доме не было мужчин, кроме гостя. Она пошла и постучала к нему в комнату. Гость спросил, кто там. Она сказала, кто именно. Спросил, что ей надо. Она отвечала. Гость извинился и стал отказываться:

— У меня с твоим мужем дружба по душе и по совести. Я не посмею совершить такого скотского поступка.

Женщина всетаки бродила вокруг да около, не уходя прочь. Гость закричал ей:

— Послушай, ты погубила теперь в конец моего друга и брата, со всей его ученой карьерой и репутацией!

Открыл окно и плюнул в нее.

Страшно сконфузясь, женщина ушла и стала раздумывать: как это все я наделала? И вдруг вспомнила про этот страшный запах из чашки: уж не было ли там любовного порошку? Посмотрела хорошенько, действительно: порошок из коробки был там и здесь просыпан по полке, а в чашке это самое и было. По опыту зная, что холодной волей можно успокоить аппетит, она напилась воды, и под сердцем у нее сейчас же прочистилось

и прояснилось. Ей стало мучительно стыдно, и она ничем не могла себя извинить. Ворочалась, ворочалась на постели... Уж все почные стражи

Гость спросил, кто там... (стр. 36).

окончились. Стало еще страшнее: вот уже рассветает, а как показаться теперь человеку? И вот, сняла пояс и удавилась. Служанка, заметив это,

бросилась спасать ее, но дух уже слабел и замирал, и прошло все утро, прежде чем у нее появилось легкое дыхание.

Гость ночью, оказываясь, ушел. Студент же пришел лишь после обеда. Смотрит: жена лежит. Спросил, в чем дело. Не отвечает, а только в глазах стоят чистые слезы. Служанка тогда все рассказала, как было. Студент страшно испугался, пристаёт с расспросами. Жена выслаала служанку и выложила ему все по правде.

— Это мне месть за блудливость, — вздохнул он. — Какая тут может быть вина на тебе? К счастью моему, попался такой честный и хороший друг. Иначе, как мне было бы жить по-человечески?

С этой поры студент ревностно занялся исправлением своего бывшего поведения. А затем и лисица перестала куралесить.

Перевел с китайского

В. М. Алексеев

狐媚淫
疑雨疑雲思
不禁隔窓未
敢逗藥心勸
君休蓄房中
藥猶恐真成
蕩婦吟

Китайский текст рассказа «Лиса наказывает за блуд».

ИЗ КИТАЙСКИХ ЛИРИКОВ

Китаеведу, свыкшемуся с мыслью о совершенно исключительном по своим размерам явлении мировой литературы, называемом китайской поэзией¹⁾, странно слышать недоуменные вопросы по этому поводу со стороны людей, привыкших видеть в России китайское интеллектуальное отребье или просто голодную массу варваров. А между тем, на Западе—отчасти и в нашей научной литературе—давно уже обращено внимание на то, чтобы дать проникнуть в интеллигентскую толщу некоторым идеям и представлениям, идущим от знатоков Китая, а не от безграмотных компиляторов.

К этой цели ведут два пути. Или мы даем перевод совершенно точный, эквивалент подлинника, или же его приближенное переложение, духом, размером и всеми особенностями напоминающее оригинал. Перевод первого типа должен быть подержан огромною массой сложных примечаний и редко удается. Перевод второго типа, со всеми многообразными его видоизменениями, удается постольку же, поскольку и не удается, но для читателя, не привыкшего к точным переводам, а такова читательская масса в своем громадном большинстве,—этот тип перевода наиболее приемлем. Во всяком случае, эти предприятия компетентных и квалифицированных лиц в Европе давным давно уже реализованы, и нам нужно пользоваться первым же удачным случаем, чтобы дать русскому читателю очень точный и вместе с тем поэтический по своему оригинальному укладу перевод, каковым является печатаемый ниже перевод китайских стихотворений, сделанный начинающим китаеведом Ю. К. Шуцким. В его задачи входило, таким образом, сохраняя во что бы то ни стало китайскую поэтическую образность, распорядиться так, чтобы она была изложена языком, вызывающим и в русском читателе поэтическую эмоцию. Для этой цели пришлось поступиться самым видом китайского четверостишия, которое своею утрированной лаконичностью и особенностями нероглифики, о которых было бы здесь слишком долго распространяться, совершенно не укладывается в русское четверостишие, и удвоить число строк.

Из большого запаса уже готовых к печати переводов мы даем здесь лишь десять стихотворений и при этом мы начинаем с четверостиший, в виду наибольшей их художественности, с одной стороны, и простоты читательского восприятия—с другой.

В. А.

¹⁾ Не всем, например, известно, что одно только императорское издание поэтов династии Тан (618—907)—плод великолепной совместной работы выдающихся ученых XVIII—XIX в.в.—насчитывает в себе более тысячи поэтов, среди которых—китайские вековые гении: Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи, Ван Вэй и др.

ВАН ЦЗН

VI и VII в. после Р. Х.

ПРОХОЖУ ПЕРЕД ТАВЕРНОЙ.

Беспросветно пьянствую в течение
 Наших всех тяжелых, смутных дней ¹⁾.
 Это не имеет отношенья
 К воспитанию души моей!
 Но куда глаза ни устремятся,
 Всюду пьяны все, и потому
 Как же я осмелюсь удержаться,
 Чтобы трезвым быть мне одному?

СУН ДЖИВЭНЬ

VII в. после Р. Х.

ПЕРЕПРАВЛЯЮСЬ ЧЕРЕЗ Р. ХАНЬ ²⁾.

Все вести из земли родной
 Прервались за горами.
 И много лет зимой, весной
 Считал я дни за днями.
 Вот близко родина моя ³⁾,
 Тревога ж все сильнее;
 Подходит кто-то... Только я
 Спросить его не смею!

¹⁾ Речь идет о смутах в последние дни династии Суй (589—618 г. после Р. Х.).

²⁾ Один из притоков р. Янцзы.

³⁾ Поэт Сун Чживэнь был сослан в Луи-чжоу. Данное стихотворение относится к моменту возвращения его на родину.

МЫН ХАОЖАНЬ

689—740.

ВЕСЕННЕЕ УТРО.

Не чувствую во сне весеннем
Сияющей денницы,
Но слышу: всюду, всюду пеньем
Зарю встречают птицы.
Был ветра шум и ливня рокот
Пред тем как рассветало...
И знаю я: пред домом сколько
Цветов в саду опало!

ЛЮ ЦЗУН'ЮАНЬ

773—819.

в лючжоз ¹⁾, во втором месяце.

Мысли о службе с рабскою душой
Вместе печальны-грустны.
Больше и больше туманится ум мой...
Осень в расцвете весны!
Дождь миновал уже в городе горном,
Всюду опали цветы...
Иволги свищут... Наполнили двор нам
Жунов зеленых листья ²⁾.

¹⁾ На крайнем юге Китая.

²⁾ Деревья жун растут в южных провинциях Китая. От их ветвей отходят отпрыски, как корни уходящие в землю, так что одно дерево раскидывается подобно целой роще.

ВАН ВЭЙ

699—759 после Р. Х.

из цикла «Varia».

Видал я: в весеннем холодке
 Распустилась слив краса.
 Слышал я: запели вдалеке
 Синова птичьи голоса.
 Я в томлении своем весеннем
 Вижу: зелена, пова
 Перед домом к яшмовым ступеням
 Робко тянется трава.

ЦЯНЬ ЦИ

VIII в. после Р. Х.

по цзяну.

Мирно сплю. Как лепесток,
 Легок челн.
 Тих и нежен ветерок,
 Не боюсь я волн.
 Можешь ты, о, берег мой
 В камышах,
 Шум осенний и почвой
 Шевелить шурша.

МЫН ЦЗЯО

VIII в. после Р. Хр.

ПРИШЕЛ К ОТШЕЛЬНИКУ, НЕ ЗАСТАЛ.

Я спросил ученика, прибыв в обитель
Под сосной густой-зеленоглавой.
Он сказал мне, что ушел учитель
Собирать лекарственные травы.
«Вероятно, он педалеко
«Между этих гор, нль на лугу;
«Но под плотной мглою облаков
«Где он — указать вам не могу».

ЛИ БО

705—762 г. после Р. Х.

ТОСКА У ЯШМОВЫХ СТУПЕНЕЙ.

Я стою... У яшмовых ступеней
Иней появляется осенний.
Ночь длинна-длинна... Уже росой
Мой чулок охвачен кружевной.
Я к себе вернулась и, печальна,
Опустила запавес хрустальный;
Но за ним я вижу: так яспа
Дальняя осенняя лупа!

ПЭЙ ДУ

ум. в 839 г. после Р. Х.

жилище у ручья.

Вниз до чистого ручейка
Здесь тропинка пред воротами,
И навес мой из тростника
Вровень с древними деревьями.
И не может уже сюда
Прах мирского багровый взвиться,
Только слышится иногда,
Как поет водяная птица.

ЮАНЬ ЧЖЭНЬ

779—831.

услыхал, что Бо Лэтянь смещен в цзянчжоуские копышние ¹⁾.

Иссяк светильник... Нет огня.
И машет тень со всех сторон.
А в этот темный вечер я
Узнал, что ты в Цзюдзян смещен ²⁾.
И с ложа в ужасе привстал
На грани смерти я, больной...
А мрачный ветер дождь примчал
И бил в холодное окно.

Перевел с китайского
Ю. Щукин

¹⁾ Он же Бо Цзюйи. В 815 году он был смещен в пров. Цзянчжоу на должность копышнего. Юань Чжэнь и Бо Цзюйи связывала долголетняя и крепкая дружба, и в стихах последнего Юань Чжэнь, под именем Юань Цзю встречается весьма часто.

²⁾ Современная провинция—Цзянси.

ПЗ ЛИРИКИ МИЛАРАЙБЫ

В XI-м веке в буддийском уже Тибете жила яркая личность, буддийский Фауст, ставший буддийским Франциском Ассизским. Это поэт-отшельник Миларайба. Мы знаем два его произведения: автобиографию, где рисуется нам просто и увлекательно интимная повседневная жизнь южного Тибета и искания смысла мира, и его сборник гимнов-песнопений («Гур-бум»), перемешанный с рассказами о разных случаях его скитальческой жизни. Миларайба принадлежал к мистической школе буддизма, философские и этические учения которой и отражаются в его лирике.

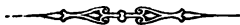
Предлагаемый перевод двух отрывков из «Гур-бума» сделан по пекинскому ксилографу.

Б. В.

I

- 1 Вот пустынное место Джац-чуб-дзон:
на верху—снежная белая вершина Лха-цзан,
внизу—люди, благие милостынедавцы;
позади—гора, пересекающая вид белой шелковой своей завесой.
- 5 впереди—расстилающиеся желанные рощи.
На больших и широких долах и лугах,
на душистых, милых цветах
жужжащие дикады.
- По берегам вод, озерков и прудов
- 10 водяные птицы озираются, поворачивая шейки;
на ветвях раскидистых зеленых деревьев
звучно поют красные птицы;
душистый ветерок повеет
и ветви деревьев заплещут.
- 15 На макушках высоких, светлых деревьев
обезьяны и обезьянки выказывают свою ловкость;
на зеленых, нежных, широких лужайках
разбрелись пасущиеся стада.
Стерегут их пастухи

- 20 поют песни, и сладостно звучат их свирели.
 Рабы мирских желаний
 складывают на землю свое добро.
 На это все взирающий, я, Йогин-отшельник,
 на вершине моей далеко сияющей, блистательной скалы
- 25 все явления мира рассматриваю, как образы «не вечного».
 Земные радости мне представляются росой;
 на эту жизнь смотрю, как на мипраж сна;
 мое сердце полно сострадания к тем, кто этого не постигает;
 пустое небесное пространство мне служит пищей,
- 30 погружаюсь я в созерцанье, которого не нарушить.
 Все, что только ни встает в мысли,
 так же, как и все предметы трех миров, увя!,
 не существуют в действительности, и великое чудо, что они пред-
 ставляются, как явления!

II

Когда досточтимый Миларайба, придя из Раг-ма в Къян-пан нам-ка-дзон, остановился там, однажды ночью появилась перед ним обезьяна, сидя верхом на зайце, держа гриб, как щит, с соломенным луком и стрелами. Досточтимый рассмеялся. Тогда обезьяна сказала: «Я пришла сюда, чтобы напугать вас, но так как вас нельзя утешить, я вернусь назад». На это досточтимый Миларайба сказал:

«Так как я уверен, что все явления существуют лишь в воображении, а самое мое сознание сочетаю я с истинно-сущим, то какие бы ты, демон, ни показывал мне чудеса, останутся они предметами смеха для меня, Йогина-отшельника».

Тогда тот демон дал клятву служить досточтимому Миларайбе и исчез, как исчезает радуга. А был он владыкой Гро-тан.

После того пришли верующие милостынедавцы из Гро-тан, чтобы повидать Миларайбу, и сказали: «Какое достоинство у этого места?» В ответ на их просьбу Миларайба соизволил поведать им следующую песню:

- 1 Учителю моему, Владыке, я шлю мош моленья! *)
 Знаете ли вы или не знаете достоинство этого места?
 Если вы не знаете достоинства этого места,
 то я вам поведаю: Вот пустынь Къян-пан нам-ка-дзон:
 5 во дворце этой небесной крепости

*) Т.-е, Марба-лама, учитель, духовный отец Миларайбы.

на верху южные облака синеватые скучиваются.
 внизу реки, ручьи синие бегут;
 позади красная скала—пространство небесное;
 впереди лужайки пестрых цветов.

- 10 По краям раздается рев диких зверей,
 по сторонам летают грифы—царь птиц,
 мотыльки в небе падают мелким дождем,
 беспрерывно поют свои песни пчелы.
 Олени и дикие ослы, самки с детенышами, играют и скачут;
 15 обезьяны и обезьянки пробуют свои силы.
 Жаворонки, матери с птенцами, звенят переливчатыми голосами;
 небесные птицы, снежные рябчики, распевают песни;
 ручей на глинистом ложе журчаньем рассказывает мелодичную
 поэму:

— голоса Времени, друзья сердца!

- 20 Достоинства этого места не постигает мысль!
 С радостным сердцем песнь я пропел,
 сокровенное поучение сошло с моих уст.
 Благие милостиныдавы, мужи и жены, собравшиеся здесь,
 следуйте за именем моим и поступайте, как я!
 25 Оставляйте греховные деянья и осуществляйте благо!

Перевел с тибетского

Б. Владимирцов

АМИН РЕЙХАНИ

СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ

Ароматом ливанских долин веет имя Рейхани. Пахучее растение — базилику называют арабы «рейхано́й», от нее получила свое начало и фамилия Амина. Гармонирует это благоуханное имя с воспоминанием о долине аль-Фурейке, сирийской родине Амина, но как-то странно видеть подпись Рейхани под статьей в нью-йоркской газете. Еще более странно читать его фамилию крупными буквами на афише в списке ораторов политического митинга в Бейруте.

В этих странных сочетаниях отражение всей ново-арабской литературы. Войны и смуты в Сирии и Египте вскормили ее, биржевая игра и спекуляция на хлопке не задушили ее развития в ширьской долине. Творцов и деятелей этой литературы увидели и фабричные трубы Манчестера и многоэтажные конторы Нью-Йорка. Гордые своим прогрессом европейцы и американцы не успели взглянуть в новых выходцев с востока, в этих «левантинцев», конкуренцию которых они иногда старались пресечь запретительными законами о въезде эмигрантов. Они не подозревали, что эти мелкие торговцы — часто люди глубокой мысли, пытливым взором проникающие в самые недра новой цивилизации. Они и здесь ищут того единого, что на потребу человеку — ответа на духовные запросы и часто не выносят ничего, кроме горького разочарования и сурового осуждения.

И Амина Рейхани судьба жестоко кидала. После Сирии — Париж, Лондон, Америка — затем Бейрут в эпоху расцвета надежд после турецкой революции 1908-1909 года, — опять Англия и Америка, но уже с разбитыми надеждами — и, как долгий кошмарный финал, мировая война, истерзавшая и родину-страдалицу. И журнальная деятельность, и политические выступления, и театральные подмостки — через все это прошел Рейхани, но не вынес он мира оттуда для своей души. Темперамент бойца и деятеля чужд ему; все попытки выступлений кончались разочарованием и вызвали только порыв бежать от людей к природе. Его «стихотворения в прозе» яркий дневник всех исканий и горестей, а среди них «Ветка розы» — лучшая его автобиография, переходящая местами в трагедию глубокой, много пережившей души.

Боевые и бодрые ноты часто звучат в творчестве Рейхани: он воспекает революцию, зовет к братству людей, но все же для его облика характерны не эти могучие тона. В одном из своих эскизов природы он рисует «благочестивую ромашку», которая живет под случайной защитой двух камней на проезжей дороге, цветет и благоухает скрытая от копыт животных и ног прохожих. И мне кажется, что этот образ олицетворяет его самого: и в грохоте американской жизни, и в шуме переворотов на родине

он сумел сохранить свой ливанский аромат, несущийся к нам—торопливым прохожим по дороге жизни. Мы—европейцы часто любим говорить, что проникли во все неизведанные страны мира, но душа даже наших ближайших соседей для нас попрежнему непонятна. Чтобы не остаться так навсегда, утомленному прохожему полезно присмотреться к «благочестивой ромашке», растущей на его пути ¹.

И. Кр.

I

РЕВОЛЮЦИЯ

...И день ее мрачен и тяжек, а ночь у нее светла и дивна.

От ее заходящей звезды не отводит очей тот, кто смотрит.

Голос анархии ее страшен: в нем шум, грохот и вопли,—и рычание льва, соловьиная трель, карканье ворона.

И деспоты в то время станут прахом, а лучшие люди понесут крест.

Горе в день тот тиранам, — гордецам, развратителям.

То лишь один день среди лет; это один лишь час в день суда.

Горе в день тот тиранам!

★ ★ ★

Это — революция и день ее хмур и ужасен.

Флаги, как анемоны, волнуются, поднимают далекого, пронизывают светом
близкого.

А барабаны вторят эху дивной песни,

А трубы вызывают ко всем имеющим души, дающим ответ.

А искры из глаз народа разносят пожар.

И пламя вопрошает: «Нет ли пищи еще?», а меч шлет ответ, и ужас
набрасывает седину.

Горе в день тот тиранам! Горе им от всех возмущившихся угнетенных,—
ищущих права, упорных, рабов!

Горе превознесшимся в мире!

Этот час для тиранов!

★ ★ ★

То революция и сыны ее босоноги. Юноши ее стали непокорными мужами.

Мужи ее могучи и горды, женщины превратились в тигриц.

Ораторы ее и проповедники красноречивы; вожди и герои мятежны.

Горе в день тот тиранам!

Возвести им об оковах и огне,— о бомбах, взрывающихся и тяжком дне, —
О том дне, когда они не запретят и не прикажут; когда их не отпустят
и они не убегут.

Горе в день тот тиранам!

★

★

¹ Общая характеристика А. Рейхани дана мною в книжке «Амин Рейхани. Избранные произведения». Перевод и примечания И. Ю. Крачковского. П. 1917 (издательство «Огни») и в готовом к печати томе «Литература арабских эмигрантов в Америке» (издательство «Всемирная литература»).

Разве не дошла к ним повесть о Риме? — в тот день, когда
 Цезарь восхитился порфирой и протянул руку за скипетром?
 И вдруг пал он под кинжалами свободолюбивых того времени, — убит,
 ничтожен, изранен.

Горе в день тот тиранам!

* * *

Разве не рассказали мы им историю Парижа?

— В тот день, как сокрушилась Бастилия и протестовали узники,

— В тот день, как отсекли голову королю Людовику;

И пали головы французских вельмож и бежали тираны и властители пред
 ликом ужасов Парижа?

Горе в день тот тиранам.

* * *

...И весть об англичанах?

— В тот день, когда они присягнули пивоторговцу и сказали: «Это славный
 вождь!»

— В тот день, когда трактирщик созвал народ, а король мнил себя под
 надежной защитой?

Но вдруг слабые стали могучи, а король Карл унижен, низвергнут и на
 виселище вызывает о помощи.

Горе в день тот тиранам от всех тигров мятежных, угнетенных!

Горе в день тот развратителям от светлой победы красных знамен!

* * *

...И весть о новом мире?

Разве они не видели пламени печи в новом мире, куда ввергнуты были
 все угнетатели, тираны,

где сжигалась порфира и плавилась железные венцы,

— Где освобождались рабы и умирали тысячи людей ради этих черных
 несчастных,

— Где униженный восстал на величавшегося, а презренный на тирана
 упорствующего.

Горе в день тот тиранам! В тот день Бог воздаст поработенным!

* * *

И будет освобождена в народах власть скрытого духа; от пламени его
 запылают вулканы.

В святилищах восстанет «дух верный» — душа всякого вождя, правдивого,
 верного.

В тот день будет вручен обиженному меч обидчика согрешившего.

И даст он вкусить развратителям зной мучительного наказания, — на этой
 земле, а не в геенне.

Горе в день тот тиранам от всех тигров мятежных, угнетенных!

Горе в день тот развратителям от светлой победы красных знамен!

II

ВЕТКА РОЗЫ

В далеких городах я мчался на своей страсти, опустив ей поводья.
В садах на чужбине посеял я свою любовь, и зацвела она прежде срока.
Посеял ее в земле темной, нетропутой, и плакали над ней цветы времени.
Бросал я зерна своей любви горстями и направо, и налево.

*
*
*

Бросал в долинах свободы, и спалил их зной анархии, растоптали ноги одичания.

Бросал их на вершинах знания, и засушил холод ростки, а ветер раздора унес остатки, не знаю куда.

Бросал их на берегах спокойной реки философии, и завяли они в густой тени, — умерли, потому что не видели лучей солнца.

Посеял я любовь свою в болотистой чаще культуры, и пролили кровь ее шипы, задушил ее дикий терновник, убили ядовитые травы.

Посеял ее в земле любимых и друзей, и умерла она от водянки в тряпках лжи и лицемерия.

Посеял ее на полях торговли против мельниц цивилизации, между домом менялы и священника; оба они растоптали ее, а на сердце положили плиту, как мостовую для воров,

— для тех воров, которые едят и пьют с судьями.

Пошел я с любовью своей к беднякам и несчастным; посеял на их голой земле, но не выросла она.

Посеял я ее перед домом матери их поселка: она ее вырвала и бросила мне в лицо со словами: «Ступай своей дорогой! Приходили к нам и до тебя обманщики, но их убили, распяли, сожгли. Мы требуем права и справедливости, а не утешения и милости».

Прошел я через квартал бедняков в пещеры воров и злодеев, к отверженным и ненавидимым.

Я пошел и посадил среди них свежую ветку своей любви; прожила она недолго больной и умерла, не достигнув расцвета.

В мрачных пучинах отчаяния отверженных скончала она свою жизнь; дым богохульства отступников ослепил ее. Задушило ее зловоние мерзости разбойников и убийц; завернул ее в саван проклятья развратник, и над трупом ее изрыгала брань из своих уст развратница.

Покинул я города и тот город; поплыл по морям.

На водах я рассыпал свою любовь, как солнце июля рассыпает алмазы и жемчуг.

Рассыпал ее утром — и волны меняли свой цвет от страсти к ней; рассыпал вечером — и небосклон пылал от ее огней.

Заговорила моя любовь с облаком — и ответило оно; позвала море — и откликнулось оно.

Своими перстами коснулась любовь моя горизонта, — и задрожал он и заволновался, радостно пылая.

*
*
*

На заре весеннего дня послал я любовь ходоком в новую землю; она ушла и не вернулась ко мне.

Звал я ее с вершин Ливана, но она не ответила мне.

Искал я ее у горизонта и за ним, на востоке солнца и на западе, но не нашел.

Второй раз оставил я свою любовь бродить без дороги.

И второй раз помчалась она на своей страсти, бросив меня сокрушаться и тосковать по ней. Горе мне! Горе ей!

* * *

На родине своей, в стране дедов, в земле, которая издревле вкусила сладость удара заступом сильного человека — посадил я ветку свежей розы.

Посадил я ее, надежда меня ободряла, а решимость связывала мои уста.

Посадил я ее в дорогом месте, под надежной охраной, далеко от культуры и людей. Мне теперь все равно, оглохнут уши их или откроются.

Не смутит меня, если сердца их окаменеют, или станут грязью, или потекут ручейком воды.

Ты, земля, — моя мать, и возрадуюсь я в тот день, когда прижмешь ты меня к сердцу, как прижимаешь теперь ветку, которую я сажу.

Ты, земля, вечно жива; ты вечно чревата и вечно рождаешь.

Какова бы ни стала твоя внешность, чувства к тебе не умирают; огонь в сердце твоём не гаснет.

Осень снимает завесу с твоих ушей, зима размягчает сердце твое, а весна движет твой язык, и лето показывает тебе плод внутренностей твоих.

Кто красноречивее тебя весной? Кто щедрее тебя летом?

Кто величественнее тебя в своем волнении и чувстве зимой? Кто внимательнее тебя осенью?

Кто милосерднее тебя, земля? Кто нежнее и сострадательнее и кротче?

От нас припимаешь ты грязь, а нам взамен ее даешь цветы.

Ты вдыхаешь зловоние наших болезней, а нам возвращаешь его ароматом благовония.

Небо проливает тебе кубок чистой воды, человек его грязнит, а ты в воздаяние изливашь на него свои блага и щедроты.

Земля дедов моих, открой мне теперь свое сердце!

Не будь сурова ко мне, не посмейся над моей надеждой и трудом, не замкни на век от меня зерна мои.

О, земля, тебя рыл мой отец, под твоими деревьями молилась моя мать! Не выдавай же моей надежды скалам, не заноси ее на вершины гор, где умрет она от снега и ураганов.

* * *

На склонах долины, которая повторяла эхо моих криков и пенья в детстве, — в той земле, которую я покинул, раньше чем меня покинула юность, — посадил я ветку свежей розы.

Рукой, не языком, стал я говорить с землей; расчистил ее и взрыл моим маленьким заступом.

Накормил я ее тем черным, что извергают животные, и тем золотистым, что горит в пустыне от поцелуя солнца и тает на морских берегах от поцелуя волн.

Понял я свою ветку водой сердца и закрывал ее от света в первые дни.

Воздвиг я над ней палатки своей любви и страсти, зимой посыпал вокруг увядшие листья осени.

И стал я ожидать ответа земли и ее решения.

Сколько раз я навещал мою ветку и потряхивал в ожидании вестей, но не было заметно на ней следов смерти или признаков жизни.

Сколько раз я присматривался к ней и поворачивал во все стороны взор, добываясь известий.

Сколько раз я останавливался перед ней, а сердце волновалось то отчаянием, то надеждой.

Благословенна земля дедов моих, благим явилось в глазах ее усердие мое.

Благословенна земля матери моей: она даст мне увидеть розу на ветке моего труда и заботы.

Милостиво земля заговорила со мной. Ответила земля на просьбу мою, повторила земля эхо любви моей. Вот ветка розы зацветала, как ребенок.

На губах у нее промелькнул звук жизни, а в сердце принесло плод живое слово, которое скатилось потом с моих рук и чела.

В устах у нее маленькая жемчужина, завернутая в золотистую оболочку; завтра утром оболочка станет лазоревой, а жемчужина превратится в свежий нежный изумруд.

А потом изумруд вырастет в зеленую раковину, в сердце которой моря роз невидимые и поколения жизней неисчислимы.

В сердце у нее маленькие влажные листочки, свернувшиеся вокруг слабой свежей жилки, которая не знает еще ни понятия, ни имени шипа.

В сердце у нее ветки, а в сердце веток роза, а в сердце розы семена. а в семенах — бесконечность и вечная жизнь.

* * *

Заговорила со мной земля дедов моих. Воскресила во мне надежду; к груди своей прижала дитя любви моей и оживила его, готового умереть.

Вдохнула в него свою вечную душу и зашевелился его язык.

Он говорит внушенными ею изречениями любви, красоты, мудрости и надежды. Далеко моему красноречию до нее.

Земля говорит только, чтобы оживить; она обращается с речью, чтобы вырастить цветы и плоды.

За все свое время она не говорила «нет». Если ответ ее был утвердителен, им служило «да», отрицательным бывало вечное молчание.

Все изречения ее прекрасны, все слова возбуждающи, живительны.

О, если бы она научила своих сынов слову плодотворному, оживляющему, прекрасному,

— Или научила бы сынов своих молчанию.

* * *

Я слышу, как земля говорит: «Пусть у тебя будет зернышко веры в меня, пожертвуй мне час работы, и я дам тебе взамен во сто и даже в тысячу раз больше любви и надежды, радости и наслаждения, энергии и бодрости, простой чистой жизни, без которой нет счастья человеку».

* * *

Каждый отросток на ветке розы, что я посадил, это — сладкое слово земли. Это — послание любви от матери к сынам.

Каждый бутон — это узелок бытия, это — одна из тайн жизни.

В какой век родилась ты, роза? Какая земля видела твой первый цветок и вдыхала первое дуновение твоего аромата?

Кто посеял твоё первое семя? Кто посадил твой первый отросток?

Первая ветка твоих изначальных ветвей — кто перенес её с поля в сад, из долины в цветник человека?

О роза дикая, роза тайны, из какой чащи ты появилась? До какой ступени в лестнице растений с шипами ты дошла?

Говорит земля только загадками. Тайн своих земля не доверяет детям своим.

Берегись сетей первопричины, не доискивайся корня вещей.

Услаждай свой взор и душу тем, что видишь и слышишь, а если хочешь войти в храм тайны тайн, то совлеки с себя тело, прежде чем переступишь порог двери.

* * *

Я чувствую дивное страстное наслаждение, созерцая эти новые бутоны, рассматривая их зарождение и рост.

Клянусь Богом, много раз я считал их, как мать считает зубы своего ребенка.

Много раз искал я их, как птицы ищут свои гнезда.

Горевал я, и как горевал! об одном бутоне, что ветры сорвали с ветвей.

Но время радости коротко. Суть вещей тает прежде, чем затвердеть.

* * *

Горе! Стал я бояться приблизиться к розе моей: умножились отростки её, спутались ветви, окрепли шипы.

Горе! Стал я смотреть на неё не так, как смотрел на появление бутонов и рост ветвей.

Увы мне от розы жизни! Тысячу шипов она мне показывает, прежде чем обвеять хоть раз дуновением своего аромата.

Сто ран она мне нанесет, прежде чем подарит один свой цветок.

Перевел с арабского *И. Ю. Крачковский*

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

МАЛЕНЬКАЯ ПОЭМА В ПРОЗЕ

То, что напечатано ниже, является первой и весьма несовершенной попыткой непосредственного перевода с бенгальского языка, на котором пишет Рабиндранат Тагор, на русский. Синтаксис и весь дух обоих языков настолько различны, что точный перевод представляет немалые трудности—как, впрочем, и переводы с многих других восточных языков, с той, однако, разницей, что в отношении переводов с бенгальского языка на русский еще нет никакой традиции.

Индрани, встречающаяся в тексте—супруга бога Индры, разделяющая его власть над небом. Что касается значения вод при творении, а также сопоставления вод (грома), голоса и речи, то это—древне-индийские представления, встречающиеся еще в Риг-веде.

М. Т.

В каплях дождя небесное облако нисходит с высоты, чтобы остаться на земле. Так—неведомо откуда—приходят женщины, чтобы стать пленницами земли.

Их мир не велик, и немного в нем людей. Но в его пределах вместится все—вся их судьба, все их горе, все их тревоги. Потому-то у них на голове покрывало, на руке запястье, на дворе — ограда. Каждая — Индрани своего тесного рая.

Но эта девочка по соседству с нами, одаренная от рождения неугомонной подвижностью — какого бога радостную улыбку она напоминает? Мать на нее сердится и называет ее «негодной», отец смеется и называет ее: «бесенок».

Она—как струи водопада—не остановят их никакие преграды. А ее сердечко вечно трепещет, как лист на самой верхней ветке бамбуковой рощи.

Сегодня я видел, как эта своевольная девочка стоит на веранде, опираясь на перила — подобно радуге после дождя. Сегодня в ее больших черных глазах нет веселья—она подобна птице с мокрыми крыльями, в ненастный день сидящей на ветке тамалового дерева.

Несколько дней тому пазад стояла тяжелая жара; лицо небес было бледно; листья деревьев безнадежно высохли и пожелтели.

Внезапно черная, косматая, гневная туча раскинула свой шатер от края до края неба. Последний красный луч заката блеснул, как меч, выхваченный из ножен.

В полночь все окна и двери дома дрожали, буря сотрясала спящий город.

Я встал; фонарь на улице светил сквозь частые струи дождя, подобно мутному взору пьяницы. И звук церковного колокола доносился как бы окутанный пеленой дождя.

К утру дождь усилился; солнце не показывалось.

В эту-то непогоду моя маленькая соседка стояла молча на веранде, опершись на перила.

Ее сестра пришла к ней и сказала: «мама зовет». Но она лишь упрямо покачала головой, так что волосы ее разметались. Ее брат пришел с бумажным корабликом и потащил ее за руку, но она вырвала руку. Брат не унялся и тащил ее играть. Тогда она его ударила.

Дождь все еще шел. Мрак сгущался. Но девочка попрежнему стояла неподвижно.

На заре веков, в начале творения, первое слово прозвучало на языке вод, в голосе ветра. И сегодня, через миллионы миллионов лет, слово это, не подвластное ни памяти, ни забвению, в тихом звуке дождя донеслось до девочки и позвало ее. И она, вняв его звуку, потерялась в беспредельном.

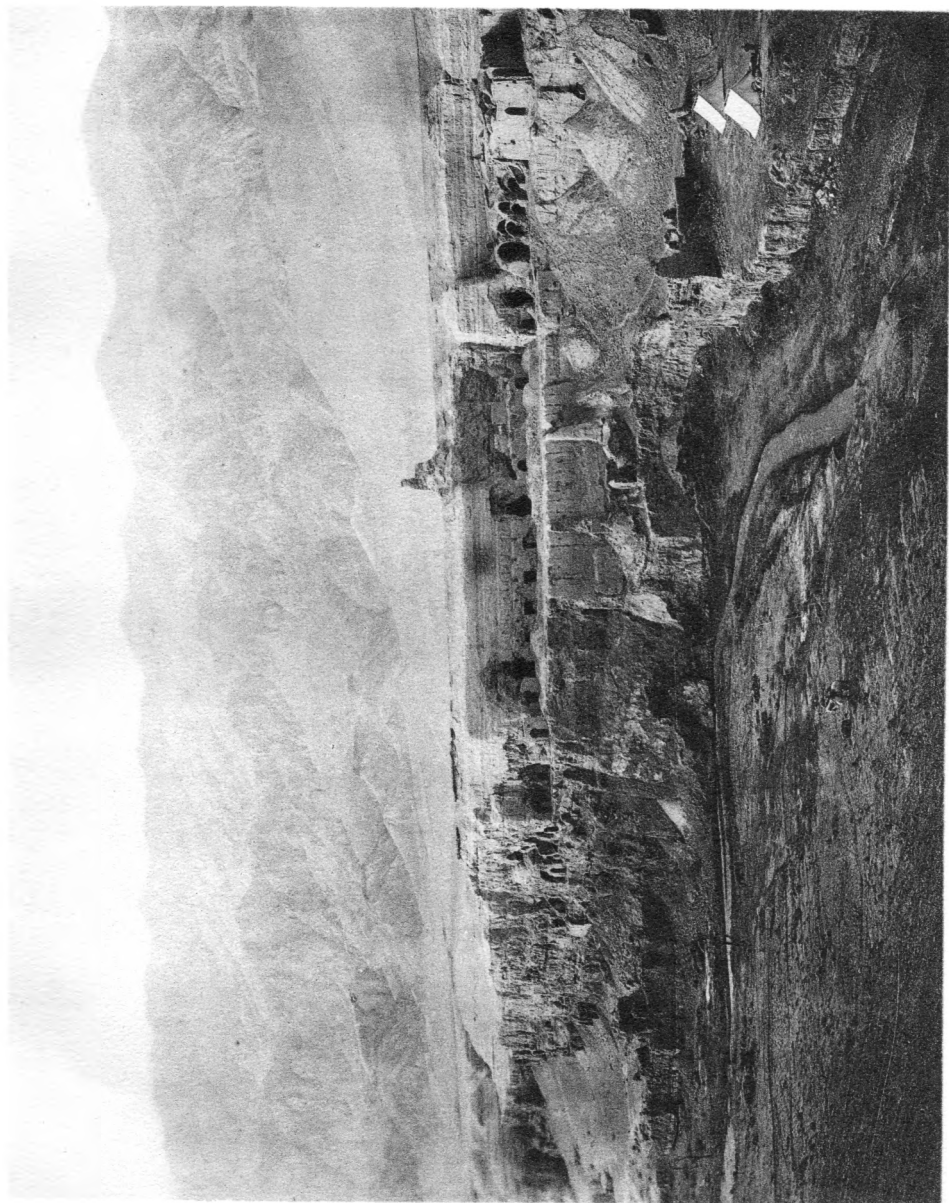
Как громадно время, как велик мир, сколько веков и как разнообразно играла жизнь на земле! И вся эта даль, все это величие в тот день глядели в лицо этой маленькой, своевольной девочке, в тени облаков, в тихом шуме дождя.

И потому она, раскрыв свои большие черные глаза, стояла неподвижно — как образ самой вечности.

Перевел с бенгальского

М. Тубянский

1. Пещеры Безеклика близ Турфана.

ПЕЩЕРЫ ТЫСЯЧН БУДД

I

Еще при жизни Будды ученики его, следуя наставлениям своего учителя, покидали дом для бездомной жизни и искали убежища в пустыне: в лесу под деревьями, в горах под навесами скал, в горных пещерах. Шли года, учитель умер, разросшаяся община учеников стала жить общежитиями, начала сооружать монастыри и храмы, но, верная старым заветам, всегда искала пустыни, определяя даже в своих церковных установлениях требования ставить жизнь отшельников в непосредственное общение с природой, столь необходимой именно для созерцательной жизни. История буддийских монастырей, раскинувшихся на протяжении веков по большей части Азии, еще не написана, но и теперь мы уже знаем, что большинство из них строилось в пустынных местах, при чем обыкновенно обращалось внимание на красоту окрестностей. Эта любовь к пустыне понятна всякому, кто имел счастье видеть ее и почувствовать на себе ее влияние. Великое, освобождающее человека молчание пустыни перерождает душу того, кто познал пустыню. Буддисты понимали это, и потому их молчаливые монастыри и дали так много для воспитания духа. Не даром японский философ сказал: «Когда ты почувствуешь, что в недрах души твоей пробуждаются ростки нежных мыслей, дай им распуститься в молчании и тайне, заговорить—значит бы заставить их умереть».

В Индии, Индо-Китае, Индонезии, Тибете, Афганистане, Средней Азии, Китае, Корее, Японии, всюду находим мы буддийские монастыри и почти во всех этих странах—те пещерные храмы и монастыри, которые в Индии, на родине буддизма, были, вероятно, его первыми местами молитвы. Среди громадного количества этих пещерных храмов мы остановимся на одной группе пещер в Китае, которую нам пришлось исследовать в 1914—1915 годах и которая лежит близ Дунь-Хуана, недалеко от остатков великой стены, защищавшей так называемый внутренний Китай от вторжений и набегов кочевников. Никогда не забыть мне тех чувств, которые я испытал, когда лошадь моя

вскарабкалась на довольно крутой с виду холм, и я поехал по гребню «Великой Стены»: в обе стороны далеко расстилась пустыня, местами покрытая чахлой травой, переходя таким образом в степь, на горизонте к северу змеялась болотная речка. В этих местах некогда Внутренний Китай граничил с внешним миром. Невольно вспомнились те старинные китайские паломники буддисты, которые здесь расставались с родиной и вступали в страшную пустыню, начало долгого и необычайно в те дни опасного пути в далекую обетованную страну—Индию. Вот как писал об этих местах один из этих паломников, шестнадцать веков тому назад: «Перед нами была пустыня, в которой много злых демонов и горячих ветров. Путешественники, которым приходится с ними встречаться, гибнут все до единого. Не видишь птицы в воздухе или зверя на земле. Сколько ни смотри вокруг себя, чтобы понять, где лежит путь перехода через пустыню, не знаешь, куда идти, единственный указатель пути—высохшие кости мертвецов на песке». Это описание верно и для нынешнего дня, через тысячу шестьсот лет, особенно во время ветров, когда молчаливая во все остальное время пустыня гудит и стонет и в воздухе летят песок, галька и даже камни.

И тут же в небольшом ущельи предгорья скрывается ряд буддийских пещер, которые в крутом скате начали вырывать буддисты пятнадцать — четырнадцать столетий тому назад. Лежат они между городами Ань-Си и Дунь-Хуаном, ближе к последнему, в провинции западного Китая Гань-су. Пещер насчитывается здесь много сотен, из них свыше четырехсот сплошь покрыты степными росписями. Вы видите перед собою целый музей буддийского искусства, древнейшие памятники которого восходят к шестому, либо даже пятому веку по Р.Хр., а новейшие являются печальной «реставрацией» китайских маляров, не художников, двадцатого века: при нас маляр грубыми кричащими красками росписывал, пользуясь маленькой книжкой образцов, разные деревянные части галлерей и ворот перед лестницами, ведущими в верхние этажи пещер.

В маленьком ущелье протекает почти пересыхающая летом речка, создающая небольшой оазис: несколько небольших полей, несколько групп топелей, домики для трех живших при нас монахов, у левого берега реки крутой скат горы, в котором вырыто более четырех сот пещер, вниз по течению реки, в том же скате еще несколько сот пещер, частью почти засыпанных песком, из них лишь весьма немногие с росписью, уже не китайских и индийских мастеров, а тангут-тибетских. Снаружи пещер проходили деревянные галлерей, в верхние этажи вели лестницы, большая часть галлерей и лестниц обрушилась, видимо, несколько раз восстанавливалась, иногда восстанавливается и теперь, когда кто-нибудь пожертвует деньги. При нас хозяином, совершенно, повидимому, самозванным, был умный, чрезвычайно себе на уме, лаосский, даже не буддийский, монах Ван, независимо от него жили еще два совсем молодых тангута, считавшие себя монахами. Вряд ли когда-либо в этом крошечном оазисе могло жить постоянно много монахов, но великолепие росписей пещер, с многочисленными записями жертвователей, говорит о том, что «Пещеры Тысячи Будд» усердно посещались паломниками. Теперь сюда являются на поклонение монголы из Цайдама, тибетцы, немногочисленные китайские чиновники: святыню начинают забывать, и только, может быть, интерес, проявленный к ней европейскими путешественниками, вернет современем буддийской святыне утраченное ею пока значение.

Снаружи, за галлереями, видны входы в пещеры, четырехугольные отверстия, иногда закрываемые деревянными дверьми. Перед большинством

2. Ниша с остатками статуй: Будды и гения хранителя.

пещер преддверья, открытые спереди, три стены которых—задняя с дверью в пещеру и две боковых—покрыты росписью. Роспись эта почти всегда в преддверьях более новая: очевидно, преддверья быстрее подвергались разрушению, и их приходилось от времени до времени восстанавливать. Преддверья сохранились недостаточно хорошо, чтобы без долгого предварительного исследования, которое пока не сделано, можно было сказать, какую мысль художник вкладывал здесь в роспись; то же приходится пока сказать про проход, ведущий из преддверья в пещеру, иногда довольно длинный, так как многие пещеры идут глубоко в гору. Через проход мы вступаем в самую пещеру и здесь, по переживаемым нами впечатлениям, мы воспринимаем намерения художника, украшавшего храм.

Изучение буддийского искусства началось столь недавно и ведется столь небольшим числом специалистов, что мы далеки еще от тех широких обобщений, какие знает история античного искусства, и от ее глубокого понимания мельчайших деталей античных памятников, тем не менее и для нас уже вырисовываются известные общие выводы, известное понимание замыслов художников и техники их исполнения.

Мы сразу чувствуем, а иногда даже знаем это из некоторых исторических источников, что целый ряд сложных и прекрасных композиций, которые мы встречаем в почти бесконечных репликах, принадлежат великим мастерам. Оригиналы, как и в античном искусстве, в большинстве случаев, вероятно, бесповоротно погибли, но реплики более или менее талантливых мастеров позволяют нам разобраться в замысле великого художника и, даже во второстепенном исполнении этого замысла, почувствовать прелесть оригинала.

В Дунь-Хуане, как и в большинстве пещерных храмов, ныне нам доступных, мы, за редкими исключениями, имеем почти только копии, и тем не менее мы должны признать, что впечатление ими производимое чрезвычайно велико. Искусное использование световых эффектов, полумрак пещеры, голубоватый туман от курительных свечей и огненные точки их тлеющих вершущек, все это вместе взятое придает росписям какую-то совершенно своеобразную прелесть.

II

Как только вы вошли в пещеру, вы видите перед собою ярко освещенную светом из двери центральную фигуру, которой посвящена пещера. В большом числе случаев это фигура Будды и потому, как пример описания пещеры, возьмем такую, где главной фигурой, культового фигурой является изображение Будды. Учитель сидит в обычной позе, на скрещенных ногах, руки его подняты или для благословения или для учения: буддийское священное искусство знает большое количество разных положений руки, которые носят определенные названия и имеют свою символику. Мягкий овал лица, прямой нос, глубоко сидящие, немного закрытые глаза все вместе дает впечатление величавого спокойствия и глубокой думы. Мне приходилось много раз проверять на других и на себе то впечатление, которое в полутемной пещере производит эта фигура погруженного в созерцание Учителя, и всегда оно совпадало: вас невольно привлекает к себе эта глубокая дума — вы задумываетесь сами и невольно начинаете перебирать основные мысли буддийского учения; только спустя некоторое время у вас является желание продолжить осмотр: вы видите по обе стороны Учителя стоящие,

обыкновенно в человеческий рост, а часто и больше (фигура Будды обыкновенно значительно больше), фигуры двух главных учеников, старого Кашьяпы, который из брахманского отшельника стал буддийским монахом, и молодого, прекрасного Ананды, родственника Будды, из царского рода, любимого ученика, который упросил Будду допустить в общину женщин, чтобы дать и им возможность прозреть того ученика, около которого житие собралось столько очаровательных легенд. Зачастую эти обе фигуры монахов, сделанные из глины, соответственно раскрашенные, до того реалистичны, что вам кажется, что перед вами живые люди. Этот реализм не действует, однако, на вас отталкивающе и не кажется грубой подделкой под действительность, а удивительно гармонично уживается с условностью и зачастую стилизованностью других фигур. По обе стороны учеников стоит по фигуре бодисатвы: это существа, которым предстоит стать буддами, но которые, как, напр., наиболее известный из них Авалокитешвара, отказались от этой возможности вступить в нирвану и остались для вечного служения страждущему миру. В царских одеяниях и диадемах, с удивительно нежными и гармоничными формами тела, не женскими чисто и не чисто мужскими, а представляющими какое-то удивительное соединение мужской и женской грации, они стоят с цветами, чашами, в длинных развевающихся одеждах (см. табл. 4), или же стоят в общей группе, окружающей Учителя, внося какой-то элемент сверхчеловеческого. Рядом с ними по обе стороны две фигуры, которые на первый взгляд кажутся нам мало понятными и даже отталкивающими своими зверскими искаженными лицами: это гении хранители, стражи входа или посетители Перуна; их страшный вид обращен к грешникам и врагам веры; благие для верующего и для доброго человека, они страшны неверующему и злему. Несомненно, что буддийский пантеон заимствовал их из старинных индийских, добуддийских культов и что вне Индии они тоже составляли часто соединительное звено с местными, старинными культами.

Эта центральная группа, обыкновенно помещаемая в нише (см табл. 2): здесь сохранилась только средняя фигура будды и справа от нее (буддисты считают направо и налево от центральной фигуры) фигура гения хранителя, иногда помещается и непосредственно у стены. Часто группа сокращается до трех фигур: Будды и двух бодисатв, при чем за статуями стена покрыта росписью, тоже с группами бодисатв, для того, чтобы усилить впечатление, производимое пещерою на верующего (см. табл. 5). При этом иногда художник старается достичь светового эффекта, при котором терялся бы рельеф статуй, которые тогда, несмотря на громадные размеры, кажутся плоскими и гармонично сливаются с росписью стен.

Зачастую одна ниша в центре против входа не представляется художнику достаточной, и он устраивает ниши и в боковых стенах—тогда с трех сторон вы видите созерцающих будд, при этом стены покрыты сплошь росписью—рядами маленьких фигур, созерцающих будд, и вы таким образом окружены величавым спокойствием и созерцанием. Когда это чувство овладело вами, вы через некоторое время непременно поднимете голову. Тогда перед вами явится верх пещеры, устроенной шатром, на скалах масса сцен из жизни будды, здесь все движение, впечатление которого еще усугубляется тем, что вверху, в середине, центр которой обыкновенно составляет лотос, вы видите вихрь летящих фигур божеств, вам кажется, точно вверху все движется (см. верх пещеры на табл. 6). Вместе с тем вы чувствуете, что это не земная, человеческая жизнь, а нечто иное, и на это прежде всего указывают сцены из жизни Учителя, его проповеди всем живым существам. Среди таких сцен ваше внимание невольно приковывается

3. Будда и бодисатва.

одной, которая напоминает о гораздо более поздних временах: проповедь Франциска Ассизского птицам: здесь вы видите Будду проповедующего, и вокруг него самые разные синие птицы! Мы пока еще точно не знаем, какие краски и тона подверглись особенно сильным изменениям, повидимому, это было, главным образом, красное и желтое, но в плафонах пещер мы теперь видим особенно часто синее, зеленое, великолепно сохранившееся золото и много черного, повидимому, в большой мере заменившего красные тона. Это сочетание красок дает удивительные эффекты, точно так же здесь научаешься ценить все те многообразные сочетания, какие могут давать мало у нас сочетаемые голубой и синий с зеленым. Ясно, что по отношению к краскам мы видим теперь во многом не то, что имели в виду художники, росписывавшие пещеры, употреблявшие, очевидно, в полутемных пещерах яркие тона, смягчавшиеся полумраком, но по отношению к тому впечатлению, какое хотели произвести художники, мы находимся теперь почти в одинаковых условиях с теми, кто смотрел на росписи в первое время их существования: если время смягчило яркость тонов, то разрушением преддверий, которые были раньше крытыми, расширением во многих местах входов, оно ввело гораздо больше света в пещеры, чем его было ранее, и впечатление получается почти одинаковое, так что намерения художника нам почти всегда ясны.

Пещеры, подобные тем, которую я только что описал, при большой, казалось бы, простоте их убранства, вызывают ряд очень сложных чувств, главным образом влекут к созерцанию. Представляешь себе, насколько сильнее и глубже эти чувства должны быть у буддиста, для которого здесь не влияние удивительного художественного произведения, а символы всего того, что для него самое дорогое и священное. Именно символы, ибо буддисты постоянно указывают, что образа и статуи Учителя, его учеников и всех других существ сложного буддийского пантеона только напоминания и символы, и лишь глубоко невежественный человек, буддист или не буддист, может поклоняться им, как богам.

В древнейших пещерах царит Учитель, вы видите всюду его изображения, сданы из его жизни, из прежних его перерождений, так называемые «джатаки», в некоторых пещерах собраны знаменитые, на нашем языке чудотворные, образа, имеющие свои легенды. Так, вы видите в некоторых местах странное изображение Будды, где верхняя часть фигуры раздвояется, появилась уже вторая голова, и вы чувствуете, что и вся фигура должна раздвоиться. Так оно и есть, и вот что говорит легенда: «В стране Гандара, на северо-западе от Индии жил некогда бедный поленщик, который из своего заработка с трудом скопил один золотой; решил он непременно заказать художнику написать образ Будды, пошел к художнику и сказал: «я хочу заказать образ Учителя, но у меня один только золотой». Художник сказал, что размер платы для него безразличен и принял заказ. В то же самое время другому бедняку пришла на ум тоже мысль заказать образ Будды, и у него тоже был только один золотой, который он и принес тому же художнику. Художник купил превосходные краски и написал изображение Будды—одно для обоих бедняков. Когда образ был готов, то заказчики смутились, видя только одно изображение. Художник сказал: «вы как будто думаете, что я вас обманул? Вы ошибаетесь, я добросовестно выполнил заказ, и свидетелем мне этот образ». Не успел он кончить, как действительно образ разделился на два, к великой радости обоих бедняков». Эту легенду нам сохранил знаменитый китайский паломник седьмого века, учитель веры Сюань-Цзан, который видел этот образ; мы находим теперь его копии в

буддийских пещерах и знаем, благодаря легенде, как понимать загадочное с первого взгляда изображение.

Неизгладимое впечатление оставляют пещеры, сохраняющие нам память о том, что буддисты называют «Великой Кончиной», вступление Будды в нирвану. В громадной, длинной пещере, в двенадцать, пятнадцать и более сажен длины, лежит, как бы заснувший, по монашескому обычаю, на правом боку, Учитель, правая рука его положена под голову, покоящуюся на подушке. Пещеры с изображением скончавшегося Будды бывают особенно темны, в виду громадных размеров. Лик Учителя только потому различается, что он обыкновенно позолоченный. Около изображения часто стелят свой голубой, душистый туман курительные свечи, и их огненные головки дают отблески на позолоте лица. Вы видите прекрасное, величавое лицо, с закрытыми глазами и выражением удивительного покоя. Особенно сильно вы чувствуете это спокойствие, когда ваш взгляд переносится на искаженные скорбью лица учеников, богов, людей, которые, часто изображенные статуями в человеческий рост, создают иллюзию молчаливой, скорбной толпы. Художник буддист сказал вам в своем произведении то, что составляет суть буддизма: эти люди еще ищут, мечтают, страдают, Будда нашел, ответил на все вечные вопросы, Он преступил грань той жизни, в которой страданье, Он безмятежен и спокоен.

Доказательством тому, как глубоко буддистами воспринимается это впечатление от изображений «Великой Кончины», видно хотя бы из того, что в этих пещерах обыкновенно находишь много цветов, светильников и курительных свечей, всего того, что составляет жертвоприношение буддиста. Здесь же, как и в других пещерах, мы находим и ряд символических, вотивных приношений, какие хорошо знает и Запад и христианство: это изображение отдельных частей человеческого тела, которые, сделанные обыкновенно из бумаги, верующий приносит в дар определенному священному изображению в память своего исцеления от болезни. Я видел в «Пещерах Тысячи Будд» главным образом бумажные изображения человеческих глаз. В тех местах из-за сильных ветров и большого количества песка, который наматывается ветром, много глазных болезней.

III

Одно из писаных изображений последних дней жизни Учителя представляет из себя ряд великолепных композиций и позволяет нам даже предположить, что мы имеем здесь копию с знаменитых картин великого китайского мастера Ву-Дао-Цзы, которые погибли и от которых до сих пор была известна только старинная копия изображения кончины, сохраненная в Японии. Это изображение кончины Будды замечательно тем, что художник отошел от прежних традиционных композиций и создал свою, в которую воплотил идею о скорби всего мира при кончине Учителя, при чем он ввел в композицию и животных. Если справедливо наше предположение, требующее, конечно, еще подробного исследования, которое в настоящих условиях трудно произвести, то пещеры Дунь-Хуана сохранили нам драгоценнейший памятник китайской живописи.

На ряду с фигурою Учителя, которая господствует особенно в древнейших пещерах (см. таблицы 2, 3, 5), громадную роль играет другая, связанная с представлениями, происхождение которых пока еще не совсем выяснено. Мы имеем в виду будду Амитабу — «Беспределенный свет», дарящего в своем раю Сукавати «Блаженном». Его популяр-

4. Бодисатвы.

ность в Средней Азии и на Дальнем Востоке была громадной, и теперь еще эта популярность его сохранилась в Японии. Буддисты, верящие в «Блаженный» рай Амитабы, думают, что когда верующий умирает, то в час его кончины перед ним является будда Амитаба—будда Беспредельного Света, в сопровождении бодисатв Авалокитешвары и Махастамаспраты с золотым лотосом. В этот лотос погружается верующий и переносится в рай «Блаженный». В раю лотос распускается, и верующий зритель будду Амитабу во всей славе его и приобщается к блаженным в раю. Изображение этого рая составляет одну из любимых тем стенных росписей Дунь-Хуана, где мы видим великолепные образцы этих сложнейших композиций, которые, несмотря на громадное количество фигур и предметов, на них изображенных, поражают своею гармоничностью и глубокой продуманностью мельчайших подробностей. В середине Будда Амитаба, рядом с ним двое бодисатв, вокруг сонмы будд и бодисатв, великолепные дворцы, пруды с лотосами, волшебными, потому что в них скрыты те существа, которые перенесены сюда после смерти на земле, часть лотосов еще закрыта, другие полуоткрыты, и в них видны маленькие фигуры людей, другие совсем открыты и на них сидят «блаженные». Всматриваясь внимательно в картину, видишь все новые и новые детали, которых сперва не заметил: чтобы описать во всех подробностях изображение рая Амитабы нужна была бы целая книжка. Чувствуется, что все эти многочисленные варианты одной основной темы тоже обязаны своим происхождением какому-нибудь знаменитому произведению, до определения которого мы доберемся путем долгой работы и изучением художественного предания Средней Азии и Дальнего Востока; мы уже и теперь знаем, что много произведений китайского и японского искусства восходит к средне-азиатским оригиналам, которые, в свою очередь, связаны с Индией, а здесь частично через Гандару, к северо-западу от Индии, и с эллинистическим искусством в разных его провинциальных проявлениях. Росписи Дунь-Хуана являются ценнейшим звеном в цепи преемственности развития художественных форм от Греции до Японии. Греция в Аполлоне дала человеческий облик Будде, который в древнейшем буддийском искусстве изображался только символами, таким образом в лучезарном Амитабе отразился и лучезарный Аполлон. Не даром буддисты сближают Амитабу с западом и с солнечным закатом: когда вы смотрите на пурпурно-золотистый закат, когда все небо на западе залито золотом, то перед вами, говорят буддисты, золотые врата Сукавати, которые открыты для верующего, за ними тот рай, который так многообразно и так великолепно изображен на росписях «Пещер Тысячи будд».

IV

Много других религиозных представлений, много легенд нашло себе выражение в росписях пещер, при чем в зависимости от художественных навыков и течений тот же самый предмет находит себе разное истолкование или, вообще, одни темы преобладают в одном периоде, другие в другом. В Китае культурные периоды приурочиваются к господству той или другой династии, то туземной, то иностранной, так как Китай, как известно, часто находился под властью иностранцев. Древнейшие из «Пещер Тысячи будд» относятся, как мы говорили, к периоду 5-го—6-го веков, т. е. до знаменитой Танской династии (7—10-го века). Мы видим здесь сильное влияние Индии, даже специально Гандары, где искусство эллинистическое сочеталось с индийским: стройные фигуры будд, бодисатв, монахов поражают нас

здесь изяществом форм, длинными развевающимися одеждами, нежными тонами, особенно удивительными сочетаниями бирюзовых и зеленых тонов, богато представлено животное царство великолепными птицами с длинными пестрыми хвостами, сернами, оленями, зайцами, несущимися среди лесов и скал, местами обнаруживая следы влияния иранского искусства сасанидов. Китайские предания в этом искусстве связывают его с своеобразным искусством ханьской династии (около времени Р. Хр.), когда удивительнейшие чудовища, плод самой необузданной фантазии, напоминают нам переднюю Азию. Этот период китайского искусства еще мало изучен, но и в том, что мы знаем, он пленяет своей свежестью, готовностью заимствовать смело и безбоязненно все, что ему по душе, не боясь потерять и не теряя поэтому собственного облика.

За этим периодом, носящим иногда, по имени одной из до-Танских династий, название Вейского, следует период Танский, период сильнейшего влияния буддизма и Индии на Китай: умирающий в Индии, достигнув высочайших вершин своего развития, буддизм особенно сильно именно теперь влияет на Китай. Всматриваясь в росписи Танского периода, спрашиваешь себя часто, почему эту живопись мы считаем китайской, а не индийской, до того мало в ней китайских элементов. В отличие от стройных, полных движения главных фигур, мы имеем здесь фигуры сравнительно массивные, по большей части даже несколько коротконогие, простоту и спокойствие композиций, глубоко созерцательный характер росписей и статуй и только в плафонах, как будто в небесных обителях, движение и даже большая стремительность, стоящая в прямом противоречии с основным спокойствием стиля. Это величавое спокойствие, созерцательность и простота—индийское достоинство, которым всецело овладел в это время Китай: не чувствуется ни иранского, ни вообще переднеазиатского влияния, эллинистические элементы претворены Индией, идеалами искусства которой живут китайские художники-буддисты, заимствующие, повидимому, и свои теоретические взгляды в значительной степени из Индии.

Но в то время, когда, казалось, все национально-китайское поглощено индийским, в глубинах сознания художников Китая идет и большая самостоятельная работа, чувствуется переход, постепенный и довольно медленный, но определенный, к большим и сложным композициям. Простые сочетания немногих фигур в танских композициях сменяются постепенно сложными композициями в роде рая Амитабы; мы вступаем в период высшего расцвета национального китайского искусства при Сунской династии (10—13-го века).

Изумительное совершенство линии, которое составляет отличительную черту китайского искусства, находит себе теперь высшее выражение; в полном блеске выступает и та индивидуализация человеческой фигуры и особенно лиц, то стремление к портрету, которое так характерно для Сунского периода и так противоположно условности и обобщению Танского времени. Если мы тогда могли указать на попытки индивидуализации Кашьяпы и Ананды, то это все же были обобщенные образы величавого старца и прекрасного юноши, и только; здесь мы видим целые серии учеников и каждый с определенной индивидуальностью. Индийское влияние еще заметно, да, видимо, мастера буддисты и не хотят от него освободиться, с ним слишком тесно связано все их священное предание, но если индийское влияние и есть, то оно так претворено, что нужно исследование, чтобы в точности выяснить, в чем оно состоит. Сунское искусство никто не решится не признать китайским.

5. Статуи Будды и бодисатв на фоне стеной росписи.

Как обыкновенно бывает, высшая точка развития есть вместе с тем и исходная точка упадка; так оно случилось и в Китае: свободное творчество постепенно превращается в схему. Мы видим в «Пещерах Тысячи будд» те же большие композиции, те же орнаментальные полосы, которые так выделяли большие картины Сунского времени, но линия потеряла прежнюю гибкость и свободу, разнообразие сменяется однообразием. Сохранилась только известная внешняя техника. Чувствуешь, что если раньше трафарет помогал живописцу сохранить в общем священные канонические формы образов, то теперь этот трафарет служит только к замиртвлению рисунка и всей композиции. Есть пещеры, где эта схематическая роспись доведена до высокой степени технического совершенства, но никаких чувств и настроений они в нас не вызывают, нас интересуют только зачастую непонятные вам сцены, они возбуждают любопытство узнать их толкование и больше ничего. К этому периоду упадка, после Сунского времени относятся и попытки реставраций потерпевших от времени росписей и статуй. Жалкое впечатление производят эти реставрации, где сравнение остатков старинной красоты со схематической уродливостью нового времени оставляет в нас тяжелое чувство, и чем новее, тем хуже. При нас уже работали только маляры, и они и монахи были совершенно лишены чувства красоты.

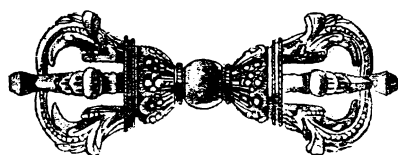
Так и стоит среди пустыни этот несравненный музей китайского буддийского искусства, и европейцы начали его изучать — англичане, французы, русские посылали туда экспедиции, и в двадцатом веке на него обратили должное внимание, ибо, как это ни странно подумать теперь, экспедиции натуралистов в девятнадцатом столетии, среди них и русские, прошли мимо этих сокровищ, удостоив их лишь беглых, случайных замечок, не дававших даже возможности предположить существование того ценнейшего в научном и художественном отношении материала, который заключают в себе «Пещеры Тысячи будд». Теперь мы можем его изучать в Петербурге со всею тою тщательностью, какой требует его значение. Может быть, настает время, когда пещеры станут доступны и всем любителям истинного искусства, и я уверен, что ценители искусства тогда переживут то, что пережили и мы, и то, что словами верующего в чудеса буддиста так поразительно верно передал великий китайский паломник седьмого века Сюан-Цзан, рассказывая о посещении им одной буддийской пещеры далеко от Дунь-Хуана, за пределами Китая; откиньте элемент чудесного и это будет впечатление и современного нам человека.

Сюан-Цзану сказали, что в одной очень трудно доступной пещере истинно верующим является на стене тень Будды. Преодолев все опасности и трудности пути, он подошел к пещере; он взглянул в нее, там было темно и мрачно. Проводник сказал ему, что надобно войти в пещеру, дойти до восточной стены, потом отойти и посмотреть на восток, там и явится тень. Сюан-Цзан так и сделал, но ничего не увидал. С глубокою верою он положил тогда сто поклонов, но тени все не было видно. Горечь наполнила его сердце, и он зарыдал, упрекая себя в грехах. Затем начал читать молитвы, после каждого стиха клая земные поклоны. Он сделал их сто, когда увидел на стене небольшой свет, величиной с чашу монаха, но свет исчез. Полный радости и горя, Сюан-Цзан продолжал класть поклоны, свет явился вновь. Тогда восторг овладел паломником, и он поклялся, что не уйдет, пока не увидит тени Будды. Он положил уже двести поклонов, как вдруг вся пещера озарилась светом, и на восточной стене появилась тень Учителя, ослепительной красоты, лик его сиял. Сюань-Цзан, восхи-

щенный, взирал на несравненный образ. Тело Будды и платье его были желтовато-красные, и, начиная с колен, все тело его обозначалось на стене, низ же лotosного престола Учителя был как бы в тумане. По бокам Будды и сзади стояли монахи и бодисатвы. Сюан-Цзан велел шести человекам, стоявшим у входа в пещеру, принести огня, чтобы возжечь курення. Когда принесли огонь, тень исчезла. Сюан-Цзан велел унести огонь, и тень вновь явилась. Из тех шести человек пятеро видели тень, а шестой ничего не видел.

Так же и теперь, одни увидят красоту этих исканий индийских и китайских художников глубокой старины, другие ее не увидят; хорошо, если из шести увидят пять.

Сергей Ольденбург

6. Верх плафона шатром.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НОВО-АРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ¹⁾

Когда приходится слушать вопросы об арабской литературе, невольно вспоминается роман «Власть мертвых» недавно популярного Бласко Ибаньеса. Идея, вложенная в это заглавие, сказывается и здесь. Жизнь направляют и устраивают не живые люди, которые гордо считают себя властителями ее. Она идет по тем путям, которые намечены их предками — мертвыми; сотнями итей связаны с ними живые и, сами того не замечая, они покорно подчиняются их велениям. Не малое мужество требуется иногда, чтобы убить этих великих мертвецов и отказаться от их часто славных, но уже непосильных для живых заветов. Так бывает с людьми, но так бывает и с целыми нациями, которые задавлены своим знаменитым прошлым, которые были когда-то посетителями великих культур.

Здесь мертвые не только повелевают, здесь они заслоняют живых от взоров других живых. Все знают греческое искусство или греческую религию, но никто за ними не видит современной Греции. Иногда это вопрос только отвлеченного интереса или любознательности, но иногда колесо истории поворачивает в другую сторону: за тем, кого мы считали мертвецом или погруженным в сон, вырисовывается живой лик, иногда величественный, часто страшный, всегда поражающий своей неожиданностью. Пример Японии еще свеж в нашей памяти.

Славное прошлое заслонило арабов от взоров европейца. С их именем твердо связывают Коран или 1001 ночь, но при вопросе о современности встает ряд бледных, смутно фантастических картин. Виднеются богатые купцы, которые в кофейнях за кальяном слушают рассказы из той же 1001 ночи; вспоминается бедуин, распевавший «про дела отцов» у цветного шатра; изредка при газетной заметке о пан-ислализме вырисовывается загадочная фигура фанатика с мечом, готового обрушиться священной войной на христианский мир. Турнеты дополняют фон этой картины рассказами про назойливых лодочников или погонщиков, вечно надоедающих просьбами о бахшише.

И за этими картинками совершенно скрыта настоящая действительность. Незвестным остается существование богатой периодической прессы, раскинувшейся в четырех или даже пяти частях света, существование ряда общественных и политических партий с самой разнообразной идеологией. Арабские страны и теперь являются крупным экономическим фактором, который служит одним из необходимых звеньев в международном обмене берегов

¹⁾ Предполагая в дальнейших номерах журнала знакомить, по мере возможности, с отдельными фактами ново-арабской литературы и общественности, автор настоящей статьи считал необходимым охарактеризовать общие условия ее роста. Статья не ставит задачей дать представление о самой литературе или отдельных авторах и произведениях: она только намечает условия ее зарождения и рамки дальнейшей жизни. Попытка обрисовать сложные вопросы ее идеологии в общей картине поможет читателю в будущем правильно осветить отдельные частности.

Средиземного моря. Сами арабы в общечеловеческом смысле — наиболее культурный народ ближнего востока, лидер мусульманского мира, каким он был и в средние века, но в то же время авангард европейского влияния. Причудливые комбинации вызывает эта встреча запада с востоком; из всех сторон современной арабской культуры наиболее отчетливым объектом изучения может служить литература, возрождение которой хронологически очень удобно определяется началом XIX века.

В попытке дать хотя бы некоторое представление о ходе ново-арабской литературы заложена известная доля дерзости. Если в русской литературе, по словам одного из лучших ее историков, «об общей истории литературы, хотя бы по периодам, еще долго нельзя будет и думать: все усилия должны быть направлены на детальную разработку материала», то, конечно, даже самая идея истории ново-арабской литературы может вызвать только улыбку. И при всем том эти слова не заставят отказаться теперь от всяких попыток общих построений. В науке, как и в литературе, в каждый данный момент необходимы итоги, хотя бы черновые, хотя бы грозющие устареть на другой день, потому что по ним ориентируется дальнейшее движение. И тот же самый историк признает, что, «исследуя частности, погружаясь в факты, мы никогда не должны забывать, что в последнем итоге наша работа должна служить раскрытию художественной пугуции и ее развития, подобно тому, как, проводя радиус на глаз, стараешься возможно точнее выдержать прямизну линии, но также ни на минуту не забываешь, что она должна вести к центру».

Итоги нужны в каждый данный момент для науки; это не для всех убедительно, но гораздо важнее, что они нужны и для жизни. С особенной настойчивостью говорят эти итоги о своей законности в моменты великих потрясений, и социальных, и неизбежно с ними связанных умственных, которые знаменуют собой этапы в духовном движении человечества.

Что Россия переживает теперь как раз такой момент, об этом не приходится распространяться: именно теперь ей надо пересмотреть и решить вопрос об отношении к другим народам, если она не хочет окончательно остаться за бортом мирового корабля. Но то же самое можно применить и к арабам: после мирового катаклизма они оказались уже в совершенно ином положении, чем до войны. По каким путям пойдет дальше развитие литературы, сказать нам, отрезанным от нее, трудно; знаменательно, что датой войны завершается 100-летнее существование новой арабской литературы, так как первые ее проблески связаны с эпохой после великой французской революции.

Построение периодов в литературе вещь крайне опасная, особенно когда при этом создается представление о регулярной и планомерной смене этих периодов в связи с фактами внешней истории. И тем не менее такой факт играет несомненно едва ли не основную роль в возникновении ново-арабской литературы: этот факт — египетская экспедиция Наполеона (1798—1801), открывающая эру непосредственного воздействия новой европейской культуры на арабский восток. Со второй четверти XIX века такую же роль начинают играть в Сирии школы, которые открываются в большом числе различными духовными миссиями из Европы и Америки. С этого времени вся арабская жизнь проходит под знаком сильнейшего и даже подавляющего воздействия новой европейской культуры.

В истории арабов это явление не представляется единичным. Нечто подобное было уже в VIII—IX веке в эпоху расцвета багдадского халифата. Харун-ар-Рашид с легендой о посольстве его к Карлу Великому, сын его

аль-Мамун, сносившийся с византийским императором, — как бы знаменуют в своих фигурах основную черту этого периода. Греко-сирийская наука владела тогда умами лучших представителей литературы, широким потоком вливалась в арабскую письменность и жизнь. Однако характер воздействия был иной. Тогда усвоение совершалось свободно, по стимулам внутренней потребности; пересаживалась культура, уже завершившая свое развитие. Теперь, в XIX веке, встреча произошла с культурой живой, рост которой шел быстрее, чем могло поспеть усвоение. Тогда воспринимающей стороной были победители в борьбе за политическое и экономическое преобладание. Теперь новая культура навязывалась внешними обстоятельствами жизни пароду, утратившему свое политическое могущество и еще не знавшему внутреннюю ценность этой культуры. Результатом такого несознательного отношения часто являлась духовная подавленность от невозможности усвоить и поспеть за темпом жизни. Часто это вызывало протест и стремление замкнуться в старых рамках, искусственно их поддерживая, но еще чаще вело к поверхностному усвоению, результатом которого было презрение ко всему своему, как неоправданному жизнью, недостойному внимания современного человека. Только далеким идеалом у отдельных умов мелькает мысль о будущем синтезе обеих культур, когда, по словам Амина Рейхани, «самым культурным будет признан не европеец и не восточный человек, а тот, кто сумеет выбрать из достоинств одного и другого все преимущества европейского гения и азиатского пророка».

Европейское влияние позволяет определенно говорить о новом периоде в арабской литературе. Отличие от всего предшествующего обнаруживается здесь не только в общем типе, но и в тех неслыханных раньше факторах, которые оказывают теперь влияние на развитие литературы. Появляются новые школы, занесенные Европой или созданные по европейским образцам: французский *Université St. Joseph* в Бейруте, американский *Syrian College* там же, полу-европейский университет в Каире, чисто-арабская по языку и идеологии, но европейская по структуре высшая школа Туниса — аль-Хальдуния, названная по имени великого историка-философа XIV века. Французская экспедиция заносит в Египет два неведомых раньше элемента культуры — типографию и периодическую прессу. После слабых попыток, с 20-х годов неуклонно идет развитие этих отраслей, и давно уже арабы могут гордиться ими перед восточными собратьями. Общества научные, литературные, политические создают интеллигентную среду, вызывают неведомую раньше сплоченность духовных сил и возможность не только поставить известную цель, но и достичь ее. С 50-х годов появляется и арабский театр, сперва в виде слабых любительских попыток, а к началу XX века приобретающий уже значение серьезного общественно-литературного явления. Все это сделал один XIX век, посмеявшись над любимой в Европе легендой о «драхле востока».

Если хронологические рамки нового периода в арабской литературе удобно определяются этим XIX веком, то географические придется значительно сузить по сравнению с тем пространством, которое можно считать принадлежащим арабской расе. Из всего числа 45 — 50 миллионов арабов, сплошной массой живущих в юго-западной Азии и северной Африке, далеко не все останутся в поле нашего зрения. Очагов возрождения только два — Сирия и Египет. Когда интернациональный ислам погубил арабскую идею, и лишенные отечества мусульмане предали арабское дело, то за него взялись арабские христиане Сирии. В Сирии под вековым пеплом продолжали тлеть угли традиционной поэзии и науки; в Алеппо,

городе европейских факторий, всегда находился кружок, поддерживавший жизнь родного языка. С переходом гегемонии к Бейруту огонь, тлевший под пеплом, вспыхнул ярким пламенем от перекрестного ветра восточного и западного влияния. Здесь запылал очаг, перенесенный и в Египет. Но если основной стимул исходил от Сирии, если и до сих пор она поставляет главный контингент литераторов, то второй родиной новой литературы явился Египет. Мягкость цензуры по сравнению со свирепствовавшей в Сирии, экономический расцвет, особенно с 80-х годов, изменение торговых путей в связи с прорытием Суэцкого канала—все это вызывало усиленный приток эмигрантов из Сирии, и не малая доля их состояла из журналистов и литераторов, часто искавших здесь спасения от тупого политического гнета. Крупнейшие периодические издания, которые получили мировое значение, были основаны сирийскими арабами; они явились идеологами важнейших общественных партий и группировок. При такой роли Сирии и особенно Египта в новой арабской литературе, другие страны отходят на задний план и только в лучшем случае являются пассивным воспринимающим элементом. Как это ни странно, но Алжир не дал ничего в этой области: внешняя европеизация здесь произошла слишком быстро и не позволила отнестись вдумчиво к своему языку и литературе. Тунис оказался в более благоприятном положении, хотя попытки местных деятелей внести свою долю в сокровищницу обще-арабской литературы относятся к совсем недавнему времени. Месопотамия с ее славным прошлым и до наших дней жила этим прошлым. Только в начале XX века стали здесь сказываться новые течения, отчасти под влиянием Египта, отчасти местных школ и духовных миссий, как было почти сто лет тому назад в Сирии. Мировая война и здесь изменила положение: по некоторым данным можно предполагать, что дальнейшее развитие литературы в Месопотамии найдет аналогию с движением ее в Египте после английской оккупации. В стороне от новых течений остаются две области—Аравия и Марокко; и там, и здесь нет почти никакой прессы, кроме официальной, и там, и здесь в сфере духовной культуры царит еще средневековые.

Ограничив область ново-арабской литературы только некоторыми странами из тех, где преобладает арабское население, мы должны сильно ее расширить пределами арабской диаспоры. Тяга арабской интеллигенции шла не только в Египет. Уже политический центр государства — Стамбул привлекал к себе представителей всех национальностей с эпохи их подчинения туркам. Именно здесь в 50-х годах появилась первая неофициальная газета на арабском языке. Роль европейских центров, где с того же времени встречаются более или менее значительные арабские колонии, сказала еще сильнее. Одно количество периодических изданий ясно говорит, каким потоком европейская мысль неслась на родину арабских выходцев. Но все это влияние померкло по сравнению с тем, что дала для новой арабской литературы Америка. Здесь, в обстановке деловой лихорадочной жизни, идет знакомство не только с Америкой, но часто и с Европой. Самый состав эмиграции, очень значительный количественно, создает более устойчивую, чем в Европе, среду, и ее влияние проникает все стороны жизни на родине. Можно сказать, что новейший период ново-арабской литературы, начиная с XX века, прямо или косвенно связан с эмиграцией в Америку. Сирия—Египет—Америка—вот три исторических этапа новоарабской литературы, но в такой же мере они являются и этапами географическими. Именно здесь, в этих странах, легче всего проникнуть в душу арабского народа, уловить все его чаяния, увидеть отражение его облика в литературе.

Едва ли к этой литературе можно будет подойти с обычным ходячим определением, как оно складывается у европейского читателя и критика. Если мы признаем за литературу только «словесные произведения, которые в силу особенностей своей формы обладают способностью возбуждать воображение, чувствительность или эстетическое чувство читателя», — то целые отрасли ново-арабской литературы будут оставлены за бортом, — отрасли, без которых ее характеристика окажется неполной. Здесь приходится сделать некоторую уступку и часто идти на компромисс понимания литературы, как письменности. Особенно это ощутительно в первой половине XIX века, когда отдельные области не всегда еще дифференцировались, а деятельность основателей нового движения, создавших среду для его восприятия, интересна во всей ее целостности, а не только в отдельных произведениях изящной литературы. Периодическая пресса — это дитя XIX века, важный фактор арабской общественной жизни — тесно связана с развитием публицистики и особого журнального стиля, насчитывающего талантливых представителей. Более нормальным с обычной точки зрения явится наше внимание к повой поэзии, которая медленно отказывается от старых форм, к драме и роману, представляющим создание ново-арабской литературы.

Вертикальное деление по родам литературы таким образом вырисовывается; горизонтальное — по периодам может быть намечено только приблизительно в связи с политическими изменениями.

Деятнадцатый век для арабских стран это — история их юридического или фактического освобождения от турецкого владычества. В начале него наиболее интересные для нас области — Сирия, Египет, Тунис, Алжир — еще подчинялись турецкому султану; теперь все они или оккупированы европейскими державами, или находятся под их протекторатом. Движение совершалось, конечно, медленно. В Египте таким исходным пунктом можно считать упомянутую французскую экспедицию (1798 — 1801) и утверждение основателя хедивской династии (1805). Сирия до 40-х годов остается частью во власти Египта, частью местных правителей, иногда объединяющих почти всю страну, как знаменитый эмир Бешир. Переворот здесь наступил в 1860-м году, когда после вмешательства европейских держав, в связи с дамасской резней христиан, Ливан получил известную автономию. Литературная деятельность сосредоточивается преимущественно в Бейруте и здесь вырастает круг деятелей, работа которых открывает уже второй период ново-арабской литературы. Связан он преимущественно с Египтом; после оккупации его англичанами в 1882 году значительно смягчаются цензурные условия, экономическое оживление дает возможность самостоятельного существования литературы, появляется неизвестный раньше тип писателя-профессионала. Новый этап знаменуют турецкие перевороты, начиная с 1908 года, которые отражаются во всех областях жизни так же, как у нас 1905 год. Учесть все стороны развития в последнем периоде невозможно, так как мировая война нарушила сколько-нибудь нормальное течение. Еще более невозможно строить какие-нибудь предположения о картине арабской литературы в начале 20-х годов XX века. В прошлом можно более отчетливо видеть два периода: до 70—80-х годов — эпоха героической деятельности «столпов возрождения», когда закладывалось самое знание и создавалась читающая среда, а с этого времени — работа нового поколения, вышедшего уже из новых школ, выросшего в новых условиях жизни.

Несмотря на всю силу европейского влияния, было бы ошибочно характеризовать ново-арабскую литературу исключительно этой чертой. Оно воспринимается не всегда пассивно: на фоне его идет горячая борьба

старого и нового в самом арабском мире, борьба мусульманства с христианством, пан-исламизма и национальной идеи. Все эти течения часто перекрещиваются, порождая новые направления, а нередко и водовороты.

И в древне-арабской литературе нам известны те же явления, но дальность хронологической перспективы часто их затушевывает, а кроме того и наш интерес вызывается в этой области другими соображениями. Древне-арабскую литературу мы во всех отношениях можем назвать классической. В мусульманском мире она играла такую же роль, как греко-римская в Европе, санскритская в буддийских странах, китайская на дальнем востоке. И не только историческое значение позволяет назвать ее классической, но и внутреннее абсолютное достоинство. Раскрывая жизнь человеческого духа на одной из высших ступеней развития, она и теперь может дать опору для духовной жизни человека, даже не ограниченного теми же национальными или религиозными рамками. В этом одна сторона ее вечного неувядающего достоинства. Помимо этого, по сравнению с индо-европейским нашим миром она является, как обыкновенно говорят, «оригинальной» и этим доставляет возможность непосредственного эстетического восприятия и подхода. С точки зрения обще-человеческой истории древне-арабская литература составляет необходимое звено европейской культуры в ее органическом развитии. Без нее и это развитие навсегда осталось бы непонятным, интерес, чувствуемый к нему, — только обычный человеческий интерес к своему собственному прошлому.

В противоположность этому, попытка подойти к ново-арабской литературе с тех же сторон обречена на полную неудачу. Поскольку она нова — она стоит под европейским влиянием, хорошо известным нам из первоисточника и оригинала; поскольку традиционна — представляет только более или менее удачное подражание более или менее великим образцам прошлого, которые тоже обыкновенно нам известны. Иногда от востока здесь остается только язык, все же существо говорит о западе. Едва ли бывает лучше, когда в ее обличье мы видим тот «восток во фраке», о котором мечтал написать книгу Флобер. Полное разочарование постигает человека, который привык смотреть на восток сквозь призму красивых романтических легенд о его прошлом, быть может, тоже никогда не существовавшем в таком виде, как его запечатлела Фантазия.

И все же, эта ново-арабская литература интересна, быть может, не менее древней, открывая такие стороны, которые мы лишены возможности наблюдать в последней. Ее интерес может быть охарактеризован двумя великими идеями — жизнь и борьба. Древняя литература уже завершила свое развитие, она может быть пазвана мертвой в том смысле, как принято говорить о мертвых языках. Жизнь в ней, конечно, была, и биение ее можно уловить, но вся эволюция прошла не на наших глазах, мы не можем ее осязать так наглядно, как в новой. В новой жизнь идет безостановочно, переломы часто совершаются болезненно, иногда наступают искусственные перерывы, но все движение остается в поле нашего зрения. Мы являемся почти очевидцами всей борьбы, столкновения целого ряда начал, которые затушеваны для нас прошлым в древней литературе. На наших глазах совершается создание нового духа, проникновение европейских форм арабской сущностью; нередко она оказывается сильнее, чем можно было думать по той подражательности, с которой началась ново-арабская литература.

Ставить для нее какие-нибудь прогнозы теперь и бесполезно и невозможно. Только будущее может показать, внесет ли ново-арабская литература

какие-нибудь элементы в обще-человеческую сокровищницу. Нельзя забывать, что она насчитывает едва сто лет своего существования и для своего народа сделала многое. Следить за развитием человеческой души, как она открывается в ней, благородная задача для всякого мыслящего человека. И только таким путем можно узнать настоящий восток, не закутанный дымкой наших собственных фантазий, но и не отраженный вогнутой зеркалом надменного европейского высокомерия.

Петроград.
22 февраля 1922 г.

И. Крачковский

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ В КИТАЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Обстоятельства, при которых пишется эта статья, по существу дела, не позволяют автору назвать ее так, как он ее называл, ибо те несколько запоздалых и разрозненных номеров китайских журналов, которые случайно дошли до умеющего их читать, не дают достаточного материала для суждения о «писателях» и «переводах», а скорее, лишь об одном писателе и об одном его переводе. Однако, при внимательном просмотре можно было в этих журналах наблюдать явление, выходящее за пределы случайности, и, таким образом, множественное число заголовка статьи, хотя и не планомерно, но оправдывается.

С тех пор как китайский классический язык, овладение которым достигалось на его родине с таким чудовищным трудом, перестал безраздельно царствовать в китайской литературе и слышимые уху формы языка начали поднимать голову, в китайской литературе была пробита большая брешь, в которую сразу устремилось все то, что ранее бушевало за плотинной живой моря человеческой мысли, но от цветущих садов литературы было отгорожено затейливо построенною и заботливо поддерживаемой стеной. И прежде всего, в ритмическую, музыкальную, построенную из древних мелодических единиц китайскую речь, которая до этого времени все идущее со стороны должна была предварительно подвергать музыкальной трансформации на старинный лад, в эту речь хлынули бесконечные потоки переводов с иностранных языков. Для них уже не существовало непреодолимых трудностей переложения на старинную речь, к их услугам оказался живой, разговорный язык и его многообразные компромиссы со старым, так что любое произведение Запада могло уже пайти себе быстрою кистью ловкого переводчика.

В первую очередь, конечно, пошли английские и американские писатели, и понятно почему: англо-американская культура наводнила и очаровала Китай более, нежели какая-либо другая.

За переводами с английского шли переводы с французского, немецкого и других языков. Переводы с русского шли в последнюю очередь, и до позднейшего времени вряд ли даже существовали, или если делались, то не с оригинала, а с английских переводов. Тем не менее дело ознакомления китайцев с русской литературой, хотя бы и из вторых рук все-таки подвигалось, и Толстой, Достоевский в некоторых своих частях переводились на китайский язык.

Однако, перед тем, как перейти к исследованию переводов русских авторов на китайский язык, для восстановления полной справедливости, надо отметить одно обстоятельство, отлично знакомое автору этих строк, как имеющему опыт преподавателя китайского языка русским людям и русского языка китайцам. Надо знать, что, поскольку «китайская грамота» пугает обывательское воображение русского человека своею трудностью и поскольку она, действительно, трудна для усвоения,—как первоначального, так и особенно дальнейшего,—постольку же и русская грамота трудна китайцам до неслыханной степени.

Таким образом, автору этих строк, порвавшему, по независимым, как говорится, обстоятельствам, связь с Китаем много лет назад, совершенно непонятно, откуда взялись все эти вдруг всплывшие перед ним в случайном журнальном номере имена переводчиков с русского: Гэн Куан, Цзюй Цюбо, Шэнь Ин, Се Ишн, Ань Шоун, Кан Юн и т. д. Впрочем, как видно, это секрет полишинеля: вряд ли не все эти лица переводят русские произведения не с русского языка, а с английского. Тем не менее, они, повидимому, очень активны, и в журнале «Новый Китай» (Синь Чжун Го), от 15 мая 1920 г., находим следующее, переводимое здесь дословно, объявление:

Мелкие рассказы знаменитых русских писателей.

Анонс издателей.

«Русская литература и в самой России и во всем мире имела исключительное значение. Литература же есть именно то самое, что проявляет нам душу всего народа, его думы и его дух. Господа, желаете Вы понимать душу русского народа? Желаете Вы знать его думы и его дух? Хотите постичь, откуда идет все то, что он сейчас переживает?—В таком случае, нельзя обойтись без чтения русской литературы! И нельзя обойтись без готовящихся к выпуску изданий нашей фирмы, содержащих в себе мелкие повести знаменитых русских писателей.

Для этой цели мы пригласили гг. Гэн Куан, Цзюй Цюбо, Шэнь Ин и других, всего девять человек, отлично владеющих русским языком (?), которые выбрали и перевели для нас пятьдесят небольших повестей знаменитых русских авторов, что дало, в общем, до 400.000 иероглифов и представило 29 русских авторов, начиная от Пусидзинь¹⁾ (Пушкин) и до Гэлэцзи (Горький). В их числе видим имена: Гэголи (Гоголя), Тугэнефу (Тургенева), Тоэрсытай (Толстого), Чайхофу (Чехова) и др., как представителей плеяды русских писателей.

К каждому автору мы прилагаем его портрет и краткую биографию.

Первый сборник (из предполагаемых четырех) выйдет (объявление запоздало!) 30 апреля.

Все, следящие внимательно за русской литературой, не могут не читать.

Все, внимательно присматривающиеся к современному состоянию России, не могут не читать.»

¹⁾ Произношение и транскрипция собственных русских имен дается здесь не по шанхайскому диалекту, как бы следовало, в виду того, что книга издается в Шанхае, а по пекинскому, главному и доминирующему. Автор статьи руководится при этом следующими двумя соображениями. Во первых, неизвестно, к какому диалекту подогнана транскрипция, ибо это субъективное дело издателя, и никакой определенно устойчивой традиции здесь нет. Во вторых, при всей своей чудовищной несообразности с изображаемым, пекинская транскрипция имеет в науке Европы закономерную традицию.

Это запоздалое объявление сопровождается другим, из которого мы видим, что китайцы, вместе с русскими авторами, легко заимствуют и русские издательские привычки. В самом деле, объявив точную дату выпуска первого сборника 30 апреля 1920 года, они во втором объявлении сообщают о том, что этот срок переносится на конец июня. Вышло, наконец, издание или нет, неизвестно.

В объявлении перечисляется содержание первого сборника:

1. Стандартный зритель (Пушкина), в переводе Шэнь Ина.
2. Снег-сват (Метель), в переводе того же лица.
3. Повозка с лошадью (Коляска) Гоголя, в переводе Гэн Куана.
4. Сорока воронка, Герцена (Гайэрдэнь), в пер. Гэн Куана.
5. Девять писем, Тургенева, в пер. Шэнь Ина.
6. Плотничья артель, Писемского (Писэмусытэ), в пер. Се Исинна.
7. Солдат, охраняющий гору (Часовой?), Жуйсыкофу (?), в пер. Гэн Куана.
8. Ночь, Станюковича (?) (Сытаньнухэвэйцзы), в пер. Ань Шоуи.
9. Мгновение, его же (?), в пер. Кан Юна.

Тут же сообщается, что некий Чжэи Чжэньдо составил для издательства «Краткую историю русской литературы».

Подписано: Издательство: «Новый Китай».

Кроме этого номера «Нового Китая», мне удалось еще видеть несколько номеров «Новой Молодежи» (Синьдиннянь), в которых помещены переводы рассказов Тургенева: «Первая Любовь» и «Вешние воды», сделанные разными людьми, повидимому, через посредство английских переводов; тут же видны переводы рассказов Куприна, Телешова, Сологуба, при чем здесь переводчики уже определенно заявляют, что они переводили не с русского, а с английского.

Для операций критики, таким образом, кое-какой материал уже имеется. Ко мне на достаточный срок попала лишь незначительная часть этого материала, и я могу судить о китайских переводах пока лишь по внимательно просмотренному мною переводу рассказа Толстого «Три Смерти», сделанному Гэн Куаном, и отчасти по переводу «Вешних вод» Тургенева, кажущемуся мне, впрочем, подозрительным.

Рассказ «Три Смерти» (Сань сы) в переводе упомянутого китайца, помещен в том же самом номере «Нового Китая» (Синь Чжун Го), в котором находится приведенное выше объявление о русских писателях в переводе. Первый вопрос, который я задал себе, был все тот же: с русского ли оригинала сделан перевод? Целый ряд подробностей убеждает меня, что этот перевод сделан с русского.

Перевод этот, вообще, довольно верный, особенно в передаче разговорных фраз, которые иногда удачно идиоматизированы, и их приятно читать. Таким образом, заранее оговариваясь, что перевод этот не кажется мне ученическим упражнением, но все, что можно положительного сказать об этом переводе, вряд ли не ограничивается вышеприведенной парой слов. Остальное—увы—комплиментом переводчику послужить не может.

Совершенно очевидно, что переводчик, взявшийся за это высокохудожественное произведение, требующее, прежде всего, глубокого понимания русской жизни и, конечно, безупречного знания русского языка,—переводчик Гэн не соразмерил своих сил с задачей. Две совершенно разные стихии—китайская и русская—не нашли в нем ни намека на слияние и синтез. Он понял русскую жизнь, преломленную в рассказе, как скучные бытовые подробности, проявив, при этом, полное бессилие и зачастую полную безграмотность.

Он, прежде всего, в беспомощном непонимании своих задач, допустил в своем переводе такие пропуски,—особенно в описаниях и характеристиках,—которые могут назваться только преступными. Толстой убит: китайский читатель видит перед собой разные разговоры о смерти—только! Можно, конечно, понять, почему он эти пропуски делал. Тем, кто когда-либо преподавал китайцам русский язык, отлично известны их мучения при понимании русского сложного периода, тем более ритмического, который от начала до конца противоречит основным правилам китайской ритмики. Понятно, что передать русский период адекватным китайским—задача нелегкая.

В переводе есть целый ряд погрешностей, не имеющих особого значения, если только, конечно, из снисходительности к переводчику, на некоторое время, вообще, забыть, что в этом произведении Толстого каждое слово имеет вес и значение и, следовательно, всякий пропуск—преступление.

Так, Гэн пропускает подчеркиваемые ниже слова: простой *мещанин*, *рыжее*, худое лицо (у него так: «лицо, исхудалое до безобразия»); *внутренно* покашливая (у него просто: кашлянула); *лились* и капали *прозрачные* капли; слабым и *недовольным* голосом; ты чаю, *шабала*, Федьку спрашиваешь?

Гэн пропускает: оглядываясь на *другого ямщика*, *покрикивавшего* сзади в коляске (у него: на коляску сзади); *параллельные* широкие следы шин *ровно и широко* стлались по *известковой* грязи дороги; руки, *покрытые рыжими волосами*, мокал *редкие отвисшие* усы в *темной* воде и т. д.

Уже труднее оправдать пропуски в роде нижеследующих: Боже мой, *за что же?*; *нервически* отталкивая *красивою* *худощавою* рукою *конец* *салопа* *горничной*; *рот* *больной* *вдруг* *детски* *изогнулся*; *тяжелые* *восковые* *руки* и *окаменелые* *складки* *покрова* и т. д.

И уж совершенно непростительны пропуски, в роде заключительной реплики кухарки: «А тоже, чистоту спрашивают!» или слов Сереги: «Я камень куплю, как сказал, куплю,— в полтора *целковых* куплю» или еще из рассказа Настасьи о своем сне: «Да как *замахнется?*»—без чего непонятны следующие ее же слова: «На меня *страх* и *нашел*».

Разберем теперь, как поступает переводчик в тех местах, где он не хочет делать пропусков. Здесь мы видим, что он действует двояко: с одной стороны отделяется от трудностей перевода дословщиной, с другой, наоборот, явной неточностью.

Дословщиной он, прежде всего, обнаруживает свое бессилие справиться с текстом, даже при полной данной ему теперь воле распоряжаться с древним достоянием классического языка по своему усмотрению. Так, во фразе: «Поймите мое положение» он переводит *положение* тем же словом (дивэй), которое означает, напр., географическое положение. Когда больная говорит о себе, что она стала «страшная», то китаец, не усумнясь, переводит словами *кэ па*, т. е. «наводящая страх», и явно не видит, в чем дело.

Особенно режет глаз дословщина в его переводе наименее существенных, но наиболее трудных для переводчика-китайца религиозных реплик, наводящих рассказ, и с китайской точки зрения, поистине, нестерпимых. Так, поминутно встречающееся: «Боже мой», он переводит дословным: «Мой Верховный Владыка», т. е. миссионерским термином, делающим китайскую речь противной экзотикой, и т. д.

Впрочем, придя в отчаяние от этих, действительно, колоссальных трудностей, он прибегает к излюбленному средству—пропуску, и выражения,

в роде: Слава Богу, дай Бог, Христос с Вами, мой друг; Прости, Господи, согрешенье; для Бога все возможно, и т. п. у него опущено, и я, право, не знаю, как можно было бы их передать на китайский язык, не уродуя нормального китайского впечатления.

Неточность поражает у китайца, прежде всего, конечно, в терминологии русских вещей и понятий. Так, «почтовый ящик» у него просто «кучер», сапоги, о которых говорят между собой ямщики и которые он себе не представляет, как следует, у него то сапоги, действительно, то... туфли. «Армяк» оказывается «одеялом», ибо им покрывается большой ящик. «Угол» у него «полкомнаты». «Духовник» — то же слово, что и «миссионер». «Целовать» передано через «приближаться» (обыкновенно к этому слову для обозначения поцелуя прибавляют еще слово «рот»). «Рсбята» передано через «господа» и т. д., зато, для слова «ангел» китаец не мог придумать ничего лучшего, чем полную транскрипцию: аньцир.

Далее, неточность очевидна в транскрипции русских собственных имен при помощи анафавитных нероглифов. Получаются, — особенно если читать по пекински (а на это все имеют право) — такие фонетические причуды: Мадэлайша (Матреша); Айдуа (Эдуард Иванович; примечание: «это имя врача»); Акэшуша (Аксюша); Хэфаньдаоэр (Хведор и Федя); Сэлигэ (Сереге); Насыдацзи (Настасья); Мали (вм. Мария Дмитриевна) и т. д.

От неточностей Гэп переходит к пересказам трудных для перевода мест. Для этого он, прежде всего, сокращает периоды. Так, например, сложное построение в роде: «стал давиться горловым, неразрешавшимся кашлем» передано просто, как: «сильно закашлялся»; слова «с жадною мольбой» китаец переводит неологизмами: «проявив дух (или вид) слезно просящей»; в бесподобном описании мертвой, лежащей в зале, выражение: «странно звучали и замирали слова» передано кое-как через «мертво, глубоко там он читал».

Действуя все в том же направлении, переводчик прибегает к замещениям. Так, слово «мигнула» у него передано через «позвала рукой»; «сырая мгла сыпалась» — у него: «расстилая густой туман»; «нет тебе простору никакого» — у него: «чтож мне, по его, выходит делать?»; «большого не было слышно» — у переводчика: «все они не обращали на большого внимания»; «впалые тусклые глаза» — у Гэна: «пара скорбных, грустных глаз» и т. д.

Но особенно заметно ужасное действие пересказов на гениальных описаниях природы, из которых исчезла вся поэзия. Достаточно, думаю, будет одного примера, хотя бы части периода, описывающего раннее утро в лесу.

«На всем лежал холодный матовый покров еще падавшей, неосвещенной солнцем росы. Восток незаметно яснил, отражал свой слабый свет на подернутом тонкими тучами своде неба». У китайца здесь так: «В это время ночная роса еще не высохла. Восток уже побелел. Слабый, неуловимый свет солнца стрелял в небо покрытое слоями облаков». Все дальнейшее в том же роде.

Конечно, как надо было и ожидать, перевод избранных Толстым места из Псалтыря превратился в дикий набор слов. Привожу Толстого:

«Сокроешь лицо Твое, — смущаются, гласи псалтырь, возьмешь от них дух — умирают и в прах свой возвращаются. Пошлешь дух Твой — созидаются и обновляют лицо земли. Да будет Господу слава во веки».

У китайца: «Закрой свое лицо, успокой свой дух — умер (или умерли, умрут и т. д.), и еще стал мертвым пеплом. Пришли сюда твой дух, снова создай лицо земли. Верховный Владыка, вечно, вечно, молюсь, славословлю тебя!»

Толстой, как видит читатель, от таких переводческих операций над «Тремя смертями» сам потерпел четвертую.

По совершенно непонятным причинам китаец допускает иногда ненужную отсебятину. Так, «быстрые, черные глаза» у него переведено в виде «пара светло-хрустальных черных глаз»; «прожевывая кусок» у него допущено: «хлеба»; «лицо нагнулось с печи» — у китайца прибавлено: «в черной тьме»; «воробьи нескладно подпискивали, подшаркивали на своих маленьких крыльях» — у китайца: «малые воробьи порхали, вертя крыльями, веселье—веселье»; «слезы лились сильнее» — у китайца: «слезы—совсем, как дождь, капали вниз» и т. д.

Ясно, что при подобных манипуляциях легко могут получиться извращения смысла. И действительно, таковых не мало. Среди них замечаем некоторые, при известной снисходительности к переводчику, не особенно важные, как, например: вместо «перед носом» — «сбоку»; вместо «робко» — «в полном горе»; вместо «ехали рысью» — «ехали, словно летели»; вместо «было душно и пахло одеколоном» — «все было в пыли» и т. д.

Однако, целый ряд извращений смысла простить уже нельзя. Так, нельзя передать предостережение больной из уст ее мужа: «дорогой будет хуже» через «дорога будет хуже (для езды)». Нельзя понять «слова не держать» через «ни слова не упоминает». Бесконечно груб человек, который совершенно исключительную по гениальности фразу о мертвой женщине: «она вся была вниманье» — тем более в контексте с чтением псалтыря — переводит так: «а она была довольна-предовольна!». Кухарка, удрученная кашлем ямщика, жалуется, что у нее «даже у самой внутренность болит», а у китайца выходит, что у больного «внутренности уже повреждены». «Священник встал и подошел к старушке. — Точно-с, материнское сердце никто оценить не может, сказал он, — однако Бог милосерд». Читаем у китайца: — «Конечно, с сердцем любящей матери никто не может сравниться по красоте, и только Верховный Владыка тоже очень любящий и сострадающий»...

Еще хуже, когда китаец дает в переводе смысл, совершенно обратный подлиннику. Так, у него находим «густые ресницы», вместо «редких», «полусветлые, полупогасшие свечи», вместо «яркий восковой свет»; «пара светлых красивых глаз», вместо «глаза были прекрасного, темного цвета»; «легким шагом», вместо «тихим шагом»; «звук топора был очень велик» вместо «топор низом звучал глуше и глуше»; «все деревья зазеленели» вместо «пухнули почки дерев».

Наконец, все эти переводческие недоразумения переходят в сплошной анекдот. Так, бессмысленное обращение со словарем дает возможность, оказывается, перевести слова кухарки: «Куда уж тебе дрова рубить?» через «Куда ты идешь дрова рубить?» Больной ямщик просит «спить», что зазевавшемуся над словарем китайцу кажется легко переводимым через «*поспать* часок». «Роса заиграла на зелени» — китаец переводит буквально «роса забавлялась, играла на траве». «Я вам доложу (говорит священник матери больной) в моем приходе был один большой, много хуже Марии Дмитриевны». Китаец понял это так: «Я вам скажу, *когда я пришел сюда*, здесь тоже был большой, еще хуже Марии».

Ряд других анекдотов объясняется незнанием русского быта. Читаю у Толстого: «(священник) сидел и держал что-то завернутым в эпитрахии». Китаец переводит: «В руках, *неведомо чем* играл». Вместо «напоминать ей о последней воле», у китайца: «Только и можно, что возложить на *небесную* волю (судьбу)». «Матреша высунула толстую руку из-под платка

и перекрестилась». Китаец, видевший у себя на родине, что все нормальные люди молятся непременно обеими руками, воздымая их к груди и лбу, пишет: «высупула *обе руки* и замолилась». «Простая лекарка» трактуется, как «обыкновенная женщина-врач». «Ширкинская барыня» оказывается «барыней из города Цицзыцзинь». Муж большой, освободившись от участия в обязательстве по отношению к ней, говорит доктору, с веселой улыбкой потирая руки: «Ну что, Эдуард Иванович,—я велел погребцу привести, вы как думаете насчет этого?»—Можно с определенностью сказать, что «насчет этого» думал доктор и что было в погребце. И только, один китаец думает, что там был... чайный прибор.

«(Перед домом умершей) была настлана свежая солома». Ненасущный в прелестях петербургских мостовых китаец наивно думает, что «перед домом лежал... соломенный матрасик». Здесь я не пишу: и т. д., ибо анекдотическую часть, как наиболее характерную из всех, изложил полностью.

Таков разбор одного из китайских переводов, наводящих в настоящее время китайскую новую литературу. Я мог бы сделать разбор и другого перевода, а именно, перевода «Вешних вод» Тургенева, но боюсь, что буду повторяться, ибо перевод этот, по меньшей мере, не лучше перевода «Трех смертей».

Значит, великое произведение русской литературы, выбранное китайским переводчиком, повидимому, исключительно, как удобное для серии небольших повестей, принадлежащих знаменитым русским авторам, извращено в макулатуру. Для меня несомненно, что на китайца, по своей культурной природе, самого, кажется, чувствительного к литературным красотам из всех азиатов, этот перевод произведет отталкивающее впечатление, которое неизвестно кто и когда начнет рассевать. И вместе с тем, здесь фатальная компенсация за наше обращение с китайской литературой, которая русскому совершенно неизвестна, или же отражена в неграмотных переводах с иностранных листовок.

Тем не менее, Китай явно движется вперед в понимании России и русской литературы; новый китаец уже не тот, что в прежнее время сосредоточенно замыкался в очаровании стариной, и он многое усвоит даже из того, что первоначально ему кажется у нас еще более диким, нежели нам кажутся некоторые переводы с китайского.

Правда, мы гордимся, и имеем на то право, тем, что у нас есть люди с филологическим и, вообще, научно развитым пониманием Китая, чего, повидимому, у китайцев нет. Но не надо забывать, что, во первых, мы находимся теперь при общем падении русской культуры, накануне ее исчезновения, быть может, с лица земли, а во вторых, что нам к переводам с китайского труднее привыкнуть, чем китайцам к переводам с русского, ибо запад теперь для китайца не то, что для нас восток.

В. Алексеев

РОДНАЯ СТАРИНА

«В чужбине свято соблюдаю
Родной обычай старины...»

В. Туманский.

Стихотворения Туманского и Лермонтова, мелодически запечатлевшие обычай в день Благовещения выпускать на волю пленных птиц, содержат очень древнее наследие. В одном из обрядовых сборников, переписанных со старых вавилонских подлинников для библиотеки царя Ашурбанипала, я нахожу прообраз обоих стихотворений, — помеченные словом «заклинанье» стихи:

Ты, небесная птица, порождение [Апу]!
Я—человек, порождение [Эа],
[западня] птицелова есть [у меня],
я пленил твою душу, я явил [тебе свет]:
Ты, о Шамаш, храни [меня]:
Как этой птице жизнь по[дарил я],
мне мою жизнь ты подари ¹⁾.

Разительное сходство этой маленькой молитвы с восьмистишием Туманского не ограничивается содержанием, но простирается на самую постройку замысла: чудесным образом стихотворения совпадают строфа в строфу. По некотором размышлении я убеждаюсь, что и кажущаяся особенность Туманского, — стих «при светлом празднике весны», неслышимо присутствует в переведенном мной оригинале.

Символику обряда, сопровождавшегося вавилонским заклинанием, нетрудно разгадать. Жизнь и свобода возвращаются воздушной пленнице, как выкуп за жизнь освободителя. Этот благостный выкуп противоположен жестокому обряду жертвы, при котором жизнь покупается ценой уничтожения и смерти:

Козленок—замсна человека,
он приносит козленка за свою жизнь ²⁾.

Поэты верно раскрывают этот символ, и здесь лежит предел их вдохновения. А между тем, за символом обряда скрывается обычай, порожденный мифом. Мифическая сущность птиц известна: это—души, покинувшие землю мертвых. Последние стихи поэмы о Сошествии Иштар рассказывают, что в дни Таммуза крылатым душам ³⁾ бывает позволено оставить свой темный дом для солнечного света и простора. Когда справлялся этот праздник душ?

Таммуз рождается в Тебете—декабре и умирает в июне, «месяце пленения Таммуза». Его подземный плен, приравниваемый к утробной жизни младенца, кончается в Нисане—марте. В мистериях Аттиса сохранилась точная дата воскресения бога: 25 марта ⁴⁾. Этот день есть вместе с тем и день зачатия

¹⁾ Rm 113 obv. 12—18 (Edw. J. Harper, Die babylonischen Legenden von Etana, Zu, Adapa und Dibbara, 1894, S. 416). Скобками отмечены мои восстановления разбитых мест таблетики.

²⁾ Cuneiform Texts XVII pl. 6 ll. 14—17.

³⁾ «А одет он (усопший), как птица, одеждою крыльев». Сошествие Иштар, стих 10.

⁴⁾ Firmicus Maternus. De errore profanarum religionum, Cap. III.

Я Ф Е Т И Д Ы

«Визирь ответил: о, эмир правоверных, ты не сможешь снести этого дворца, а если ты его разрушишь, то славы тебе от этого не будет, ибо разрушать труднее, чем создавать»

(Ф. А. Розенберг, Хосрой I Ануширван и Карл Великий в легенде, стр. 2).

I

«Разрушать труднее, чем создавать» — это лишь частичное отражение правды. К непокрытой правде будем ближе, если скажем: «разрушать не только трудно, но нет никаких сил». Это чувствовал величайший архитектор, легендой обращенный в сына плотника, когда он, творец одной из мировых религий, наиболее философски продуманной и наиболее этически построенной, говорил: «разрушьте сей храм, и я построю его в три дня». Это вызывало недоумение и даже насмешки в окружавшей его среде, но факт тот, что старое так и не было разрушено: старая языческая религия культурного Средиземноморья, также мировая, нашла свое целостное органическое продолжение в нем, этом новом учении: оно лишь претворило ее, преобразившись в нее, но разрушить не могло.

Успешно идет лишь разрушение видимостей, но существо, природа, сила вещей нерушима. Но даже в мире видимостей разрушать труднее, чем строить. Всякое теоретическое учение есть, конечно, видимость, безразлично, касается ли оно явлений природы или общественности.

Бесспорные положения теории, научные истины — это видимости, плоды восприятия человеческим умозрением, под определенным углом зрения, подлежащих сомнению фактов в закономерной связанности. Новые факты, раньше не наблюдаемые, и вызываемая ими потребность в новом угле зрения, т. е. условия, объективно необходимые для возникновения всякого вновь зарождающегося теоретического учения, создают почву для плодотворной работы и открывают далекие перспективы полного успеха в новом строительстве, но, чтобы строить по новому, надо располагать и субъективными условиями, общественным мышлением, вытекающими из материально сложившейся жизни; и здесь на страже против новшества стоят людское настроение и интересы общества, сжившегося с воздвигнутым в великолепие дворца восприятием фактов, хотя бы объективно потерявших прежнее исключительное для науки значение, и такой старый дворец разрушать, конечно, гораздо труднее, чем строить свободно новый. И если так обстоит дело с видимостями — теоретическими учениями об явлениях природы, особенно общественности, — то бесконечно труднее разрушить самую реальность, особенно же столь реальное явление, как человеческая речь, — это создание общественности еще

в большей степени, чем религия. В частности, не было никаких сил разрушить и уничтожить речь древнейшего населения культурного мира, какой она была еще до возникновения греков и римлян на севере и даже египтян и семитов на юге и востоке того моря, которое соединяло Европу с Африкой и, врываясь Черным морем в Азию, имеет дальнейшие с нею связи озерами, именующимися морями Каспийским и Аральским. А это древнейшее население составляли яфетиды, речь его была яфетическая, целый ряд яфетических языков.

Кто такие яфетиды? Это племя в составе многочисленных народов, по основным названиям, не менее семи. Игнорируя его, нельзя сделать ни шагу далее в вопросе о составе и происхождении первоначального населения Средиземноморья и Древнего востока, т. е. всего Древнего мира. Без учета не только культурного, но и этнического наследия яфетидов нет материальной возможности реально разъяснить и сложную культуру древних исторических народов Средиземноморья и их племенной состав, также очень сложный. С тем же племенем начинает связываться органически проблема о происхождении человечества, поскольку человеческий род определяется как собрание существ, «одаренных» не только разумом, но и речью. Эта одаренность людей, казалось бы, изначальная и природная, есть плод затраты громадных естественных (несознательно) и культурных сил на пути создания общности, орудием которой и явилась впоследствии произносимая и слышимая, т. е. звуковая речь.

Чем выявляется такая ответственная роль яфетидов? Лингвистикой, учением об яфетических языках.

Откуда и почему появилось общее наименование племени яфетидами, а их языков—яфетическими?

Это наследие первой ступени развития яфетического языкознания, когда оно было основано исключительно на признании родства раньше никак не определявшейся группы языков, расположенной на Кавказе, с языками семитическими.

В 1908 г. вышел «Основные таблицы к грамматике древне-грузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими»¹. В таблицах раскрыта вся природа морфологии грузинской речи особенно, дотоле казалось, неразъяснимого строя грузинских глаголов и их спряжения, которым посвящена большая часть труда (Табл. VIII—XX). На десяти страницах основного текста предисловия кратко сообщены решающие характерные черты, общие у грузинского языка с семитическими;—в числе их образование слов с помощью префиксов, своеобразное распределение гласных, как элементов, служащих для образования форм, а согласных, как корней;—трехсогласность корней, родство самих звуков и т. п. Там же приводились примеры. В одном из них—образчики звуковых и иных семитическо-яфетических соотношений в словах. Труд в целом—результат двадцатилетней работы, еще тогда дававшей возможность опираться в положениях, на которых покоятся основные таблицы, на сравнительную грамматику языков яфетических с семитическими. Столь длительная предшествовавшая работа ушла на филологическую разработку грузинского и—лишь культурно-исторически связывавшегося с ним—армянского языков, единственных дошедших до нас богато и в письменном виде кавказских языков из круга яфетических, или изначально соприкасавшихся с яфетическими. С этой работой связано создание особой армяно-грузинской филологии, возникшей

¹) В издании факультета Восточных языков Петербургского Университета.

на общности культурных основ двух ныне разрушенных цивилизаций, армянской и грузинской, на создание которых оказывали свое влияние в области письменной речи, литературы, искусства и, вообще, исторической общности культуры других мировых государств. Естественно, что в то время для сравнения с семитическими языками приходилось пользоваться почти исключительно языком грузинским, и это в подборе предложенных образчиков дало недостаточно точное распределение материалов; материалы разъяснялись как грузинские, тогда как они грузинским языком были усвоены из тех или иных родственных с ним языков. Но факты оставались тем не менее фактами, и за немногими исключениями они поныне не теряют значения в установлении того положения, что яфетические языки родственны с семитическими.

Раз родство грузинского и родственных с ним языков с семитическими было установлено, а с семитическими языками приводились в родство хамитические, не оставалось другого выхода, как назвать вновь определявшуюся группу языков, расположенную на Кавказе, по имени третьего оставшегося брата—Яфета. Это можно было сделать тем легче, что лингвистически такое общее название ни к чему не обязывает. В такой, совершенно условный, термин можно вносить все то значение, которое определится успехами исследований, в зависимости от них, и совершенно менять его смысл. Это уже произошло. Обрисовавшееся в начале братское родство яфетических языков с семитическими и хамитическими, дававшее право их общий праязык именовать—также условно—поэтическим, с первых же шагов оказалось под сомнением: выяснилось, что хамитические языки отстоят значительно дальше от семитических, чем эти последние—от яфетических.

Но и в отношении яфетическо - семитического родства, остающегося неизменным, применение определения «братское» все более и более теряло почву по мере развития учения об яфетидях.

II

Яфетическое языкознание ныне переживает в себе, в своем внутреннем развитии пятую и, как будто для него уже, последнюю ступень развития. На первой ступени, когда все исследовательское внимание сосредоточивалось на взаимоотношениях яфетических языков с семитическими, правильному восприятию задач яфетического языкознания мешали два обстоятельства: с одной стороны, царившее научное положение, что круг кавказских языков, связанных узами взаимного родства (т. е. языков, новой теорией именуемых яфетическими), составляют, из живых, лишь четыре южнокавказских языка:—грузинский (в долинах верхних и средних течений Куры и Риона), мегрельский с чапским или лазским (по восточному и южному побережьям Черного моря, именно чапы по узкой полосе от Хопэ, близко от Батума с запада, до Атипы, на довольно удаленном пункте от Трапезунда с востока) и сванский (на верховьях Ингура и Цхенис-Цхала по - грузински, а по - свански—Лашха, в древности по - гречески «Хиппоса», т. е. Конской реки или Лошади - реки). Не было еще ясного представления о принадлежности в какой-либо мере, к тому же кругу даже абхазского языка. Разумеется и такой тесный круг родственных языков еще более сужался от горизонта, создававшегося в нем, благодаря господству норм одного лишь исторически культурного языка, грузинского. С другой стороны, не только обширность занимавшейся семитами площади, но и древность исторической культуры семитических народов, органически

связанных с хамитическим Египтом, и значительность роли каждого из семитических народов в создании мировых исторических культур, а также наличие у некоторых из них изначально национальных древнейших традиций относительно мироздания и доистории,—все это (да, конечно, и самая многовековая разработанность семитической филологии) невольно вовлекало исследователя в оценку до-исторических племенных отношений семитов и яфетидов опять таки с точек зрения явлений исторической культуры. Невольно приходилось рассматривать яфетидов как племя, представленное молодыми народами, а его значение определять его родством с семитами. Яфетические языки приходилось считать сохранившимися, не в пример семитическим, в обновленном виде, со многими, казалось, новшествами, отделявшими их от архетиповой речи, строившейся первое время по историческим нормам лучше разработанных семитических языков, всегда письменных, по но образу и подобию их.

Вторая ступень в развитии яфетического языкознания начинается сосредоточением изысканий в кругу самих яфетических языков. Изолированность грузинского языка в аргументации яфетическими данными стала отпадать. Усиленное привлечение других яфетических языков Кавказа, бесписьменных, вызвало переоценку значения живых и мертвых языков, к каковым относится и грузинский древнелитературный язык. Возникло учение о двух ветвях яфетической семьи языков, сибилантной и спирантной с делением первой на две группы (свистящую и шипящую). Чрезвычайно сложные и тонкие, но прозрачные, слухом воспринимаемые соотношения бесписьменных языков содействовали выяснению факта скрещенности многих яфетических языков и возникновения их, в результате смешения. Усилился теоретический интерес к скрещенным типам, прежде всего чистых яфетических языков, первым образчиком которого явился свацкий язык, метис языка шипящей группы с языком спирантной ветви.

Признаки процесса скрещивания постепенно вскрылись во всех яфетических языках, но наибольший теоретический интерес представил, так называемый, «армянский язык», собственно два языка Армении: один древнелитературный, другой в древности бесписьменный, но и ныне наличный. Оба они оказались скрещенными типами исключительного значения, гибридами—яфетическо-индоевропейскими. В эту область вводят работы специального характера, под заглавием «Яфетические элементы в языках Армении» (более общего характера некоторые страницы статьи «Кавказский культурный мир и Армения»).

Но круг привлекавшихся в яфетидологическое освещение живых яфетических языков продолжал расширяться, и работа прервана в стадии вхождения ее в гущу многочисленных яфетических языков Каспийского бассейна в пределах Кавказа. Работа прервалась в 1916 году.

Третья ступень развития яфетического языкознания началась с обнаружения работы «Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания». Эта работа вызвала неизбежность вовлечения в яфетидологические изыскания древнейших клинописных яфетических языков—халдского в доиндоевропейской Армении, шумерского в Месопотамии и древне-эламского. Поразительное и основное приобретение этих, отнюдь не законченных, изысканий состоит в том, что хотя литература по крайней мере на одном из них, эламском, существовала задолго еще до возникновения шумерской письменности, а давность сохранившихся в клинописи яфетических языков на много тысячелетий древнее возникновения всякого письма, тем не менее живые

яфетические языки Кавказа, в числе их и грузинский, представляют, как оказалось, древнейший тип яфетической речи в лучшей сохранности.

Четвертая и пятая стадии, прото-историческая и палеонтологическая, в развитии яфетического языкознания составляют текущее дело последних лет, и по ним нет еще печатной работы, в какой либо мере ориентирующей читателя в этом вопросе. Статья «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в создании Средиземноморской культуры» намечает это положение в общих чертах, но все это—в призма кавказоведа, неспособного отделить факт лавинного скопления яфетических народов на Кавказе (явление частичное и случайное) от явления общего и, в мировом масштабе, органического, каким надо считать факт нахождения яфетидов, за пределами Кавказа и Месопотамии, на дне, в роли начальных этнических слоев и палиция в них единого племенного субстрата заселения всех исторических народов, так называемого, Древнего Востока и Европы.

С четвертой стадии, начинающейся открытием яфетического языка вершицкого на Памире и определением европейских яфетических языков, живого баскского на Пиренеях и мертвого этрусского на Аппенинском полуострове, яфетидология перестает быть кавказоведной наукой. Яфетидологическую науку, развившуюся, хотя и не доработанную, на этнических материалах кавказского района, приходится далее развивать в новых этно-культурных районах, в первую очередь среди двух других Кавказов: Кавказа среднеазиатского, у Гиндукуша и Памира, и крайне западного европейского Кавказа—в Пиренеях. Яфетидологическую науку, начавшую было слагаться на сочетании лингвистического изучения живых яфетических языков Кавказа с лингвистическим изучением мертвых яфетических языков Вана и Месопотамии, приходится переносить в Этрурию для изучения ее языка, также мертвого, не только сравнительно с яфетическими, но и сравнительно с ближайше соседствующими индоевропейскими языками, так как гибридные типы в роде ныне хорошо известных кавказских гибридов, двух языков Армении, в той или иной степени намечаются во всех языках культурных народов Европы, в том числе в громадном большинстве у, так называемых, индоевропейских народов. У каждого из народов, оставшихся в одиночестве, не только у басков, некогда живших с иберами, этрусками-расенами (ретами) и другими яфетидами во Фландрии и Испании и имевших ответвления на Британских островах, но и у вершиков в средней Азии и этрусков-расенов в Италии были сородичи яфетиды, разнообразная речь которых отложилась в племенных и языковых новообразованиях соответственных районов, иранского, латинского, романского и др.

С палеонтологией возникает сомнение, можно ли относить в яфетидологию открывающиеся перспективы изысканий в области глоттогонии: процесс создания речи и ее типологических перерождений протекал, разумеется, до выделения яфетидов в особую семью, и человеческий род в до-яфетическом состоянии требует иного наименования. Однако бесспорен факт, что яфетические языки сохранили наиболее осязаемо материалы позитивных этапов развития человеческой речи, в них наглядно прослеживается процесс отложения как элементов, так и целых слоев языка на начальной и примыкающих к ней древнейших ступенях его развития. В этом смысле особенно плодотворной и показательной оказалась сравнительная работа с яфетическими языками в различных плоскостях, то в плоскости сопоставления яфетических языков с семитическими, то в плоскости сопоставления одних яфетических между собою, как в пределах Кавказа, так и со включением вне-кавказских яфетических языков, среднеазиатского и пиренейского,

а также и в том и другом случае сопоставления их с метисами и гибридами различных типов.

Сравнительная работа в нескольких плоскостях вскрывает невероятную глубину времен зарождения человеческой речи, поскольку эта глубина освещается не последовательностью фактов одних звуковых перерождений исторической длительности в одной какой-либо типически сложившейся семье языков, а непрерывной цепью пройденных этапов типологических переоформлений, каждый этап длительности геологического процесса, при этом рядом с фонетическими и морфологическими, вообще, чисто языковыми, перерождениями приходится учитывать соответствующее естественно-историческое развитие общественности и перерождения социальных типов бытия, прослеживая их на языковых фактах, особенно в морфологии и семантике, вглубь времен, за пределы семьи в обычном родовом восприятии, через матриархат к тотемическому строю и далее. Следовательно, дело не только лишь в том, что, в порядке последовательного развития одного типа из другого, языки флективные, агглютинативные и синтетические или аморфные образуют непрерывную хронологическую цепь в пределах одной и той же семьи яфетических языков. Дело и не в том, что трехсложный состав яфетических корней, вторающийся такому же положению в семитических языках, вскрывается, как результат развития более раннего состава из двух согласных и т. п. Дело в том, что в явлениях языка закономерно отражается общественность с ее психологией различных эпох, в том числе и древнейших. Формы множественного числа оказываются нормальным состоянием имен, так как еще не было представления об индивидуальном существовании в наличной общественности стадного периода. Лица не различались в речи даже тогда, когда уже появилась потребность различать их: одно и то же слово служило для выражения каждого из трех лиц. То же самое слово, обратившееся в личное местоимение, долго еще носило форму множественного числа, так как восприятие единой личности было все еще чуждо господствовавшей общественности. Особенно ярко наблюдается пропасть, отделяющая те доисторические времена от исторических эпох, в значимости слов или семантике. В доисторические времена существовали не только иные значения, но совершенно иные основы словотворчества и словоупотребления, — в зависимости от общественности и неразрывно связанной с ней психологии. В яфетических языках наблюдаются отложения словотворчества из эпох восприятия мира в образах космических и микрокосмических явлений, когда небо, земля и вода представлялись одним предметом, по всей видности живым существом, существом, находившимся в трех плоскостях, верхней, земной и преисподней, а члены его тела представлялись повторением такого же космического восприятия физического строения человека. Все это давало возможность выражать мысли небольшим запасом средств звуковой речи, получавшей гражданство взамен начальной — изобразительной (или жестами или мимикой). Яфетические языки вскрывают, что «слово» первоначально воспринималось не как нечто произносимое, а как орудие взаимноосведомления; яфетическая звуковая речь сохранила такое восприятие речи, между прочим, в термине «говорить», собственно означающем «осведомляющий устами» или «лицом» (сравни *pir-utl-v-i* «бессловесное, животное», буквально «пеумеющий осведомлять устами или лицом»). Состав первых произносимых слов, естественно скудный, определялся прежде всего вкладом тотемно-организованной племенной жизни (как бы ни понимать тотем, как религию клана, комплекс социального, психологического и обрядового элементов или еще иначе). При примитивном племенном тотемизме, когда одним

именем или эмблемой обозначалось и племя, и «священные» для него предметы, словарное обогащение звуковой речи могло наступить только при образовании отдельных кланов из различных племен на тотемных началах, путем социализации индивидуальных тотемов. С этим связана неизбежность скрещения языков, процесса, столь же необходимого в начале для зарождения вообще человеческой речи, как впоследствии для выработки новых более совершенных ее типов и для зарождения новых многочисленных видов и подвидов.

Таким образом язык определяется как создание общности, плод человеческого творчества, на первых порах хотя бы и бессознательно-непроизвольного, как завершение неимоверных долгих стараний и затраты громадных сил, приспособлявавших и произносительные органы в воспроизведении звуковых элементов, повторяющих элементы общественного строя и их соотношения в психологическом восприятии тех бесконечно далеких эпох. Потому не только отпадает самое основание для искания реального пра-языка в обычных филологических приемах его воссоздания, но и в действительно живом пра-языке, впоследствии сложившемся, отпадает основание для нахождения понятия «отец». Наоборот, подготовленного этнологической школой языковеда не поразит несколько, что в яфетических языках вскрывается общность одного и того же термина для каждого самца, будет ли он муж или брат; ему будет понятен факт созидания, в сравнительно также древнюю эпоху, слов и форм по женским образцам, усвоение, например, активного значения в строе речи элементам женского рода, в связи с матриархатом. Естественен и тот факт, что в первобытной речи собственно вовсе не существовало категории глаголов, обыкновенно принимаемых за коренную или основную часть словаря: действия или состояния предметов, интересующих говорящего, выражались определенным порядком в расположении имени, выражавшего основной предмет, и обреченных стать местоимениями служебных слов, обозначавших другие предметы, связанные тем или иным отношением с действием или состоянием основного предмета. Отсюда то, кажущееся ныне излишним, скопление местоимений в спряжении и богатство глагольных форм, которое поражает начинающих изучать лучше сохранившиеся яфетические языки, например, грузинский или баскский. Само собой ясно, наконец, что при таком фактическом положении реальной истории языка, до объединения человеческих существ в общественные ячейки тотемного характера, не могло быть и одной общей речи. Само единство отдельных языковых семей есть стяжение общности. Начало человеческой речи не идет от какого-либо изначального единого языка, и пра-язык, воспринимаемый в этом смысле, есть не научное положение, а фикция, в основе отражающая павное восприятие библейского повествования о мироздании, рассчитанного, однако, при всей сказочности формы, на более глубокое разумение.

III

Каждая из вышеуказанных пяти стадий развития яфетического языкознания имеет свои задачи, часто не только не исчерпанные, но и вовсе не тронутые действительной работой. Так, например, только намечен путь (и тот пока лишь с подходом от яфетидологических материалов) к связи славянских языков, в частности, и русского с яфетическими языками, повидимому, через скифский. Что скифы были первоначально яфетидами, это ясно видно из их названия «скиф» и национальной скифской его разно-

видности «сколот», получающих одинаково и формальное и реальное толкование на почве яфетического языкознания. Однако дело не в одних скифах-яфетидах, но и в русах-яфетидах и ионах-яфетидах, из коих последние отложили свой тотем племенное название «доп» (означающее опять таки «копь», и «река») и его разновидности в названиях главных рек той же территории. Правда, названия эти разъяснены как иранизмы, но это сделано без учета их палеонтологич., равнодушие к которой ныне вытекает из уверенности специалистов не-востоковедов, предполагающих, что иранский мир сам по себе является чем-то совершенно определенным и разъясненным даже и в плоскости его гезеписа. Относительно скифов-яфетидов недавно вскрылся новый материал из исторической древне-русской и древне-армянской литературы и дал, по связи яфетического Кавказа с Русью, тему для речи, произнесенной в Академии истории материальной культуры. «Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси (Скифское предание в яфетидологическом освещении)». Чтобы воспринять, однако, яфетидологическое освещение этого предания, требуются соответственные знания и особенный интерес к девственной еще палеонтологич. русской речи, к вопросу об ее составе *в целом* и ее разноточном происхождении. Без этого не могут притязать ни на малейшее плодотворное внимание указания яфетидолога на то, что ряд морфологических (общих или необщих с прочими славянскими языками) явлений в русском языке имеют яфетическое происхождение, что из яфетического источника происходят такие слова, как: «собака», «пес», «псица», «копь», «лошадь», «медведь», «куница», «слон», «пила», «зуб», «глаз», «рука», «книга», «печать», «баня», «мыть», «мыло», «купать», «перед», «первый», «берег», «речь», «щавель», «пахнуть», «пахать» и т. д. Здесь идет речь не о заимствованиях культурных терминов или названий экзотических предметов, к которым, допустим, можно бы отнести «печать», «книга», «баня», «слон». Дело также и не в случайных совпадениях нескольких отдельных созвучных слов, а в строго систематической выделяемости из русской речи имен (да и глаголов), тоже составляющих ряды,—каждый ряд из группы слов по особой области терминологии, как то фауны, флоры, земледельческой культуры и т. п., с палеонтологич. каждого из терминов и определением их места в яфетической семье языков.

Намечен путь и к связи германских языков с яфетическими в работе проф. Брауна на немецком языке: «Первоначальное население Европы и происхождение германцев»¹⁾.

Все эти и другие еще частности требуют чрезвычайно сложной работы раньше, чем определить исчерпывающе физиономию яфетидов и их вклад в общечеловеческое творчество не только по языку, но и по культуре, не только в Европе, но и в Азии и Африке, где вопрос об исконной этнографической связи с египтянами требует предварительного уточнения вопроса о родстве семитов с хамитами. Поскольку этническая связь американских аборигенов с населением Старого Света все более и более упрочиается в сознании ученого мира, точки соприкосновения и исключительное сродство некоторых туземных языков Америки с языком басков также не могут не обращать на себя серьезного внимания лингвистов, с общей палеонтологической точки зрения, по понятным не в строго очерчиваемых пределах подлинных яфетических языков. Впрочем и о значении яфетидов

¹⁾ Die Urbewölkerung Europas und die Herkunft der Germanen (Japhetische Studien zur Sprache und Kultur Eurasiens), Berlin-Stuttgart-Leipzig. Verlag von W. Kohlhammer 1922.

для Европы приходится лишь говорить, а не работать, но это лишь потому, что на Западе до сих пор не было известно ни слова об яфетической теории, и специалисты даже к таким явлениям, как двадцатиричная система исчисления в кельтском языке, подходили как к черте, определяющей будто бы исконный индоевропеизм этого европейского гибрида, т. е. кельтского языка.

В этом районе Европы об яфетидях могли бы вспомнить не раз и те, которые, исследуя народные элементы в сказании о Грале или при выяснении поэтических форм и романтизма в провансальской литературе, в поисках за их корнями обращались к письменности кавказских народов в частности грузин, или к местным на западе народным традициям. Точно также у нас, кавказоведов, не раз возникал вопрос о происхождении творения грузинского поэта Шоты из Рустава и поэтической его формы и культа женщины, не находящих себе объяснения в восточных литературах. Когда не могли быть установлены культурные пути для взаимодействия с Провансом, и стало несомненно наличие корней этих явлений в местных кавказских народных общественных условиях и поэтических преданиях, приходилось невольно мириться с тем, что в одинаковых условиях рождаются схожие явления. Но не нужно ли к одинаковости условий рядом с общностью культурно-исторических источников, влиянием мусульманских литератур (арабской, а в Грузии еще сильнее персидской) и средневекового христианства отнести и этнографическое сродство, — наличие яфетических переживаний в народных преданиях обоих давно разлученных культурных районов Запада и Востока?

Лингвистическая палеонтология при реальной постановке яфетического языкознания естественно врывается во все области исторического изучения общественной жизни, не только в литературную, но и в религиозную, правовую и т. п., отмечая в доступных ее исследованию реликтовых языковых отложениях пройденные этапы до-исторической жизни. А за яфетическими языковыми материалами поднимаются живые фигуры самих яфетидов и их до-историческая общественность. Учет переживаний такой яфетической общественности дает конкретное содержание отвлеченным положениям науки об языке; так напр. положение о гибридизации языков, об основном начале в творчестве речи и в размножении ее видов связано с неизбежной метисацией различных племен, которой в свою очередь предшествует скрещение таких общественных явлений, как религиозные представления, в частности социализация выражающих их терминов. О племенной метисации грузин, мегрелов с чанами (лазами) и сванов с неизбежным скрещением их первоначальных племенных языков свидетельствует тот факт, что тотемное божество сарматского племени (основного слоя в племенном составе грузинского народа) — Цармат стало общим для этих чистых яфетических народов, различных ветвей и различных групп, у каждого с природной для его группы огласовкой, но с заменой начального согласного сибилантичных групп ($\text{č} \parallel \text{c}$) спирантным (f) по образу сванского Гермет. В эту же тотемную племенную организацию входил армянский народ, сохранивший в качестве величайшей святыни священное имя того же тотема в виде «Карамет» с перенесением его на предтечу Иоанна Крестителя. Это также показатель скрещения, гибридизации яфетического племени с индоевропейским, явствующей и из двуприродного состава армянской речи. Не может не наводить на мысль о такой же гибридизации той же яфетической тотемной организации с индоевропейским племенем в греческом народе факт усвоения греками того же божества в виде Гермеса. Из тотемных божеств не один только Гермес является объединяющим эгейский мир с яфетическим Востоком и прежде всего с малой Азией и Кав-

казом. Посейдон (с основой «сейд» || «сид»), яфетическое божество металла и моря (специально понтийского моря или Понта), также вклад тотемного объединения яфетических племен с понтянами, знаменующий еще более сложное этническое скрещение в греческом народе, также оправдываемое яфетическими элементами его речи. В племенном составе греков больше связи с малой Азией и Кавказом, чем с римлянами, у которых для тех же божеств, Меркурия и Нептуна, имеются другие связи, так же с тотемными яфетическими божествами. Да и самое единое божество, возглавляющее Пантеон всего культурного Средиземного моря, известное и Востоку, — Зевс — не представляет ли, вследствие своего экзотического, не индоевропейского происхождения, достаточно зрелый плод для того, чтобы первый же молодой серьезный яфетидолог сорвал его по своей компетенции (на то имеются весьма красноречивые лингвистические основания) и положил в корзину яфетического наследия?

IV

К части перечисленных вопросов, выдвинутых и уже освещаемых яфетическими языками, независимо подходили на Западе, но подходили, побуждаемые к тому или памятниками материальной культуры из до-истории Европы (и особенно Эгейского мира и Египта) или лингвистическими загадками, какими являлись: мертвый этрусский язык или живой баскский язык, — оба одинаково заброшенные в среду чуждых казалось им языков, первый в Италии, второй на пиренейских отрезках Испании и Франции. Свои сближения с кавказскими языками: армянским, грузинским, иногда и горскими, исследователи то одного, то другого из названных европейских языков производили с усердием не по разуму. К тем же языкам обращались за помощью и толкователи (Борк, Хюзинг) надписей на неопределившихся языках Месопотамии и Малой Азии. За последние годы за такой помощью обратился один из исследователей (Кюнн) двухязычный арамейско-лидйской надписи в ее лидйской части. Но все работали в полном неведении сравнительной грамматики яфетических языков без представления о реальных родственных связях, определяющих взаимоотношения кавказских яфетических языков. Незнакомство или недостаточное знакомство с этим учением делало малопродуктивными усилия наиболее серьезных специалистов, знавших материально ту или иную часть чистого яфетического мира, обыкновенно грузинский язык. Подходили и к вопросу о влиянии языка первоначального населения Эгейского мира на греческую речь, но работа велась в узких пределах, ограничиваясь подбором слов из культурных выражений (*termes de civilisation*).

Разумеется как ни далеки изыскания западно-европейских ученых от средств и горизонтов яфетического языкознания, вскрывающего на конкретных фактах массовое отложение в греческом языке, языков первоначального населения (в пределах Эгейского мира), работы этих ученых явно свидетельствуют о самом факте существования такого до-исторического, до-эллинического языка, в восточном Средиземноморьи. На западе идею о таком творчески важном до-историческом языке (в связи с иберийским, лигурийским и живым баскским), отстаивали некоторые кельтологи и романисты с этнографическим подходом к проблеме. Обобщению таких местных фактов не могли не содействовать частичные лингвистические или археологические изыскания, обнаруживавшие более или менее убедительно связи то Пиренеев с Египтом и Кавказом (Шухардт), то Египта с Францией или Эгейского мира с Испанией, Лидии с Этрурией, Этрурии в особенностях

речи с Германпеей, юга России с Хетской Малой Азией и Кавказом (Фармаковский), Кавказа с Месопотамией. Эти изыскания давали материал для обнаружения общих корней с Малой Азией и Египтом, и получилась возможность воспринять мысль, кое кем формулируемую уже как научное положение, что, вообще, европейские народы взошли на инноплеменном субстрате первоначального населения всего Средиземноморья. И это независимо от яфетического языкознания. Однако, сущность яфетического языкознания не в том лишь, что оно, как новое теоретическое учение, естественно снабжает нас новыми средствами для утверждения той же тезы и ее уточнения с помощью языковых данных. За новым теоретическим учением, то растущим и крепнущим, то, по отсутствию рабочих сил, останавливающимся в росте и изнемогающим в борьбе с заливающим его обилием поразительных доселе неведомых в их целостности материалов, стоят совершенно конкретные живые фигуры яфетидов, древних, как ветхие леньми герои мировых сказок о сотворении вселенной, и молодых в перевоплощении последних племенных новообразований. Для народов европейского культурного мира они продолжают быть запасами первобытно-девственных творческих сил, пахотаясь в племенной их когистенции в путях скрещения. И они-то, эти яфетиды, хорошо известные как бесспорно самые ранние творцы металлургических знаний, вынуждают ковать учение, совершенно новое по самой постановке. При впервые открывающихся перспективах действительной палеонтологии человеческой речи, это учение требует расчистки почвы там, где оно будет прочно строиться, если вообще найдутся условия для своевременного и прочного ее построения.

С яфетидами дело ведь не в одном языкознании, не одному языкознанию придется испытать все неудобства неизбежного коренного переустройства, может быть, лишь кажущегося внезапным и неожиданным или даже непримлемым.

Н. Марр

КИТАЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Для того, чтобы ввести читателя «Востока» в понимание вещей, творящихся в Китае и сообщаемых на страницах нашего журнала, считаем не лишним сообщить краткую историю китайской республики от ее возникновения в 1911 году до конца 1921 г., т. е. за ее первые десять бурных лет.

С этой целью мы изложим содержание главы XXX The China Year Book (за 1921—22 гг.), как наиболее отвечающей нашей цели, и дадим специально для русского читателя несколько кратких объяснений и примечаний.

Династия маньчжуров ¹⁾ была низвергнута в результате революции, вспыхнувшей в Учане ²⁾ в октябре 1911 года вслед за возмущением Западного Китая против проекта национализации железных дорог, утвержденного при заключении железнодорожного Хугуанского займа. Маньчжурский импе-

¹⁾ Эта последняя династия Китая вышла из Маньчжурии в виде воинственного племени, неожиданно для себя очутившись в 1644 году на престоле Китая, но сейчас же окитайлась и приняла китайское имя Цин («Чистая»). От 1644 до 1911 г. она дала 10 императоров.

²⁾ Старый город на р. Янцзы, против Ханькоу.

ратор Сюань Тун ¹⁾ (вернее, за него правитель-регент) отказался от престола 12 февраля 1912 года. Ему была дана гарантия, что с ним будут обращаться достойным образом и выдавать пенсию в четыре миллиона мексиканских долларов ²⁾ в год.

В это время в Нанкине ³⁾ уже действовало Временное Республиканское Правительство, во главе которого стоял президент Сунь Вэнь ⁴⁾. Однако, после отречения манджуров, Сунь и сам тоже сложил с себя звание и должность президента республики в пользу Юань Шикая ⁵⁾. Последний же подписался под Временной Конституцией, выработанной Национальным Советом в Нанкине.

После этого Совет был перенесен в Пекин, где ему положено было играть законодательную роль до открытия Национального Собрания. Трения между твердым практиком Юань Шикаем и многоречивым Советом не замедлили начаться сейчас же, так что, когда в апреле 1913 года Нацио-

¹⁾ Полезно знать, что окитавшиеся манджурские императоры, как и их предшественники Минь, не позволяли никому называть себя, как европейские государи, по имени, а велели употреблять для своего обозначения особые девизы царствования (нянь хао), так что сказать «государь Сюань Тун», собственно говоря, неправильно, а надо бы так: «государь, титулующий свое царствование девизом Наследник Обоих прежних государей, по преемству и духу».

²⁾ В те дни этот доллар расценивался почти как русский рубль.

³⁾ Нанкин (Нань цзин', или «Южная Столица», сыграл свою роль в истории Китая гораздо ранее Пекина (Бэй цзин) или «Северной Столицы», который мог стать таким центром лишь в объединившей Китай эгиде монголов.

⁴⁾ Его обыкновенно называют Сунь Ятсэнь (по-пекински: Сунь Исянь), отчасти из почтения к нему, отчасти из обычая младокитайцев в их отношениях друг с другом, находя неудобным упоминать его официальное имя. Нам так поступать не следует, ибо это вносит в трудную для европейского уха китайскую номенклатуру значительную путаницу, не говоря уже о несправедливой титулатуре одних (как Сунь Ятсэнь) и официальных именований других (Юань Шикай, Лихунчжап).

Об этой исторической уже фигуре нужно сказать несколько слов, заимствованных из справочного отдела всё той же China Year Book.

Он родился близ Кантона (Гуанчжоу фу) в 1866 г. Научился английскому языку в раннем детстве. В 1887 году поступил студентом в английский медицинский институт в Гонконге (Alice Memorial Hospital), который и окончил в 1892 г. со степенью «Licentiate of Medicine und Surgery». Медицинскую практику начал в Макао, где он организовал партию младокитайцев. Эта деятельность пришлась ему больше по душе, и он из Макао переселился обратно в Кантон исключительно для революционной активной пропаганды. Однако, после одного неудачного заговора в этом городе (1895) он вынужден броситься под защиту португальцев в Макао, откуда едет в Гонконг, Японию, Гонолулу и Америку, вербуя себе сторонников среди китайских эмигрантов. В 1896 году его в Англии, путем западни, втащили в китайское посольство, которое поимкой столь видного революционера хотело выслужиться перед Пекином. Однако, после 12-ти дневного заключения, ему удалось из него освободиться. После этого он опять начал свои революционные скитания по странам Европы и Америки, а также по Японии, каковые продолжал до самой Учанской вспышки, которая призвала его от революционных разговоров к революционной деятельности. Дальнейшее о нем будет излагаться в самом очерке.

⁵⁾ Юань Шикай (или по прозвищу Юань Юитин), одна из самых крупных фигур современной истории Китая, родился в губ. Хэнань в 1860 г. Еще в молодости он отличался своей энергией при исполнении обязанностей китайского резидента в Сеуле (1884—1903 г.). Оттуда он появляется в Пекине, и несмотря на свое более чем скромное и притом чисто китайское образование, занимает ряд высоких постов, везде проявляя крайнюю ловкость и твердость, особенно, в трудных обстоятельствах боксерского 1900 года. После смерти Ли Хунчжана он, несомненно, стоит впереди всех, в 1907 г. назначается министром иностранных дел—и это, опять-таки, несмотря на полное незнание иностранных языков. При начале революции манджурская власть, только что уволив его, ухватилась за него, как за последнюю свою опору. Он принял все высшие назначения, на него посыпавшиеся, но отомстил династии, создав необходимость отречения императора от престола.

пальное Собрание было открыто, оно не позволило даже прочесть приветственное слово президента республики. Несмотря на это явно враждебное к себе отношение, Юань не постеснялся пренебречь парламентской оппозицией и устроил заем для реорганизации государства. Столкновение между парламентом и презиравшим его главою государства стало неизбежным. Произошла вторая революция в июле 1913 г., но войска президента без труда с нею справились, и в октябре того же года он был формально избран президентом республики большинством голосовавших. Вице-президентом был избран Ли Юаньхун ¹⁾. Европейские державы признали прочность создавшегося порядка, и дипломатический корпус присутствовал при первом официальном появлении президента в парламенте.

Как только была таким образом создана прочность его положения, Юань сейчас же объявил преследование революционной партии «Прекращающих Небесное Повеление» ²⁾, как мятежной организации, и всех ее членов изгнал из обеих палат, чем лишил последние необходимого кворума.

Вслед за этим, в январе 1914 года, президентский мандат объявил Национальное Собрание распущенным. На его место был создан особый совещательный при президенте орган, состоящий, конечно, из лиц, назначенных президентом.

В таком виде Юань правил страной и республикой на правах почти самодержца. Оставалось сделать лишь шаг к фактическому осуществлению этого плана, и Юань с помощью своих единомышленников и друзей стал к этому готовиться, придумав уже название династии и девиз царствования. Однако, этот проект не встретил сочувствия ни в стране ни в иностранном представительстве, которое решительно предостерегало его от этого смелого шага. В декабре 1915 года в губ. Юньнань разразился мятеж Цзай Ао ³⁾. К этой губернии вскоре присоединились и другие южные области Китая, и Юань понял, что у него не хватит сил бороться со столь единодушным возмущением. Он отказался от задуманного и умер на посту президента без дальнейших degradаций и посрамлений в июне 1916 года ⁴⁾.

Пост президента теперь, согласно конституции, занял вице-президент Ли Юаньхун, а его заместителем был избран Фэн Гочжан ⁵⁾. Новый президент созвал старый парламент, распущенный Юань Шикаем, презиравшим его за «детскую болтливость» и злоупотребления, пороки, продаж-

¹⁾ Этот Ли (иероглифически совершенно иной, нежели Ли Хунчжан) родился в 1864 году и выступил на арене политической деятельности, получив военное образование у европейских и японских инструкторов. Выдвинулся под началом известного Чжан Чжидуна, сменяя при этом морскую специальность на кавалерийскую и даже пехотную. При начале революции он вынужден был принять начальство над революционными войсками, а затем волной событий был вынесен на пост вице-президента, совмещая это с должностью начальника генерального штаба.

²⁾ Название этой ультра-революционной по названию и вряд ли якобинской по существу демократической партии (Гэмин дан) надо объяснить так: «Повеление Неба династии царствовать (мин) отсекается от нее (гэ), и недостойное замещается достойным». Термин этот взят из классиков, где обозначает смещение (насильное) одной династии другой, но в партийной номенклатуре он потерял свое филологическое обоснование. Эта партия требует местных самоуправлений при общенародной централизации и партийного правительства.

³⁾ К сожалению, сведений об этом лице сейчас под рукой не имеется.

⁴⁾ «Панихида» по умершем президенте китайской республики в Петрограде состоялась в буддийском (ламайском) храме в Старой Деревне, хотя покойный был отнюдь не буддист. Таким образом, хотя и странно, почести покойному были возданы.

⁵⁾ Для этой крупной фигуры у пишущего настоящие строки также нет документальных сведений.

пость, обнаруженные многими из его членов с первых же дней. Парламент этот влачил свое незначительное существование до июня 1917 г., когда пошли петиции о его роспуске, в связи, главным образом, с вопросом о вступлении Китая в войну. Петиции исходили от уже ясно обозначившихся северных милитаристов; на самом-то деле им хотелось выработать новой конституции, при которой им было бы отведено положение исключительное. Генерал Чжан Сюнь ¹⁾, прибывший в столицу для посредничества в переговорах с этими генералами (дуцзюн'ями), сделал попытку в августе 1917 г. восстановить на троне манджурского императора Сюань Туна, проживавшего в своем дворце на пенсии республиканского правительства. Хотя и представляется несомненным, что его товарищи по военному диктаторству знали, зачем он прибыл в Пекин, тем не менее именно они, во главе с Дуань Цижунем ²⁾ пошли на Пекин, взяли его и виспровергли Чжана, который укрылся в голландском посольстве. Президент Ли, который во время этого переворота тоже спрятался у иностранцев, не пожелал снова занять место президента, предоставив его Фынь Гочжану. Тогда властители положения, северные военачальники, создали новый парламент, пополнив его своими креатурами, из которых многие не смели и носа показать в те губернии, представителями которых им полагалось быть. Собравшись в августе 1918 года, этот парламент не нашел другого выхода, как выбрать президентом республики друга и названного брата Юань Шикая Сюй Шичана ³⁾. При избрании вице-президента голоса соперничавших между собой генералов (дуцзюн'ей) разбились, и пост вице-президента доселе не замещен.

Тем временем члены первого парламента, дважды распущенного, и кроме того с истекшими полномочиями, собирались в стране то тут, то там и заявляли о своем исключительном праве представлять голос народа

¹⁾ Этот генерал старого закала служил, прежде всего, как и Юань Шикай, манджурам, которыми был всячески отличаем. При взятии революционерами Нанкина он устроил мастерское отступление к р. Янцзы и перебрался через нее без помощи военных судов. Затем, использовав железную дорогу на Тяньцзинь под передвижение своих войск, он оказался господином положения. С ним пришлось считаться, тем более, что он умел сохранять в войсках дисциплину и удерживать их от грабежа. В 1917 г. президент Ли вызвал его в Пекин для переговоров с генералами, заседавшими на республиканскую конституцию, и он явился туда, но, как будет далее говорить текст, с мыслями совершенно иного порядка.

Нет сомнения, что этот тип бравого генерала, слишком известный всякому изучавшему историю Китая, имел бы совершенно иную участь в старом Китае. Новые люди и обстоятельства повернули его судьбу иначе.

²⁾ Дуань военный человек нового типа. Получил образование в Бэй'янском училище у европейских инструкторов и быстро сделал блестящую карьеру, реорганизуя армии по новому образцу. В критический момент революции 1911 года он был из самых заметных лиц на листе подписей под обращением к трону с просьбой отказаться от власти. Он был первым республиканским военным министром, фельдмаршалом и губернатором Манджурии. А затем, после этого, он был назначен (впрочем, не впервые) премьер-министром с поручением составить кабинет. Незадолго до описываемых событий он был уволен от своих должностей распоряжением Ли Юаньхуна.

³⁾ Сюй выдвинулся на министерские места еще при старом режиме. В 1908 году был Наместником Манджурии, в 1909 г. директором Тяньцзинь-Пугоу (Нанкинской) жел. дор., в 1911 г. начальником генерального штаба. По отречении манджуров он был приставлен к бывшему императору. В 1915 г. он занимает пост государственного секретаря. Когда его названный брат Юань потерял крушение с предполагавшейся империей, Сюй вместе с ним отправился на родину отдыхать от дел. В 1915 г. он был вызван улаживать недоразумения между президентом Ли и премьером Дуанем. В сентябре 1918 г. был избран парламентом воевод президентом республики большинством 425 голосов из 436.

и истинно конституционное правительство. Южные воеводы, вызванные на север для борьбы с Чжан Сюнем, не доверяя Дуань Цижую, не пожелали ему подчиниться и объявили парламент милитаристов незаконным. Тогда в Кантоне образовалось новое правительство, в котором приняли участие Сунь Вэнь (Ятсэнь) и старые деятели манджурской державы Тап Шаон и У Динфан. Парламент, конечно, пополнился гулявшими по Китаю членами распущенного дважды парламента.

Первое время, в негодованием на действия Пекина, объединились вокруг этого правительства все южные предводители войсковых частей, но затем между ними пошли раздоры, закончившиеся изгнанием Сунь Вэня из Гуандуна войсками соседней губернии Гуанси. Тогда опять наступила для членов неудачливого парламента эпоха страствований, и они собирались по приглашениям наиболее успешных воевод в местах, им указывавшихся. После долгих перипетий они вернулись в очищенный от Гуансийских врагов Гуандун (Кантон) и опять открыли свои парламентские заседания, приведшие в апреле 1921 г. к избранию Сунь Вэня на пост президента китайской республики, в антитезу несуществовавшему для них Сюй Шичану. Независимо от того, что полномочия членов этого воинствующего парламента к этому времени уже успели прекратиться, число поданных голосов (213) не соответствовало требованиям кворума (435).

А в это время на севере было господство военной клики во главе с Дуань Цижуюм, которая добывала средства к своему существованию японскими займами, совершавшимися без всякого стеснения перед общественным мнением, знавшим, конечно, таким займам цену. В мае 1919 г. в Пекине была устроена студенческая демонстрация, которая повторилась и привела к отставке наиболее усердного деятеля по заключению займов Цао Жулия ¹⁾.

В 1920 году, однако, Дуань и его клика (Аньфу дан) еще были у власти, но против них уже ополчились северные «сверх-генералы» и военной силой сломили их. Дуань удалился от дел, а его место занял господа положения Чжан Цзолин ²⁾ и Цао Кунь ³⁾. Парламент, наконец, распустили, и Китай опять получил единое правительство. Новый парламент к середине 1921 г. еще не был избран, и положение, как его формулирует China Year Book (стр. 751), рисовалось в таком виде:

«Правительство Сунь Вэня в Кантоне открыло опять враждебные действия к Гуансийскому, желая предупредить этим нападения последнего, тем

¹⁾ Это молодой человек, получивший образование в Японии, которую он, таким образом, щедро за это вознаграждал. В 1913 г. он уже товарищ министра иностранных дел, в 1917 г. министр путей сообщения, в 1918 г. министр финансов и, наконец, председатель банка путей сообщений. Японофил во всем.

²⁾ Это одна из наиболее характерных фигур китайской современности. Начиная с того, что он собой оправдывал давившую китайскую аксиому, что военному никакие науки не нужны. И действительно, генерал Чжан, которому сейчас нет еще пятидесяти лет, не получил в молодости никакого образования. В русско-японской войне он сражался против русских, но после войны сдался китайскому правительству по требованию самой же Японии. Несмотря на то, что он был главарем хунхузов, китайское правительство воспользовалось его услугами и всячески ему угождало. С 1911 г. неизменно состоит военным губернатором Мукдена, имея в своем подчинении до 100.000 солдат. Он служил Юань Шикаю вплоть до крушения его монархии в 1916 г. В следующем году он точно так же воевал с монархистом Чжан Сюнем. С 1918 г. состоит губернатором всей Манджурии.

³⁾ Этот генерал, наоборот, из новых, европеизированных китайцев, хотя и проделал эту эволюцию на чисто китайской почве. Отличился в китайско-японскую войну. Теперь занимает важнейшие посты в центре Китая.

более, что за его спиной стояли северные милитаристы. Остальные южные губернии занимали в отношении к столице неопределенное положение: и не воевали против Пекина, и не признавали его. Замечалось сильное движение к децентрализации и самоуправлению губерний. В долине Янцзы господствовало настроение неопределенности и беспокойства за поведение военных командиров. В Северном Китае генералы У Пэйфу¹⁾ и Фын Юйсян соединенными усилиями старались изгнать из губернии Шааньси (Шаньси) генерала Чжань Шуфаи'я, который не слушался правительственного декрета и не желал покидать своей позиции. Еще далее к северу Чжан Цзолин, устроивший теперь себе, в виде добавочной сатрапии, пост высшего комиссара Монголии, бомбардировал Пекин требованиями колоссальных сумм на экспедицию по покорению независимой Монголии. В Пекине в 1921 г. все время искали подходящего министра финансов, но найти не могли. А между тем мирная жизнь и торговля, как видно из отчетов таможен за 1920 год, страдают в Китае невыносимо.

В. А.

ПЕРВОЕ ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО МЛАДО-БУХАРЦЕВ

Том I «Истории бухарской революции» Айни (рукописный труд на узбекском языке, 1920—21 г.) включает в себе, между прочим, сведения об организации, составе и деятельности первого тайного общества младо-бухарцев, одним из членов которого был сам автор. Мы использовали в настоящей статье материалы Айни, дополнив их данными, собранными нами в Бухаре при беседах с бывшими участниками этого общества.

Младо-мусульманское движение в России, начавшееся в конце XIX века с борьбы за новометодную национальную школу по русскому образцу под влиянием пропаганды словом и делом питомца русского кадетского корпуса—бахчисарайца Исмаил-Мирзы Гаспринского, окрепло в Поволжье, Крыму и на Кавказе после российской революции 1905 года, отсюда оно проникло в Степной Край к киргиз-казакам и в Туркестан, а затем нашло отзвуки в вассальных тогда по отношению к России ханствах Бухарском и Хивинском, там, при поддержке новых веяний, шедших через прессу и иными путями из Турции, Персии, Индии и Египта, оно создало местные прогрессивные течения: младо-бухарское и младо-хивинское, хотя в обеих странах отдельные лица выступали против старины, еще в XIX веке. «Утренней звездой на темном небосклоне Бухары», по выражению Айни, был разносторонний ученый, музыкант, поэт и придворный звездочет Ахмад-Махзум по прозванию Калля, автор памфлета на бухарскую действительность: «Редкости происшествий» (Навадиру-ль-вакан), родившийся в 1816—17 г. и умерший в 1896 году. Попытка побывавшего в России муллы Джурабала, из бухарского тюменя (уезда) Пирмаста, открыть частную новометодную школу в селении Пустиндузан в 1900 г. не увенчалась успехом из-за недоверия к ней населения, и возникновение первой туземной (не-татарской) новометодной школы в Бухаре датируется обычно 1908 годом.

¹⁾ Этот У—человек старой китайской культуры и прошел в люди через школу и образование старого типа. Однако, быстро взял новый курс, блестяще окончив военную академию в 1898 г. Не удовлетворившись ею, поступил в особую школу Дуань Цижюя и быстро продвинулся в генералитет. Сражался с Чжан Сюнем и, вообще, был полезен республике, но летом 1920 г. вступил в вооруженное столкновение с войсками своего бывшего патрона Дуаня. Теперь губернаторствует в трех губерниях Среднего Китая.

Датский путешественник О. Олуфсен, побывавший в Хиве в 1899 году, обратил внимание на реформаторские склонности тамошних образованных людей. Незадолго до моего посещения Хивы в 1908 г. там открылось 4 новометодных школы с учителями татарами, правда, просуществовавших недолго. Младо-хивинское движение возглавлялось влиятельными сановниками Хусейн-беком и Ислам-Ходжой, впоследствии павшими жертвою придворных интриг; Ислам-ходжа построил и новометодное медресе.

Первая группа младо-бухарцев образовалась около новометодной школы, затем к этому движению, особенно после суннитско-шиитской распри в январе 1910 года, стали примыкать новые силы. Вести серьезную работу открыто для младо-бухарцев не было возможности, и поэтому в 1910 г. было основано тайное общество «Воспитания детей» (Тербия-и-этфаль). Некоторые из его бывших членов утверждают, что оно преследовало исключительно просветительные цели и ушло в подполье потому, что новометодное образование подверглось жестокому гонению со стороны реакционеров и правительства; Айнни же говорит, что общество из осторожности ограничило свою деятельность в писаном тайном положении учебными целями, но в действительности будто бы члены его вели политическую пропаганду за реформы и против существовавшего тогда образа правления. Айнни определяет задачи общества в следующем виде:

- 1) Просвещение народа и распространение при всяком случае всяких видов литературы.
- 2) Борьба с традиционной расточительностью обывателей и с дурными обычаями (пиры свадебные, траурные и иные, козлодрание—«копкари» и пр.), помощь социальная и культурная.
- 3) Противоправительственная агитация (против эмира, куш-беги, беков, казиев, духовенства).

Общество имело своих членов и агентов в правительственных учреждениях, чрез них узнавало государственные тайны и влияло на политические дела.

Вступление в члены общества было связано с тяжелыми условиями, читая про которые, невольно заподозриваешь, не были ли основатели общества знакомы с масонством, но мне объяснили, что масонство стало известно младо-бухарцам после учреждения этого общества. Прежде всего требовались: чистота нравов, трезвость, крепкое хранение тайны, любовь к просвещению и реформам. Членам общества не только запрещалось пить, но и присутствовать на попойках. После того как общество наметало кого-нибудь в кандидаты, избиралась комиссия из двух-трех лиц для более близкого изучения кандидата. Когда эта комиссия докладывала собранию результаты своих наблюдений, члены общества, со своей стороны, сообщали имевшиеся у них о кандидате данные, и если кандидатура одобрялась, назначалась новая комиссия для привлечения намеченного лица в члены общества, при чем, дабы не открывать преждевременно тайны существования общества, при переговорах с кандидатом речь велась о том, что только предполагается еще основать это общество. Если переговоры принимали благоприятный оборот, с участием кандидата вырабатывалось, якобы, положение будущего общества, близкое к существующему, и с кандидатом заключался договор. Снова делался доклад собранию и, если кандидатура окончательно принималась, намеченное лицо приглашалось в следующее заседание, которому придавался вид учредительного, кандидату давался на подпись устав общества и договор, а затем все вставали, торжественно приветствовали нового члена-брата, сообщали ему историю общества, объясняли причины сложной процедуры вступления в него и извинялись за доставленное новому члену беспокойство.

Несмотря на все трудности, при которых можно было собираться даже пяти человекам для тайных целей при бдительности бухарского правительства и русского политического агентства, общество, имевшее уже 18—20 членов, устраивало заседания два раза в месяц, а в чрезвычайных случаях и чаще, на дому у малоизвестных правительству членов общества; участники заседаний сходились в одиночку, в промежуток получасового времени между призывом к последнему намазу и концом этого намаза, и заседание происходило ночью вплоть до первого утреннего намаза.

Первым делом общества была отправка учеников в Константинополь. Деньги на расходы собирались среди надежных прогрессивных людей, при чем, конечно, тайна существования общества не открывалась. С учениками в Стамбуле общество сносилось из осторожности не непосредственно, а чрез своих делегированных туда членов, и пользовалось при этом особым шифром. В 1911 г. в Стамбуле обучалось 15 учеников, а в 1913 году—30. В Бухаре общество покровительствовало тайной новометодной школе Мукамиледдина Бурханова и другим школам, по мере того, как они организовывались. Члены тайного общества принимали деятельное участие в двух газетах—«Бухара-и-Шериф» и «Туран», издававшихся в Бухаре в 1912 году. К 1914 г. в столице и провинции появились тайные общества помимо центрального. Члены общества открыто организовали библиотеку «Марифат» (Знание) и кооператив «Баракат» (Благодать). Во время мировой войны российское политическое агентство усилило наблюдение за младо-бухардами; догадываясь о существовании тайного общества, оно пыталось его раскрыть, но это ему не удалось. Общество стало собираться только в важных случаях и до российской революции, в феврале 1917 г., продолжало, по словам Айни, оставаться руководящим центром младо-бухарцев, а затем эта роль перешла к новой младо-бухарской группе во главе с Фитратом и Файзулла-Ходжой в которую вошли и некоторые члены первого тайного общества. Айни считает, что историческое значение тайного общества огромно: ему принадлежит главная заслуга в подготовке бухарской революции.

Нельзя не признать, что «История» Айни не дает достаточно полного и ясного представления о деятельности тайного общества. Собранные нами данные касаются преимущественно дальнейшей судьбы членов этого общества, которых Айни насчитывает 29, оговариваясь, что список составлен им по памяти. Из числа 29 девяти уже нет в живых, а о двух мне ничего узнать не удалось.

Из собранных мною кратких данных о большинстве членов тайного общества явствует, что целый ряд современных ответственных работников Б. Н. С. Р. принадлежал к его составу, что и правая группа нынешних политических деятелей Бухарской республики, и центральная группа, с ее правым и левым крыльями, имели своих представителей в первом тайном обществе, что только группе, так называемых, «левых коммунистов» общество не дало ни одного своего члена, что оно состояло исключительно из мусульман-суннитов и что, наконец, большинство его виднейших членов—заправил все же относится ныне к правой из трех основных политических групп республики.

Остается невыясненным вопрос о составе отделений центрального тайного общества, о существовании которых упоминает Айни, и об отношении этих отделений к центральному обществу. Членами одного из отделений состояли, как мне известно, Фитрат и Рахмат Рафик.

Отсутствуют более подробные сведения об обществе «Распространения просвещения в Бухаре», возникшем в Стамбуле, повидимому, независимо от тайного общества и имевшего, как сообщает Айни, своих тайных членов в Бухаре.

Гораздо менее материалов, чем по первому тайному обществу, дает «История» Айни по второму «полу-тайному», как выражается Айни, обществу, возникшему в 1917 г. и определенно уже преследовавшему политические цели. Это общество привлекло в свой состав и бухарских персов, и некоторых членов первого тайного общества, и много новых лиц. Освещение его деятельности и в г. Бухаре, и в Кагане, где оно некоторое время именовалось «Шуро-и-Ислам» (Совет Ислама), особенно важно для истории центральной политической группы Б. Н. С. Р., наиболее крупные представители которой играли в «полу-тайном» обществе руководящую роль. С этим же обществом были связаны в свое время и некоторые члены третьей, лево коммунистической группы.

А. Самойлович

ПЕЧАТЬ В КИТАЕ

Идея периодического издания относится в Китае к глубокой древности. Так, нам известно, например, что древние императоры Китая ежегодно вручали своим вассалам календари, содержащие как астрономические, так и астрологические указания. Позднее, в VIII веке по Р. Хр., уже перед самым началом книгопечатания, мы застаем распространение в рукописях придворных известий (ди чао¹). И традиция велит признать за Китаем пальму первенства в изобретении печатной газеты, которая была не что иное, как все те же официальные сообщения, распространяемые среди чиновной знати, но уже не в рукописи, а в виде тиснения с деревянных выпуклых клише. Еще в начале и даже середине XIX в. наши китаеведы, упражняясь в усвоении излюбленного ими официального стиля, усердно читали эту газету и видели в ней отражение жизни Китая.

С наплывом европейцев дела пошли совсем иным порядком и темпом. Хотя первая газета, основанная в Шанхае в 1870 году («Синь бао» — Новая Газета) была всего на всего лишь страницей новостей, ее преемницы «Шэнь бао» и «Синь вэнь бао», — существующие, кстати сказать, и доселе в виде крупных органов прессы, — были уже газетами европейского типа. После японо-китайской войны китайские газеты появились не только в открытых для европейской торговли портах (Тянь цзинь, Гантон, Ханчжоу), но и в Японии. В самом Китае они, — как об этом подробно говорится в книге С. А. Полевого «Периодическая печать в Китае» (Владивосток 1913) — не могли еще существовать в смысле органов свободной мысли. С революцией 1911 года начинается для китайской прессы новая эра, и печать расцветает и количественно и качественно, подражая во всем существовавшему европейским газетам, но ни на минуту не сравниваясь с лучшими из них.

И действительно, если мы сравним сведения 1913 года, почерпнутые из книги С. А. Полевого, с теми сведениями, которые мы находим в «The China Year Book 1921—2»¹), то находим, что, несмотря на десятилетний опыт достаточно бурной исторической жизни, китайская пресса не улучшилась.

«Китайская пресса наших дней оставляет желать много лучшего. За редкими примечательными исключениями, она абсолютно ненадежна при передаче известий, как китайских внутренних, так и иностранных. Многие газеты определенно продажны, при чем зачастую они носят заигранный, злобный характер. Все то лучшее, что они могли бы сделать, выставляя на показ невежество и продажность чиновников, часто уничтожается их неблагоприятной деятельностью в других направлениях. Лишь очень немногие из них являются независимыми, в полном смысле этого слова, и хорошо осведомленными. Тем не менее, китайская пресса оказывает все более и более сильное действие на общественное мнение Китая, особенно по поводу международных событий. Правда, что республиканская конституция гарантирует газетам свободу слова и печати; тем не менее, военные главы Китайской Республики могут моментально сократить любого из редакторов, осмелившегося оскорблять их в открытой критике».

Значит, как было во дни, предшествовавшие книге С. А. Полевого, свидетелем которых был пишущий эти строки, видевший, на какие чудовищные, по подлой изобретательности, скандалы способна подкупная печать, так и в наши дни китайская общественная культура, быстро усваивающая от Европы внешность, не может справиться с культом нравственной ответственности деятеля прессы, и на нее приходится просвещенным европейцам воздействовать еще долго.

Просвещенная и вполне независимая пресса представлена, прежде всего, старейшими английскими изданиями «North China Herald» и «North China Daily News», осведомленность которых и солидность известна всякому китаеведу и интересующе-

¹) Из этой книги и взят материал для настоящей статьи, как очень достоверный, собранный из первоисточников, которые, к сожалению китаеведов, даны лишь в английских переводах. Полное заглавие книги такое: «The China Year Book 1921—2». (Далее следуют китайские иероглифы): Чжун хуа нянь као шу-Тэ цзы Чжун Го Минь цзяо юй ин юн. Edited by H. C. W. Woodhead, editor of the «Peking and Tientsin Times». Associated editor H. T. Montague Bell, Formerly Editor of the «North China Daily News». Tientsin, 1921.

муся Китаем. Начиная с 1850 г. это издательство давало и дает сведения о жизни Китая, по которым можно работать и научно, ибо сотрудниками этого органа бывали порой замечательные знатоки Китая. Последние основали также ряд чисто научных изданий, в роде «China Repository» и «China Review», современным представителем которых является «New China Review», тоже довольно значительный орган изучения Китая.

Кроме ежедневных общеполитического направления газет, в роде: «The Peking and Tientsin Times», «North China Daily Mail», «Shanghai Times», «China Mail» и др., англичане издают и специальные органы, свидетельствующие о серьезности их интересов в Китае, как например: «Finance and Commerce» и «British Chamber of Commerce Journal».

Американцы отстают от англичан, но и у них, кроме прессы общего содержания, есть журналы в роде: «Millard's Review» и «Far Eastern Review», дающие читателю нечто большее, нежели легучие газетные заметки.

Только три французские газеты зарегистрированы китайской почтой (находящейся и по сей день в европейской директуре), так что сведения, данные ею книге, отсюда взят материал этой статьи, достоверны. Особого распространения и значения они никогда не имели.

О научных журналах типа «Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society» и многочисленных миссионерских изданиях здесь можно только упомянуть, ибо при их характеристике нельзя ограничиваться рамками общих статей, требующими соблюдения пропорций.

Японцы издают в Китае очень много газет на китайском языке, очень ловко и умело, хотя и прикровенно, ведя свою политику. На английском языке ими издаются две газеты в Манджурии: «Manchuria Daily News» и «Light of Manchuria», одна в Пекине «North China Standard» и одна в Тяньцзинь «China Advertiser».

Что касается русских изданий, то, кроме газет, выходящих на китайском языке (вряд ли больше одной единственной «Юань дун бао»),—в Харбине издаются газеты и на русском языке, к сожалению, не зарегистрированные на китайской почте. Пишущему эти строки пришлось видеть выходящую в Шанхае газету «Шанхайская Жизнь» с коммунистическим направлением, в небольшом по размерам тексте, но сылом состоящей из объявлений о местных «аттракционах» и ресторанах. О каком-либо влиянии этой газеты на кого-либо в Китае говорить не приходится.

Немедкая печать, бывшая в свое время очень значительной и серьезной, после объявления Китаем войны Германии, принуждена, вероятно, лишь временно—замолчать.

Переходя теперь к цифровому обозрению зарегистрированных газет и журналов, появляющихся то ежедневно, то еженедельно и т. д., то регулярно, то нерегулярно, мы должны на первом месте поставить кипучий боевой, революционный застрельщик Кантон, в котором, считая с окрестностями, издается 130 газет и журналов, в том числе миссионерских христианских (3), официальных (6), коммерческих, в роде «Торговый вестник 72 фирм» и др. На втором месте стоит Пекин, издающий 119 газет, в том числе наиболее распространенные на севере Китая и влиятельные (среди них старая японская «Шунь тянь ши бао»). Далее идет, конечно, Шанхай с 84 изданиями, из которых значительная часть издается европейцами, в роде важнейшей «North China Daily News», о которой упомянуто выше. Далее, в порядке цифр, более или менее отвечающем порядку культурного роста данной местности (если не принять в расчет пространства), идут округа: (почтовые): Цзянсу (77), Фуцзянь (53), Хэнань (52), Чжэцзян (46), Манчжурия (43), Шаньдун (39), Чжилли (36), Сычуань (28), Хубэй (28), Шаньси (27), Цзянси (19), Юньнань (16), Гуанси (14), Хупань (14), Аньхой (9), Гуйчжоу (6), Шааньси (3), Ганьсу (2). Общий итог зарегистрированных газет—842.

Пробегаля заголовки газет, видим, что они терминологически все более и более приближаются к европейскому типу (daily, weekly, monthly, miscellany и т. п.—по-китайски: жибао, чжоукань, юэкань, дзачжи...). Кроме географических обозначений (Бэйцзин жибао—Пекинская газета), газеты носят и программные обозначения (Цайчжон бао—Вестник Финансов) и девизы, в роде: «Газета Великой Правды» (Да гун бао), «Честные слова» (Гунъянь), «Крик» (Мин), «Набат» (До шэн), «Обособленный

радикал» (Дудзянь) и др. Среди этих девизов не трудно различить и цитаты из классиков, в роде: «Обновление парода» (Синь Минь), «Правый и великий» (Чжэн Да), «Средина и Гармония» (Чжун Хэ) и т. д.

Вид китайских новых толстых журналов точно так же во всем напоминает европейские и особенно американские, что преувеличенно выражается иногда в помещении портрета автора и даже просто переводчика с английского перед текстом. Эти журналы, издаваемые молодыми или же молодящимися ультрапрогрессистами, дают пестрый текст, состоящий из цитируемых, кстати и не кстати, английских, французских и иных выражений, вставленных в китайский вертикальный текст боковым порядком.

Китайская печать, явно разрушающая былое религиозное отношение китаец к печатному слову, к счастью, не угрожает его падением, ибо наряду с эфемеридами прессы существуют, процветают, как никогда, и серьезные книги, среди которых особо отмечаем научные исследования в области китайской истории и филологии, обещающие дать науке много свежего, ценного.

В. Алексеев

ДАННЫЕ О КИТАЙСКОЙ ТОРГОВЛЕ

Всем и всякому известно, что главнейшим предметом китайского экспорта всегда являлся чай. Китай — родина чая, страна, где чай — и необходимость, и роскошь, и повседневность, и поэзия. Однако, как и во многом и многом прочем, наши суждения о Китае надо за последнее время переосмыслить. И в самом деле, как показывают цифры, приводимые в China Year Book за 1921—22 г.г., тот самый знаменитый китайский чай, который сто лет тому назад составлял три четверти всего китайского экспорта, в шестидесятых годах начал уже падать до 60%. В 1899 году он составлял уже всего 16%, а теперь, благодаря тому, что Россия, с одной стороны, и Англия, с другой, из-за войны перестали потреблять китайский чай, требующий сложного торгового аппарата, его экспорт выразился всего в 4% общего итога. Таким образом, родное чаю предоставляется ограничиться другими, менее важными рынками и потреблять свой любимый продукт на дому.

Следующею знаменитою статьею китайского экспорта — по времени, как известно, далеко предшествовавшей чаю — всегда являлся шелк, и еще в 1860 году Китай поставлял на мировые рынки половину всего сырья, торгуя, таким образом, на сто миллионов рублей в год. Но вслед за тем на Китай обрушились, с одной стороны, болезнь туту, с другой — всяческие неурядицы, а, главным образом, конкуренция Японии, введшей у себя образцовую культуру туту на научных основах мирового опыта. Хотя номинально цифра экспорта остается та же, но процентное отношение к общему уже иное (22%) и, если Китай останется при своем патриархальном производстве, ему придется потерпеть в этом отношении и дальнейшую деградацию.

К концу столетия Китай стал усиленно экспортировать масла и жмыхи, а также кожи и меха. Последние предметы вывоза обязаны страшному голоду 1877 года, когда скот истреблялся массами голодавшего населения, а шкуры, в которых, к тому же на рынках ощущалась потребность, вывозились.

Экспорт Китая разнообразился соответственно развитию торговли с Европой и открытию для нее портов внутреннего Китая, а равно и развитию железнодорожных линий. Кроме того, давление европейской цивилизации проявилось и воспитательным порядком. Всюду стали устраивать промышленные выставки (чэнь ле со), на которых население знакомилось с потребностями рынка и своими силами к их удовлетворению.

В процентных показателях экспорт за последние 20 лет выражался, по данным China Year Book, так:

1900—01;	1901—02;	1902—07;	1907—09;	1909—1913;	1913—1919.
6	20	33	30	20	56

В процентной норме по предметам вывоза графика за 40 лет идет следующим образом:

1879 г. . .	чай (46,03%)	шелк (39,60%)	сахар (3,07%)	прочее (11,30%)
1899 г. . .	чай (16%)	шелк (41,4%)	жмыхи (6%)	шкуры (4%)
1919 г. . .	чай (4%)	шелк (22%)	жмыхи (24%)	мука (6%)

Что касается импорта, то самой важной и в то же время несчастной его статьей был прежде всего опиум, дававший в 1879 г. цифру ввоза в сто миллионов рублей. С открытием портов быстро стал расти ввоз американских тканей и ниток, а главным образом, американского керосина, популярность которого включила даже жестяную укупорку, сейчас же приспособленную китайцами под ведра для воды.

К восьмидесятым годам опиум, не изменив своей общей торговой цифры, изменился в общем количестве, и главное—в процентном отношении ко всему остальному ввозу, составляя лишь 13,5% его. Ввоз стал все более и более разнообразным вслед за осложнением вкуса к иностранному производству. После керосина Китай ощутил нужду и в пищевых продуктах, как, например, рисе и сахаре.

Быстрый культурный рост Японии не замедлил сказаться в ее отношениях к Китаю. Воспользовавшись своею близостью к нему, дешевым трудом своего рабочего и общею экономической конъюнктурой, Япония начала быстро вытеснять с китайского рынка европейские товары, конкурируя с ними невероятной дешевизной своих продуктов. За последнее время даже «Made in Germany» отступило перед «Made in Japan», а теперь, когда в японо-китайское соглашение входит пункт о неуступке Китаю («ради сохранения его территории») никому, кроме Японии, никаких портов на морском побережье, и последний конкурент, в лице Германии, сходит со сцены, Япония из китайского же хлопка делает ему хлопчатобумажные ткани и поставляет все предметы европейского образца, но своей выделки. Правда, что японские ремни, лопнув, обдают вас пылью и превращаются в труху, японские чулки пронашиваются с момента их надевания, японские спички не всегда горят и т. д., но дешевизна всего этого является победоносной силой, и никакие бойкоты японских товаров, к которым прибегает китайская общественность, Японии не страшны. Свою конкуренцию Япония простирает и на предметы чисто китайского производства, каковы, например, краски, камфора, веера, лекарства, бумага, уголь и т. д., и всегда успешно. Европейские товары потребляются, во первых, европейцами же, а также наиболее культурным слоем китайского общества, особенно бывшими воспитанниками европейских и американских учебных заведений.

Борьба с опиумом дала свои результаты и, по крайней мере, гласных цифр его ввоза нет.

Таким образом, как со стороны вывоза, так и ввоза, Китай в нашем мнении должен быть предметом переоценки суждений. Страна чая и шелка превращается в страну бобов, хлопка и прочего. Страна опиума превращается в поглотительницу пищевых продуктов и керосина. События мировой войны еще не выяснены в цифрах, но несомненно, что дальнейшие фазисы китайского рынка поразят нас не меньше последних, только что описанных.

В. А.

ПАМЯТИ Н. Ф. КАТАНОВА

Росту семьи русских туркологов препятствовали и препятствуют не только общие культурные условия России, но и неисповедимый рок: после проф. П. М. Мелиоранского († 1906) мы за короткое время с 1915 г. потеряли двух его учеников—Писарева и Бравина, ученика В. А. Гордлевского—Заварина, сотрудника Э. К. Пекарского по якутскому словарю—студента Никифорова, исследователя обычного права якутов—Виташевского, автора работ о балкарах—Караулова, собирателя материалов по этнографии таранчинцев и киргизов—Пантусова, знатоков быта и языка сартов—супругов Наливкиных, собирателя материалов по сартскому кукольному театру—Комарова, составителя османско-русского и русско-османского словаря—Цветкова, полиглотов академиков Корша и Залемана, Е. А. Малова, изучавшего татар мецгеряков и чувашей, нашего шейха акад. В. В. Радлова, знаменитого путешественника-фольклориста Потанина, собирателя материалов по музыке турецких народов—Рыбакова, сагайца турколога Майнагашева, собирателя древне-кыргызских древностей Адрианова и, вот теперь, на этих днях—казанского проф. Н. Ф. Катанова, старейшего из учеников и сотрудников Радлова.

Как и известный турколог середины XIX века Мирза-Казем-бек, Н. Ф. Катанов по происхождению принадлежал Востоку: первый был турком-азербайджанцем и приобщился к европейской культуре чрез шотландских миссионеров в Астрахани, а второй был турком-сагайцем по отцу и турком-кас по матери, родился 6 мая 1862 г. в Турковом улусе на реке Абакане, притоке Енисея, и получил начальное, среднее и высшее образование в русской школе.

Под влиянием миссионеров-туркологов Вербидкого и Ильминского, Н. Ф. Катанов еще в бытность учеником Красноярской гимназии приступил к изучению родных племен Минусинского края, а, по окончании среднего образования и факультета восточных языков, Петербургского университета, в 1888 г. принялся за продолжение трудов Радлова по лингвистическому и этнографическому исследованию турецких народов Сибири и Средней Азии, под руководством своего знаменитого предшественника.

В 1889—92 г.г. Н. Ф. Катанов совершил с большим самоотвержением четырехлетнее путешествие в Урянхайский край, Абаканскую долину, к карагасам Енисейской и Иркутской губерний, в Семиреченскую область, Тарбагайский округ и в Китайский Туркестан и вывез из этих стран богатые научные материалы, доставившие ему европейскую известность среди специалистов.

С 1893 г. и до смерти Н. Ф. Катанов принадлежал Казани, где он состоял профессором университета, Духовной Академии, при которой создал этнографический музей, Северо-Восточного Института, директором Городского Лихачевского Музея, председателем Общества истории, археологии и этнографии.

Из Казани Н. Ф. Катановым были совершены летние поездки с научными целями на родной Абакан, в Уфимскую губернию и в Западную Европу.

Главными печатными трудами Н. Ф. Катанова по туркологии являются: 1) «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня» (Казань, 1903); 2) «Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Часть IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым» (СПб. 1907).

Большое количество материалов из путешествий Н. Ф. Катанова осталось неизданным, хотя многие из них были давно подготовлены к печати в оригиналах и переводах. Извлечения из этих, а также и иных материалов были обработаны в виде многочисленных статей, главным образом, на русском, отчасти же на немецком языках

и напечатаны в российских и заграничных журналах. Перу Н. Ф. Катанова принадлежит, кроме того, ряд работ по мусульманской библиографии, археологии и нумизматике.

Хотелось бы надеяться, что давно ожидаемое ученым миром опубликование неизданных лингвистических и этнографических собраний Н. Ф. Катанова будет осуществлено после его смерти, а до издания материалы эти будут сохранены в надежном месте.

А. Самойлович

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Восточная коллегия «Всемирной Литературы».

Когда окончательно сорганизовался западный отдел «Всемирной Литературы», М. Горький обратился к петербургским востоковедам с предложением организовать в параллель западному восточный отдел. Востоковеды охотно откликнулись на это предложение, им хотелось попытаться ввести русского читателя в круг литератур Востока, которые до сих пор были ему почти чужды. Была образована коллегия, в которую вошли представители разных специальностей, привлеченные к работе большинство востоковедов Петербурга и Москвы и вообще России. Первою задачею было составление примерного каталога тех произведений, которые подлежали переводу, и определение тех литератур, которые можно было вовлечь в круг этих переводов. Каталог этот был издан в первый же год работ коллегии, в 1919 году, на русском и французском языках, и обнимал литературы следующих народов и языков: Египтян, Вавилонян и Ассирийцев, Финикиян, народов Кавказа, народов Ирана, христианского Востока, Арабского языка, Турок, народов Индии, Индонезийцев, народов Индо-Китаи, Тибетцев, Монголов, Китайцев, Японцев, Палеазиатских племен Северо-Востока Сибири.

На собраниях переводчиков устанавливались принципы перевода: без сокращений, с точностью передачи, при сохранении литературной формы. Очень сложным оказался вопрос о переводах произведений стихотворных, и тут в целом ряде случаев было решено, что перевод прозаический передает лучше художественную сторону оригинала, чем перевод русскими стихами, при котором зачастую ритм оригинала передается менее верно. Много пришлось поработать и над введениями, которые при непременно условии полной научности должны были сохранить общедоступность. Многие из авторов являлись зачастую единственными вполне самостоятельными специалистами в избранной ими области и потому не встречалось надобности в редактировании их переводов. Тем не менее, в виду новизны дела, особенно вначале, коллегия тщательно обсуждала почти все переводы вместе с переводчиками.

Для Востока представилось необходимым дать и известное общее представление о тех литературах, которые были приняты в круг переводов, и коллегия, после выпуска каталога, приступила к изданию ряда кратких очерков «Литературы Востока». Вышло уже два выпуска, заключающие в себе литературы: Индии, Арабскую, Турецких народов, Палеазиатов, Китая, Японии, Монголии, Манчжур, Египта, Коптов, Абиссинскую, Финикийскую. Готовы к печати: литература народов Кавказа, Тибетская и Сирийская, готовятся: Персидская, Еврейская, Ассиро-Вавилонская.

Из переводов напечатаны: перевод с арабского философского романа Ибн-Тухейли и с арабского же два знаменитых сборника: Басня Лукмана и Мудрость Хикара. В печати находится первая часть китайского сборника рассказов XVII века Лю-Чжая и «Гулистан» Саади.

Как только будут преодолены трудности современного печатания, коллегия сможет выпустить быстро один за другим ряд томов самых разных литератур Востока, начиная с Абиссинских хроник на западе Христианского Востока и кончая памятниками народной словесности палеазиатов на крайнем востоке Азии.

Можно сейчас указать на интересную арабскую автобиографию сирийского Эмира Усамы, противника крестоносцев. Путешествие по переднеи Азии известного персидского поэта Насири Хасроу, дающего любопытную картину жизни Востока в XI веке. Двадцать пять монгольских рассказов Сиддикюра, попавших к Монголам из Индии и имеющих большое значение для истории странствующих сказаний, памятники монгольского бытового эпоса, которые открывают новый мир народной поэзии, до сих пор почти неизвестный ни в России ни на Западе. Важнейший арабский перевод Душеполезной повести о Варлааме и Иоасафе; как известно, под этим заглавием легенда о Будде проникала во все углы западного мира еще в средние века. Литература арабских эмигрантов в Америке рисует нам тоже новый мир, мало известный западному человеку и особенно интересный теперь, когда громадные перевороты войны и революции поставили Восток непосредственно лицом к лицу с Западом. Новые чаяния, разочаро-

вания, недоумения и достижения новых арабов нашли себе здесь яркое отражение. Китайские поэты времени расцвета китайской поэзии впервые предстанут перед русским читателем в больших сборниках, переведенные с подлинника. Любопытно отметить, что усиленный интерес к китайской поэзии пробудился в настоящее время и на западе. Средневековая и новая Персия, Индия, Турция, Копты с их интересными жителями, Коряки, Юкагры и другие племена будут представлены разнообразными произведениями литературы и народной словесности.

Надо надеяться, что трудности печатания будут преодолены, и тогда русский читатель в переводах с подлинников, а не по переводам с переводов, будет судить о Востоке, который ему необходимо знать, ибо пора уже кончить с отжившим представлением о том, что культура человечества есть только культура Европы, пора, наконец, воздать должное и Востоку.

С. О.

Коллегия востоковедов при Азиатском Музее Российской Академии Наук.

После уничтожения Факультета Восточных языков в 1919 году у преподавателей-востоковедов, разбросанных по разным отделениям Факультета Общественных Наук, зародилась мысль объединиться в особую между-отделенскую коллегию для обсуждения возникающих вопросов как университетского, так и вне-университетского преподавания востоковедения. Устав коллегии был утвержден Факультетом Общественных Наук 26 июня 1920 года; в состав ее вошли не только все бывшие преподаватели Факультета Восточных языков, но и другие, которые ведут курсы по востоковедению с сопредельными областями. Председателем коллегии был избран проф. Н. Я. Марр. Вопросы специально университетского преподавания редко обсуждались в специальных заседаниях коллегии: жизнь быстро показала, что разделение филологического и этнологико-лингвистического отделений совершенно искусственно, и ход дела потребовал систематически объединенных заседаний обоих отделений. Большинство востоковедов входило в состав этих двух отделений, и вопросы востоковедения обсуждались непосредственно на этих заседаниях. Между тем, шаткое положение Факультета Общественных Наук, новая реформа 1921 года и трудность планомерной работы, нарушаемой постоянными толчками извне, заставила востоковедов подумать о придаче Коллегии более прочной организации, не связанной с колебаниями в реформе Высшей Школы. С другой стороны, выяснилась необходимость расширить круг ведения Кол-

легии за пределы преподавания, захватив всю область востоковедения в широком смысле. Инициативная группа востоковедов в составе 15 человек вошла в Академию Наук с проектом устава Коллегии, которая могла бы состоять при Азиатском Музее, как наиболее крупном книжном собрании на востоке, давно уже духовно объединяющем всех петроградских востоковедов. Устав был утвержден Общим Собранием Академии Наук 14 мая 1921 г. Председателем Коллегии избран акад. Н. Я. Марр, товарищем председателя акад. С. Ф. Ольденбург, секретарями проф. А. А. Фрейман и препод. М. Н. Соколов. Состав членов был расширен путем избрания и в настоящее время доходит до 41, главным образом, из числа петроградских востоковедов, некоторых московских и ташкентских. Заседания коллегии происходят не регулярно, а по мере возникающих вопросов, и носят преимущественно деловой характер без чтения научных докладов. Близкое участие приняла коллегия в организации Петроградского Института Живых Восточных Языков при Нар. Ком. Национальностей. В настоящее время в коллегии ведутся работы по составлению справочника о петроградском востоковедении. В справочник предположено включить данные о всех специально востоковедных организациях и учреждениях, а равно и тех, которые воими частями или составом имеют какое-либо отношение к востоку. В приложении будут сообщены сведения о находящихся в Петрограде востоковедах с указанием их специальности.

П. Кр.

Институт Яфетидологических Языков Российской Академии Наук.

Только что академической типографией выпущено новое издание «Яфетический Сборник. I»; он является первым проникшим в публику вестником того нового учреждения, в недрах которого зародился. обстоятельное введение знакомит с положением об Институте, объяснительной запиской к нему, первыми шагами. Институт — учреждение молодое и существует только с сентября 1921 года, но это лишь юридическая дата его оформления. Своими корнями он заходит до 1888 года, когда нынешний академик Н. Я. Марр впервые печатно высказал свое предположение о родстве грузинского языка с семитическими. Почти 35-летняя дальнейшая работа, шедшая с непосильной для обычного ученого интенсивностью и широтой, привела Н. Я. Марра ходом железной необходимости к теории яфетического языкознания, так мало знакомого еще широкой публике, которая получает теперь популярное изложение этой теории от ее творца. Около работы Н. Я. Марра

создавались и учреждения и серии, и везде он один представлял собой деловой Институт. Безразлично, как назывались эти предприятия: «Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии», «Материалы по яфетическому языкознанию», «Кавказский Историко-Археологический Институт», «Институт Яфетидологических Изысканий» — все они возникали благодаря одной личности, все они были одушевлены одной теорией в ее многообразных аспектах. И как бы ни относиться к этой теории, нельзя не почувствовать всей мощи научного духа, который проникает все предприятия Н. Я. Марра — его печатные труды, его организационную деятельность. Первая фраза его предисловия говорит о том, что в его новой работе не видно другого берега, ибо «тот берег» только для нока. Но другого берега нет и для науки, ибо горе той науке, которая причалила к покойной гавани. С концом предисловия, в котором Н. Я. Марр — директор Института — выражает пожелание, чтобы со страниц издания сошли его статьи, согласиться не позволяет не теория, а сама жизнь. Институт создан личностью; эта личность — его душа и ею он живет. И даже в теории яфетического языкознания самое сильное — личность Н. Я. Марра.

В состав действительных членов и сотрудников Института входят, кроме директора, еще П. А. Орбели, Ф. А. Розенберг, Л. В. Щерба, Д. К. Петров, П. И. Мещанинов, И. И. Зарубин; число консультантов-сотрудников около 20. В истекшем полугодии состоялось 12 научных собраний с докладами. Первый выпуск «Яфетического Сборника» содержит восемь статей, из которых одна: «Числительные и их согласования в халдских языках» принадлежит П. И. Мещанинову, остальные — Н. Я. Марру. О диапазоне его изысканий, а вместе с тем и задач Института достаточно красноречиво скажут самые заглавия: «Баскский термин «удагара — выдра», «к вопросу об яфетидизмах в германских языках», «к вопросу об яфетидизмах в албанском», «термин скиф», «лошадь-птица тотем урарто-этрасского племени», «термин василеус», «Яфетидологический подход к палеонтологическим семитическим языкам». Не все эти статьи одинаково доступны обыкновенному читателю, и поэтому, между прочим, крайне желательно опубликование сообщения П. А. Орбели «Яфетическая теория Н. Я. Марра», читаемого в Институте 23 и 30 декабря 1921 г.

П. Кр.

Азиатский Музей Российской Академии Наук.

Азиатский Музей, основанный в 1818 году, по старой традиции продолжает сохранять название, данное при его учреждении,

хотя давно уже он представляет библиотеку, а не музей. Кроме камней и других предметов с надписями, а также восточных монет, Музей содержит исключительно книги и рукописи, относящиеся к Востоку в широком смысле, с причислением к нему Египта, африканских, полинезийских народностей и т. д. С 1918 года Музей разделяется на следующие отделения: I-ое Книги, печатанные на европейских языках (1. Книги, 2. Периодические издания), II-е — Азиатский Архив, III — Восточные рукописи и книги, печатанные на Востоке (1. Мусульманский Мир, 2. Дальний Восток, 3. Средняя Азия, доисламские турки, Индия, Индокитай, сибирские Инородцы, 4. Семиты, 5. Кавказ и Христианский Восток, 6. Иран до Ислама), IV — Нумизматика, эпиграфика, археология. За последние годы Музей, как и другие академические учреждения, переживал тяжелое время: недостаток топлива заставляет зимой закрывать помещение для занятий и сосредоточивать работу служащих в одной комнате. Промораживание и усиливающаяся с каждым годом сырость вредно отзываются на книгах и рукописях, все больше вызывая плесень. Новые поступления не прекращались и в самое трудное время, главным образом, из библиотек умерших востоковедов или различных петроградских складов. Совершенно пресекался доступ новой европейской научной литературы, и только за последнее полугодие получено несколько транспортов английской специальной литературы, главным образом, по Индии и Дальнему Востоку, в количестве около 2000 томов. В ближайшее время ожидается прибытие партии французских книг. Директором Музея состоит с 1916 года акад. С. Ф. Ольденбург, старшими хранителями Ф. А. Розенберг и В. М. Алексеев, младш. хранителями С. Е. Винер и П. В. Ернштедт. К столетию Музея его работниками была составлена историческая записка с характеристикой всех отделов, их происхождения, роста и состава; она может служить руководящей нитью для желающих ближе познакомиться с Музеем. (Азиатский Музей Российской Академии Наук 1818—1918. Краткая памятка. П. 1920).

И. Кр.

Востоковедение в Петроградском Университете.

В 1919 году, с университетской реформой, при создании Факультета Общественных Наук, был уничтожен, как самостоятельное целое, единственный в России Факультет Восточных языков, существовавший с 1855 г. Преподавание различных дисциплин, связанных с востоком, было разбито по четырем отделениям нового факультета: филологическому, этнолого-лингвистическому, историческому и философскому. Летом 1921 г.

с реформой Факультета Общественных Наук, при уничтожении трех из упомянутых отделений, востоковедение сосредоточилось преимущественно в этнолого-лингвистическом отделении (учебная деятельность) и Институте сравнительной истории литератур и языков запада и востока имени А. Н. Веселовского (научно-исследовательская работа). История востока была прикреплена к общественно-педагогическому отделению, история восточного искусства к литературно-художественному. В настоящее время преподавание по восточной секции обнимает следующие языки и связанные с ними дисциплины: арабский, армянский, грузинский, древне-еврейский, египетский, индийские (с санскритом), иранские (с персидским), китайский, манчжуро-тунгусские, монгольский (с бурятским и калмыцким), палеоазиатские (чукчи, юкагиры, алеуты, эскимосы и др.), сирийский, тибетский, турецкий, турецко-татарские наречия, японский, яфетические (как горские языки Кавказа, так и представители яфетических языков в Европе: этрусский, баскский и др.). Представителем секции в президиуме отделения является проф. В. М. Алексеев. Секция разделяется на пять предметных комиссий: этнолого-лингвистических званий о востоке (председатель проф. А. А. Фрейман), древне-восточных культур (предс. препод. М. Н. Соколов), ирано-арабской культуры (предс. проф. И. Ю. Крачковский), сирокавказской культуры (предс. преп. А. П. Алявдин), дальне-восточных культур (предс. проф. В. М. Алексеев). В научно-исследовательском институте имени А. Н. Веселовского представлено большинство перечисленных дисциплин; директором Института состоит проф. Д. К. Петров, заместителем проф. Н. Я. Марр, председателем восточной секции проф. И. Ю. Крачковский, секретарем ее проф. А. А. Фрейман. Планомерная деятельность Института еще не могла проявиться, так как лишь на днях утверждены избранные Институту научные сотрудники. Работа ведется только действительными членами, разрабатывающими научные вопросы своей специальности. Около двух раз в месяц назначаются публичные собрания с докладами членов Института. Востоковедение было представлено докладом В. М. Алексеева «Экзотика в филологической науке».

И. Кр.

Восточное Отделение Русского Археологического Общества.

Восточное Отделение Русского Археологического Общества, несмотря на свое официальное название, является учреждением, объединяющим ориенталистов всех специальностей, и соответствует западноевропейским Азиатским или Восточным Обществам. Деятельность его за последнее

время не прерывалась и протекала в прежних рамках и по старому плану; не удавалось ему только организовывать научные экспедиции. Но печатанье «Записок» Восточного Отделения продолжалось и продолжается: весной 1921-го г. вышел XXV том в обычном размере, содержащий работы русских востоковедов по различным вопросам, в настоящее время заканчивается печатаньем следующий том.

На заседаниях В. О., попрежнему, читались и обсуждались научные сообщения при чем собрания эти почти всегда привлекали не одних только членов Общества: двери его открыты для всех интересующихся Востоком. Из докладов, прочитанных за последний год в В. О., можно отметить, в качестве образца, следующие: «Турецко-арабский словарь XI века» — В. В. Бартольда, «О работах по Кавказоведению на Кавказе и вне его и о грузинском переводе хроники Георгия Монаха» — Н. Я. Марра, «Неизвестное сочинение — автограф сирийского эмира Усамы» — П. Ю. Крачковского, «Место происхождения большого папируса Harris» — В. В. Струве, «О живописи эпохи Великих Моголов по новым приобретениям Азиатского Музея» — Ф. А. Розенберга.

Председателем В. О. или Управляющим, как он называется по старой традиции Общества, состоит академик и профессор В. В. Бартольд.

Б. В.

Институт Живых Восточных Языков.

Возникший осенью 1920 года Институт (П. Ст., Церковная 17) состоит в ведении Нар. Ком. по национальным делам и ставит своей целью дать практическую подготовку лицам, имеющим в виду деятельность на востоке или в связи с ним. В Институте изучаются языки: Арабский (Крачковский, Кузьмин), Персидский (Ромаскевич, Фрейман, Бертельс, Ю. Н. Марр), Турецкий (Смирнов, Мартинович, Вавваки), Монгольский (Владимирцов, Котвич), Китайский (Алексеев, Иванов, Смыкалов), Японский (Гойдзуми), Санскрит (Бараников, Губянский), Бенгали (Губянский), Грузинский (Н. Я. Марр), Армянский (Алиханян, Сартский (Самойлович). Продолжительность обучения 3 года, при чем, по плану, два проводятся в стенах Института, один в заграничной командировке. В силу переживаемых обстоятельств командировки не могли быть осуществлены в полной мере: в прошлое лето слушатели арабского, персидского и сартского разряда были отправлены в Туркестан, грузинского на Кавказ и монгольского к кадыкам.

По общему правилу, слушатели изучают один основной язык; изучение двух допускается, если второй родственен первому,

или знакомство с ним необходимо для более отчетливого усвоения (арабский по отношению к персидскому), или изучаемая область представлена несколькими языками. Главное внимание уделяется языку в его живом и литературно-письменном современном виде, а также классическим основам, если связь достаточно сильна. Из различных диалектов одного языка изучается наиболее распространенный или «чистый» (в китайском — пекинский, в арабском — сирийский). В области письменности внимание обращается на тексты, имеющие практическое значение (газетная и журнальная литература, частная и официальная переписка). Среди других востоковедных предметов на первом месте стоит то, что обрисовывает современный облик изучаемой страны, как с точки зрения внешней топографической, так и с точки зрения политически-правовой, экономической и религиозной. По мере необходимости делают экскурсии в область классических периодов (Коран, как основа правовых норм современного мусульманства). Кроме восточных, в Институте изучаются еще новые языки: английский, французский и немецкий в зависимости от того, какой язык в данной группе более необходим.

Внутренняя жизнь Института регулируется директором, профессором Университета А. Н. Самойловичем совместно с представителем Нар. Ком. Нац. Текущие дела рассматриваются Педагогическим Комитетом, выделенным из преподавательского состава, при участии представителя Нар. Ком. Нац. и слушателей. Важные дела решаются Советом, обнимающим весь преподавательский состав и упомянутых представителей.

И. Кузьмин.

Институт высших еврейских знаний.

Институт, первоначально носивший название Петроградского Еврейского Университета, основан в конце 1918 года, а настоящее наименование и устройство получены летом 1920 года. Основной задачей его является содействие научной разработке проблем истории еврейской культуры и подготовка работников в области науки и просвещения со специальным еврейским историческим образованием. Институт делится на два разряда: литературно-филологический и социально-исторический, начиная со второго семестра при общем трехгодичном курсе. В социально-исторический разряд входит также история прасемитического, библейского, талмудического и раввинистического права. Основные предметы: история еврейского языка до новейшего времени, история еврейской литературы, история еврейской религии и традиции, история еврейской философии, история еврейского

права, экономическая история еврейства, языки арамейский и арабский. Число активных студентов около 40. Высший орган — совет профессоров и преподавателей, число которых в настоящее время 23. Высший административный орган — ежегодно избираемое правление из пяти лиц, в состав которых входит ученый секретарь и ученый библиотекарь. Председатель правления в настоящее время С. Г. Лозинский, секретарь С. А. Цинберг.

И. Кр.

Классический восток в научных учреждениях Москвы.

В 1921—1922 академическом году в Московском Государственном Университете читался курс по истории Древнего Востока проф. И. Г. Франк-Каменецким и им же велись практические занятия по египетскому языку. В Научном Институте археологии и искусствознания, состоящем при Университете, образовалась секция восточного искусства, в состав которой входят проф. И. Г. Франк-Каменецкий, проф. Б. П. Денике и Т. Н. Козьмина-Бороздина.

В Восточном Отделе Музея Пястных Искусств, состоящем при Университете, продолжается научная работа по описанию подлинников Восточного Отдела, начатая еще покойным академиком Б. А. Тураевым. Много сделано по описанию Голенищевского собрания, работа выполняется проф. И. Г. Франк-Каменецким, Т. Н. Козьминой-Бороздиной, а также и петроградскими египтологами, как проф. В. В. Струве, Н. Д. Флитнер, Ф. Ф. Геес. Над памятниками клинописи работает В. К. Шилейко.

Можно отметить новые приобретения музея в течение зимы этого года: египетская каменная статуэтка, халдская надпись из Вана, несколько кусков коптских тканей с орнаментальными мотивами.

Голенищевское собрание предприняло много экскурсий, проведенных Заведующим Восточным Отделом и специальными лекторами-руководителями. В ноябре 1921 г. в Университете Музеем было устроено торжественное заседание, посвященное памяти скончавшегося директора Музея проф. В. К. Мазымберга. На этом заседании в числе других докладов, характеризовавших различные стороны ученой деятельности покойного, был прочтен Т. Н. Козьминой-Бороздиной доклад «В. К. Мазымберг и искусство древнего Египта».

В Историческом Обществе при Московском Государственном Университете состоялось два доклада проф. Г. В. Пригоровского по эллинистическому Египту.

В Историческом Институте при Университете были прочитаны следующие доклады: проф. Захарова о новой литературе о хеттах и проф. Г. В. Пригоровского о

лейденском папирусе. Летом 1921 года состоялось открытое заседание Археологического Общества с докладом проф. П. Г. Франк-Каменецкого, посвященного религии Амона и Ветхому Завету.

В январе 1922 г., после некоторого перерыва, состоялось заседание Восточной Комиссии Московского Археологического Общества. Докладчиками выступили проф. П. Г. Франк-Каменецкий «О религиозном синкретизме в древнем Египте» и Т. Н. Козьмина-Бороздина «Посмертные работы академика Б. А. Тураева».

В Московской Секции Академии Истории Материальной Культуры ведется работа по вопросам египтологии: проф. П. Г. Франк-Каменецкий продолжает разработку материала по изучению культа египетского бога Амона. Т. Н. Козьмина-Бороздина подготовила работу по коптским текстам. В Комиссии по изучению Юга России был заслушан доклад проф. А. А. Захарова «Теория фон Штерна о южно-русском происхождении эгейской культуры и этнические типы эгейцев в египетских могилах», затем ряд докладов, в которых отводилось место восточному влиянию, проф. А. И. Соболевского, П. Н. Бороздина, А. И. Орешникова.

В Музее Классического Востока состоялась лекция В. М. Викентьева «Социальный переворот в древнем Египте».

В Центральном Институте живых восточных языков, теперь в Центральном Институте Востоковедения, значительно расширена учебная программа, введен ряд исторических дисциплин, в том числе курс по истории Древнего Востока.

* * *

Чешский Восточный Институт.

Приобретение чехами политической самостоятельности позволило им объединить в своей столице большинство востоковедных сил, раньше разбросанных вне пределов Чехии (преимущественно в Вене). Благодаря этому появилась возможность не только усилить преподавание по отдельным кафедрам, существовавшим и раньше в пражском университете, но и создать особый восточный институт. Во главе его стал проф. А. Мусиль, известный путешественник по каменистой Аравии, открывший дворец Кусейр Амра с редкой стеной росписью. В состав членов вошли проф. Грозный, нашедший во время войны ключ к дешифровке хеттских надписей, семитолог д-р Ружичка и др.

И. Кр.

Польские издания по востоковедению.

В Азиатском Музее Российской Академии Наук получен ряд изданий, свидетельствующих об усилении работы польских ученых

в области востоковедения. Первое издание — «Востоковедный ежегодник» (*Rocznik Orientalistyczny*) — было задумано еще до войны по инициативе турколога Я. Гжегожевского, представителя польской научной станции на востоке (в Софии). В состав редакции, кроме него, вошли индианист А. Гавроньски, (Краков), монголист Вл. Котвич (Петроград) и лингвист Я. Розадовски (Краков). Последнего во втором выпуске заменил молодой арабист-турколог Т. Ковальски (Краков). Мировая война отозвалась неблагоприятно на ходе работ по журналу: в настоящее время получены два выпуска первого тома, относящиеся к 1914—1915 и 1916—1918 г.г. Подбор статей разнообразен: в первом выпуске их десять, во втором — шесть. Две работы по индийской филологии принадлежат А. Гавроньскому, небольшая заметка об одном выражении в Ригведе — Ф. Крачеку. Я. Розадовски дал заметку о нескольких индо-славянских этимологиях и большую статью о лексических отношениях между иранскими и славянскими языками. Широкий интерес представляют две статьи М. Шорра — о библейских псалмах и вавилонских гимнах, впервые сопоставляющая некоторые приемы стиля, и о двух вновь открытых фрагментах вавилонского кодекса Хаммураби. Я. Гжегожевски исследует персидский дзетаизм в *codex Cumanicus* — известном памятнике половецкого языка. Общедоступный характер носит большая статья Т. Ковальского о древне-арабской поэзии, умело формулирующая все современные научные представления об этом предмете. Ему же принадлежит небольшая статья на злободневную тему — о кушанях, употреблявшихся в Аравии в голодные годы. Во втором выпуске находим две статьи по языкам дальнего Востока (В. Котвича — о склонении в современном калмыцком языке и Э. Пекарского — якутские тексты). Четыре прочих относятся к области туредкой филологии в широком смысле. Я. Гжегожевски сообщает ряд караимских текстов из Галичины, над которыми он давно работает. Издавая два фирмана Абдулхамид I, он попутно исследует историю торговых сношений Польши и Турции в XVIII веке. Т. Ковальски знакомит с одной туредкой строительной надписью в Заторе и сообщает ряд туредких народных песен из Анатолии. Бюллетени, приложенные к каждому выпуску, дают резюме всех написанных по-польски статей на одном из трех главнейших западно-европейских языков; их основные положения, таким образом, вполне доступны и для тех ученых, которые не владеют польским языком.

Второе издание выходит тоже в Кракове и представляет собой труды восточной комиссии Краковской Академии Наук. Работы большого объема выходят отдельными вы-

пусками и относятся к периоду 1919—1921 года. Первый выпуск включает исследование Т. Ковальского о народных загадках туредкого племени, 2-ой—А. Гавроньского «Заметки по санскритско-буддийской литературе», 3-ий—Вл. Щепаньского (Варшава) «Обитатели первобытной Палестины» и 4-й—А. Гавроньского «Об источниках некоторых индийских драм». В 5-м выпуске обещана работа Т. Ковальского о формах народной поэзии туредких племен. Как и в «Ежегоднике», польские работы снабжаются резюме на общедоступном языке.

К этим двум изданиям можно добавить еще сборник лингвистических статей в честь П. Бодуэна-де-Куртене, бывшего петроградского профессора (теперь в Варшаве), вышедший тоже в Кракове в 1921 году. Большинство статей принадлежит польским ученым, но среди них очень малое число имеет отношение к востоковедению. Интересна заметка Т. Ковальского о языке жестов у древних арабов.

И. Кр.

100-летний юбилей Азиатского Общества в Париже.

10—13 июля 1922 г. будет праздноваться в Париже столетний юбилей со дня основания всемирно известного Французского Азиатского Общества. Юбилей совпадает со столетием дешифровки египетских иероглифов знаменитым Шамполионом и будет организован президиумом Общества совместно с объединением французских египтологов.

И. Кр.

Юбилей профессора Э. Г. Броуна.

В феврале 1922 года в Кембридже праздновался 60-летний юбилей проф. Э. Броуна, известного историка персидской литературы, лучшего в Европе знатока религиозных движений бабидов и бехандов. Профессора Т. Арнольд (Лондон) и Р. Никольсон (Кембридж) поднесли юбиляру посвященный ему сборник статей учеников и почитателей. В благодарственной ответной речи Броун выразил свою особенную радость по поводу того, что в сборнике приняли участие не только англичане и американцы, но также французы и немцы; это дает ему право надеяться на скорое восстановление междunarодных научных сношений.

И. Кр.

А. Г. Туманский

Только в недавнее время до Петрограда дошла весть о смерти востоковеда А. Г. Туманского, находившегося в последние годы вне пределов нынешней России. Утрата его тем более чувствительна, что А. Г. Туманский являлся одним из редких в России ориенталистов по призванию, а не по профессии, находившим возможность свои служебные занятия совмещать с работами в научной области. Имя его навсегда заняло в истории изучения религиозного движения бабидов одно из первых в Европе мест на ряду с нашим акад. бар. Розеном и английским востоковедом Э. Броуном. Еще молодым офицером во время занятий в Учебном Отделении Восточных Языков при Мин. Иностр. Дел он заинтересовался бабизмом. Командировка в Асхабад в 1890-ом году позволила ему познакомиться с асхабадской общиной бабидов; связи, поддерживаемые с выдающимися деятелями и впоследствии, доставили ему материал, не попадавший в руки другим исследователям. Помимо ряда мелких статей и заметок о бабизме (преимущественно в Записках Восточн. Отд. Р. Арх. Общ.) он дал первое и единственное в Европе до сих пор издание с переводом «священной книги» современных бабидов (СПб. 1899). Большое значение для науки имеет и открытие им неизвестного ранее персидского географа X века, полностью к сожалению не изданного до сих пор. Ему же принадлежит напечатанный в Асхабаде перевод «Родословного древа туркменов» среднеазиатского историка Абу-ль-Гази. Последние годы до войны А. Туманский жил в Тифлисе, где, помимо своих служебных обязанностей, находил возможность уделять время преподаванию арабского языка на различных курсах. Одним из результатов этих занятий была брошюра «Арабский язык и Кавказоведение» (Тифлис, 1911). К сожалению, насколько неопределенны известия о смерти А. Туманского, настолько же гадательны все предположения о судьбе оставшихся после него научных работ.

И. Кр.

БИБЛИОГРАФИЯ

Б. Я. Владимирцов. Монгольский сборник рассказов из Pancatantra. Петроград 1921. Стр. II + 162 + 2 in 8° (Отд. отт. из V тома Сборника Музея Антропологии и Этнографии).

После Библии не найдется верно книги, получившей столь широкое распространение у самых разных народов земного шара, чем тот сборник рассказов, часть которого носит в Индии название Панчатантра. В новейшее время сборник этот получил для нас еще то особое значение, что на нем и связанных с ним памятниках литературы разных народов и на их сравнении была подробно обоснована теория литературных заимствований и установлена глубокая связь между литературами Востока и Запада.

Одним из важных звеньев в этой цепи взаимных влияний и заимствований является литература монголов, воспринявших много элементов культуры индийской и культур разных народов передней и средней Азии. До сих пор литература эта была мало изучена, и вопрос о роли монголов, как передаточного звена между Востоком и Западом, решался на основании совершенно недостаточных и непроверенных критически данных.

В работе Б. Я. Владимирцова сделана первая серьезная, вполне самостоятельная попытка, на основании широкого знакомства с монгольскими подлинниками, развернуть перед нами несколько страниц истории монгольской повествовательной литературы и указать на ее глубокую связь с Индией и Тибетом и вместе с тем дать некоторые хронологические рамки, благодаря которым мы могли бы приурочить определенные памятники к определенным периодам, если еще нельзя установить точных дат. Эти хронологические определения особенно важны, так как дело с ними обстоит особенно неблагоприятно в области повествовательной литературы Востока, где передача устная всегда играла большую роль.

Ценнейшими выводами исследования Б. Я. Владимирцова мы считаем, во-первых, установление факта большого вероятия существования тибетского сборника Панчатантры, примерно того же типа, как и некоторые индийские сборники, откинувшие рамку основного рассказа, которая придавала книге слишком светский характер,

книги наставления царям. Несомненно теперь доказанный трудами Потанина и Владимирцова факт существования тибетского сборника рассказов «Волшебного трупа», в полном его составе 25 рассказов, позволяет надеяться на то, что и указанная Владимирцовым тибетская версия Панчатантры найдется. Вместе с тем открытие Владимирцова позволяет определенно сказать, что эта тибетская редакция породила и монгольские рассказы и м. б. и монгольскую редакцию, которую еще надо найти, ибо монгольский перевод, сделанный в XIII веке с одной из мусульманских редакций Калилы и Димны и о котором до нас дошли сведения из мусульманских источников, не имеет отношения к буддийской редакции Панчатантры, попавшей к монголам через Тибет: монгольская книга XIII века носила, несомненно, характер книги наставлений царям, и мало вероятно, чтобы рассказы из нее могли составить монгольский буддийский сборник, минуя Тибет. Это не значит, конечно, что отдельные рассказы этой редакции не могли сохраниться у монголов и распространиться в народе.

Вторым и чрезвычайно ценным выводом разбираемой работы мы считаем указание на способы передачи рассказов в монгольской народной среде и той большой роли, которую в этом отношении играют монгольские полуграматеи. На этих страницах исследования Владимирцова не раз еще останавливаются те, кто хочет разъяснить себе сложный и пока нам еще далеко не вполне понятный вопрос об устной передаче и о роли сказочника и рассказчика в этой передаче. Чрезвычайно ценна и его определенная постановка вопроса о периодах развития монгольской литературы и языка: первый период до начала XIV века, почти неисследованный; второй—от XIV до начала XVII, при чем часто бывает трудно вполне точно разделить первые два периода; третий—от начала XVII в., времени буддийского возрождения в Монголии. Группировка рукописей и литературных памятников по этим периодам дает крупнейшие результаты для истории монгольской литературы.

Кроме этих главных выводов, книга Б. Я. Владимирцова дает попутно массу интересных сведений о монгольской повествовательной литературе, богатейшее

собрание которой находится в библиотеках Азиатского Музея Академии Наук и Петроградского Университета, и надо надеяться, что автор исследования о монгольских рассказах Панчатантры даст нам сведения об этих столь любопытных и малоизвестных памятниках. Прекрасная работа Б. Я. Владимирова будет, я уверен, особенно горячо встречена не только у нас, но и на Западе, где за последние годы, благодаря главным образом трудам финских ученых, опять ожило сравнительное исследование народно-повествовательной литературы.

Сергей Ольденбург

Эдвард Фитцджеральд, Омар Хайям «Рубай» перевел *О. Румер*. Москва, 1922. Книгоиздательство «Берег». Стр. 39, in 8°.

Далеко от нас еще, повидимому, то время, когда мы узнаем, что действительно думал и писал великий персидский поэт и математик XI столетия Омар Хайям. Ему приписывается до 5000 четверостиший и, может быть, только полтораста—двести из них написаны им, и какие именно, мы пока не знаем, ибо дошедшие до нас под его именем четверостишия настолько противоречивы, что не могут, несомненно, принадлежать одному человеку, как разнообразно настроен ни был бы этот человек. О жизни Омара Хайяма мы также пока почти ничего достоверного не знаем, до нас дошли почти только одни сомнительные анекдоты и предания.

Казалось бы, при этих условиях праздно говорить о писателе Омаре Хайяме, пока специалисты не дадут каких-нибудь достоверных фактов, не раскроют облика поэта и человека. И всетаки, нет персидского писателя более популярного в Европе, чем Омар Хайям, нет персидских стихов, о которых столько бы говорили, как о его «четверостишиях». Противоречие это легко объясняется: в Европе, в действительности, известен не персидский поэт XI века, и не его загадочными четверостишиями зачитывается европейский читатель; известно талантливое английское подражание-переложение «Рубайят Омара Хайяма» Эдварда Фитцджеральда. Им создан образ большого персидского поэта философа-скептика, и эти английские четверостишия нашли горячий отклик в сердцах и умах европейцев, едины Восток и Запад. И потому даже когда современем более точная и глубокая критика дошедших до нас произведений персидских поэтов, чем та, которая доступна нам теперь, откроет настоящего Омара Хайяма, «Рубайяты» Фитцджеральда все же сохраняют свое значение, и верна была мысль молодого русского поэта попытаться передать их русскими стихами.

Внимательно прочитав перевод «Рубайят» и сравнив его с оригиналом, мы поделимся с читателем своими впечатлениями.

Множественное число «Рубайят» настолько укрепилось за произведением Фитцджеральда, что вряд ли справедливо было ставить в заглавии «Рубай». Вступительная заметка к стихам вряд ли отвечает своему назначению: после сказанного выше о крайней неопределенности понятия Омара Хайяма и его четверостиший и о самостоятельном значении стихотворений Фитцджеральда, совершенно напрасно было из вторых и третьих рук сообщать сомнительные или неверные сведения о персидском поэте, об исламе, о суфизме. Если автор хотел все-таки непременно говорить об этих предметах, ему следовало показать свое предисловие востоковеду, который бы избавил его от сомнительных утверждений. Возьму наудачу второй абзац на 7 странице. Вопреки утверждениям переводчика, слава Омара Хайяма, как математика, вовсе не мала, во-вторых, мы совершенно не знаем, какое значение он придавал своим четверостишиям, в третьих, «Дивана» Омара Хайяма нет; далее автор не понял работы проф. Жуковского, который доказал не «вкрапление странствующих четверостиший», а наличием таковых, которая пока не позволяет нам критически установить текст Хайяма; затем, вряд ли кто решится назвать суфизм «сектою» ислама и т. д.

Переходя к самому тексту, мы наталкиваемся сразу на существенное недоразумение, в котором повинен сам переводчик, оставляющий нас в недоумении, с какого текста он переводил? Правда, он говорит, что переводил с последнего издания, т. е. с четвертого—1879 года (кстати, первое издание 1859, а не 1858 года), но сам же прибавляет непонятное: «считаюсь при этом с вариантами предыдущих изданий». Но ведь все четыре основных издания вышли при жизни автора, который вносил в них постепенно изменения, перерабатывая тщательно свой текст. Очевидно, надлежало, как переводчик, видимо, и предполагал сначала сделать, держаться четвертого издания, а если уже пользоваться другими изданиями, то каждый раз оговаривая и объясняя отступления от принятого основного текста. А иначе получается, как в данном случае, эклектический текст, ничем не мотивированный; к тому же, при не особенно большой точности перевода, часто совершенно даже нельзя установить, какой же именно текст принят для данного четверостишия.

Первое же четверостишие переведено автором не с четвертого, а с первого издания. Нам совершенно непонятно, почему переводчик взял несомненно менее удачный текст первого издания, который сам Фитцджеральд изменил со второго же издания. Четверостишие это интересно, как показатель большой работы автора над «Четверостишиями». Она, несомненно, показала бы

пользу переводчику, если бы он мог пользоваться сводным изданием, или свободно сверять все четыре, чего, повидимому, он сделать не имел возможности.

В первом четверостишии Фитджеральду хотелось сперва дать выражение любимому образу остановки каравана и он говорит в первом издании: «Проснись! Ведь Утро в Чашу Ночи бросило Камень, который ображдает звезды в бегство. Взгляни! Востока Ловчий захватил в Силок из Света Султана башню». Написав это, Фитджеральд почувствовал, что, увлекшись картиною утра, он забыл, зачем она была ему пужна, что мысль о скоропроходящей жизни слишком слабо отразилась здесь, заслонена картиною побеждающего ночь солнца, а кроме того, он не мог не почувствовать неудачной картины ловли башни силоком света. И мы видим, что уже во втором издании начинается изъятие неудачных картин и замена их изображением борьбы утра и ночи, со строго выдержанными мотивами этой борьбы. Вместе с тем получается, не тратя на это ни одного почти слова, просто от одного контраста, то впечатление бренности, краткости жизни, которым так увлечен автор: он пробуждает человека из небытия к бытию, идет борьба утра с ночью за возможность существования, и что же? Вся эта борьба ради одного дня, после которого опять наступит ночь.

Русский перевод ничего этого не отразил, взяв за оригинал неудачный первоначальный текст. Но и самый перевод не вполне удачен: «метнуд», хотя казалось бы буквально и отвечает «fling», дает у нас иное представление, сюда мало подходящее, о бросании издалека. «Восходит Ловчий» вряд ли хорошо, так же как неверно «дворцовый минарет». По-русски «полонии минарет» выходит тоже не лучше английского.

Со вторым четверостишием мы опять имеем пользование, повидимому, первым изданием и опять без объяснения. А между тем, объяснение можно было бы дать, ибо первое издание лучше связывает второе четверостишие с третьим. Перевод этого четверостишия совершенно не точный, ибо он дает не ту картину, что оригинал. В первом издании все происходит внутри харчевни, и никого в нее не зовут, что делает второе и следующие издания и что, отступая от текста, делает и перевод: «Когда во сне я вяла призывный глас: «В кабак друзья»... В переводе пятого четверостишия, как и несколько раз дальше, переводчик не справляется с ударениями собственных имен и позволяет себе недопустимые переносы ударений: Джэмшид, Бахрам.

В десятом четверостишии не определить с какого текста сделан перевод, он не отвечает ни одному из четырех изданий.

Мы не можем, конечно, подробно разбирать перевод каждого четверостишия, между тем почти каждое из них вызывает возражения. Нам кажется, что молодой переводчик недостаточно еще овладел тем родом поэзии, который так своеобразно представлен стихами Фитджеральда—отражением Востока на Западе; для этого надо знать не только Запад, но и Восток, а этого пока и недостает переводчику.

Сергей Ольденбург

Владислав Ходасевич. Из еврейских поэтов. Издательство З. И. Гржебина. Петербург. Берлин. 1922. Стр. 75.

Знание восточных языков, в том числе и древне-еврейского, настолько мало распространено среди нас, что до сих пор образцы восточной поэзии у нас являются редко, да и то в несовершенном виде: переводчик очень часто перекладывает в художественные формы чужой подстрочный перевод. Такова и лежащая перед нами книжка.

Ходасевич оговаривает в предисловии, что языка, с которого он переводил, он не знает, и пользовался, с одной стороны, подстрочными переводами, дававшими ему точное представление о смысловом содержании произведения, с другой — латинской транскрипцией текста, вводившей его в звуковое строение подлинника. И все же полнотного впечатления от оригинала переводчик не получает, так как сумма в данном случае больше отдельных слагаемых.

Однако, надо отдать справедливость переводчику: он со своей задачей справился блестяще. Совершенные с точки зрения русского читателя, его стихи являются и почти идеальное приближение к еврейскому подлиннику, и если рассматривать каждое стихотворение отдельно, то, так сказать, органический дефект переводов оказывается очень удачно замаскированным.

Другое дело, если посмотреть на книгу в целом. Тут сразу бросается в глаза случайность ее состава, случайность как в выборе авторов, так и, главным образом, в выборе их произведений. Художественное чутье переводчика оказалось ему полезным только в одном направлении: он мог исключать из сферы своей работы то, что казалось ему неинтересным для перевода, но он был бессменен включить в свою книгу то, над чем бы остановился, быть может, если бы перед ним была открыта еврейская поэзия в целом.

В сущности, в книге представлен в более или менее достаточном освещении только один Черниховский. Мы имеем и иронические гекзаметры его бытовых идиллий, едва ли не лучшее достижение его, и несколько образцов его лирики, отчетливо характеризующих другие стороны его дарования.

Нечего говорить о том, что одно стихотворение Бялика, в котором, кстати сказать, пропущена дефис строфа, не дает представления о поэте, хотя и известном уже русскому читателю, но известном в переводах много худших, чем мог бы дать Ходасевич.

Также обижен переводчиком и другой столп современной еврейской поэзии — Шнеур. Отрывки из его поэмы «Под звуки мандолины», единственное, что есть в сборнике; как всегда, отрывки, не дают представления о композиционном задании автора. К тому же эта поэма не является ни лучшей, ни характернейшей для автора. Совершенно незаслуженно обойдена его лирика.

Д. Фришман, Я. Фихман и Д. Шимонович представлены каждый двумя стихотворениями, не вызывающими возражений, но все же выбранными очень случайно.

Так же случаен перевод одного стихотворения молодого и уже умершего поэта Авраама бен-Ицхак.

Из отсутствующих в сборнике поэтов нельзя не указать на Я. Когана, И. Каценельсона, Я. Штейнберга, уже давно завоевавших видное место в современной еврейской поэзии и заслуживающих не меньшего внимания, чем некоторые из приведенных в сборнике.

Таким образом, Ходасевич, превосходно справившийся со взятой на себя задачей, к сожалению, должен был ее сузить. Сделав все возможное в пределах, не им самим обозначенных, он не мог расширить их до необходимой и желательной степени. Книга его, выношенная с исключительным мастерством, знакомит русского читателя с некоторыми образцами уже отчасти известной ему поэзии, но ввести его в круг достижений современной еврейской поэзии, тем более быть путеводителем по ней она не может.

Обвинять переводчика в этом, конечно, не приходится, но пожалеть об этом можно.

Д. Выгодский

Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества.

После большого перерыва вышел летом 1921 года XXV том «Записок Восточного Отделения Русского Археологического Общества», единственного органа русского научного востоковедения. Самые условия печатания крайне характерны для научных предприятий нашего времени. Том начат печатанием еще в 1917 году, с июня 1918 года по апрель 1920 г. набор был прерван; издание, таким образом, обнимает период в пять лет. Состав статей разнообразен и захватывает как древний восток, так средневековые и новое время. К первому относятся две статьи В. К. Шпейко (Фрагмент из Богазкёй в собрании Лихачева,

Ассириологические заметки), Н. Я. Марра (Надпись Русы II из Маку, Астрономические и этнические значения двух племенных названий), К вопросу о происхождении племенных названий этруски и пелазги), И. Мещанинова (по новоду Макинской надписи Русы, сына Аргишти). Область фольклора захватывают работы В. Бартольда (К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов), В. Гордлевского (Замечания на «пословицы крымских татар», изданные П. А. Фалевым), А. Ромаскевича (Персидские народные четверостишия), Н. Веселовского (Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение). Археологии посвящены статьи В. Бартольда (Новые данные о самаркандских памятниках) и П. Орбели (О первоначальной форме купола Ахтамарского храма). Кроме нескольких рецензий на иностранные издания (отчасти и вышедшие во время войны), том включает и печальный мартиролог — некрологи трех ориенталистов, скончавшихся в 1918 году: историка востока Н. И. Веселовского, исследователя Персии В. А. Жуковского и арабиста П. А. Медникова. За последний год заседания Восточного Отделения, не прекращавшиеся и в самое тяжелое время, снова приобрели регулярный характер. Будет очень грустно, если продолжающиеся типографские осложнения не позволят придать такую же регулярность появлению следующих томов «Записок Восточного Отделения».

И. Кр.

Известия Кавказского Отделения Московского Археологического Общества.

Выпуск V. Под редакцию Л. Г. Лопатинского и Л. М. Меликсет-Бекова. Стр. 64. Тифлис 1919. Выпуск VI. Под редакцию Л. М. Меликсет-Бекова и Д. П. Гордеева. Стр. 62. Тифлис 1921.

К сожалению, в центре очень мало знают о научной работе, идущей на местах. Никакой правильной информации и присылки изданий нет; редкие сведения носят в большинстве случайный характер. Между тем, знакомство с работой местных ученых сил за последние годы представляет немалый интерес.

Понятно, что каждая новинка, особенно каждое новое издание, появившееся из «дальних стран», не может не привлечь особого внимания. Лежащие перед нами выпуски V и VI «Известий Кавказского Отделения Московского Археологического Общества» лишь недавно прибыли в Москву, но зато сразу пополнили наши сведения об археологических работах на Кавказе. Протоколы Отделения за 1915—1920 г., напечатанные в обеих книжках, наглядно

свидетельствуют, что, несмотря на бурные и грозные события, в Тифлисе продолжалась археологическая работа. Целый ряд интересных докладов был прочитан по археологии, истории и этнологии. Число членов Отделения постепенно пополнялось. Открылось особое Азербейджанское Отделение Общества в Баку.

Кавказскому Отделению Московского Археологического Общества удалось осуществить и то, о чем само Московское Общество только могло мечтать, а именно, издать два выпуска своих трудов. Пусть эти два выпуска представляют две довольно толстые книжки, напечатанные на достаточно плохой бумаге; все-же важен факт, что, несмотря на невозможные условия печатного дела, Отделение выпустило свой печатный орган.

В состав V выпуска, кроме отчетов и протоколов, входят две статьи: Д. П. Гордеева - Кроткого—отчет о командировках в Кахию и Горийский уезд летом 1917 года и Е. А. Лалаия—Раскопки в сел. Ниж и Варташен Кухимского уезда. В первой статье автор—специалист по истории искусства, дает краткую характеристику обследованных им храмов Кахи, останавливаясь как на росписях, так и на архитектуре. В отчете о второй командировке особое внимание обращает то, что касается знаменитой Уромской мозаики, еще детально не исследованной. Д. П. Гордеев упоминает о работе акад. Я. П. Смирнова, обещанной последним в сборник в честь Уваровой. Сколько нам известно, эта работа почившим ученым была закончена: надо искренно пожелать, чтобы Академия Наук или Русское Археологическое Общество опубликовали эту посмертную работу своего выдающегося сочлена. Е. А. Лалаия в своей статье дает отчет о раскопках в Нухинском уезде, в местности заселенной удирами. Лалаиан обнаружены здесь остатки двух культур, относящихся к железному веку. Весьма любопытны указания на пережитки фаллического культа; здесь автор от археологии переходит к этнологии. Обе статьи снабжены рисунками.

В выпуске VI помещена обширная статья Р. П. Бзэйка—О древне-грузинских версиях Ветхого Завета (по поводу Codex Zor-daniae Грузинского Университета), которая, вероятно, привлечет внимание специалистов. Нельзя не отметить, что в обоих книжках непропорционально много места отведено техническо-отчетной старине (например, денежный отчет занимает 4 стр.).

Приветствуя непрекращающуюся работу Кавказских археологов, пожелаем им всяческих благоприятных условий для напечатания выпуска VII и последующих.

И. Гороздин

Новые работы акад. В. Бартольда по мусульманской архитектуре.

Оттисками из роскошно изданного «Ежегодника Российского Института Истории Искусств т. I. Петроград, 1922» вышли две статьи В. Бартольда «Ориентировка первых мусульманских мечетей» (стр. 113—117) и «Башня Кабуса, как первый датированный памятник мусульманской персидской архитектуры» (стр. 121—125). В первой работе указывается, что мнение ученых, будто после переселения Мухаммеда из Мекки в Медину направлением при молитве некоторое время служил Иерусалим, не находит себе подтверждения ни в Коране, ни в других источниках. Исторические указания и особенно анализ сохранившихся описаний древнейших мечетей говорят о том, что они были ориентированы по примеру христианских храмов на восток. Впоследствии это направление было заменено южным в сторону мекканской святыни Каабы, каким оно остается и до наших дней. Вторая статья характеризует значение в истории мусульманской архитектуры башни, построенной в начале XI века правителем из династии Зиридов Кабусом. Она находится близ развалин города Джурджана в северной Персии около русской границы.

Статья иллюстрирована снимком с нее и с родственной ей Радканской башни начала XIII в., тоже в северной Персии.

И. Кр.

Хранение документов в государствах мусульманского востока.

В недавно выпущенных лекциях, которые были читаны в 1918 году на Архивных Курсах, имеется, между прочим, статья акад. В. В. Бартольда под указанным названием (стр. 369—387). Статья характеризует развитие архивного дела на древнем востоке, в сасанидской Персии, в эпоху халифата при омейядах и аббасидах, при персидских династиях, монголах, в среднеазиатских ханствах, в Индии, Персии и Турции до наших дней. Попутно сообщается много данных о материале для письма, о канцелярской системе и т. д. Статья представляет в Европе первый свод данных по указанной теме.

И. Кр.

Белорусская речь арабским письмом.

В книге акад. Е. Ф. Карского «Белорусы. Том III, вып. 2» (П. 1921) сообщаются сведения относительно рукописей литовских татар с толкованиями Корана, молитвами

и пр. на белорусском языке, но арабским шрифтом. Рукописи относятся к XVI—XVII веку, когда татары, поселившиеся в Литве и Белоруссии с XV века, начали уже забывать язык богослужебных книг—арабский. Рукописи, сохранившиеся, между прочим, в библиотеке Петроградского Университета, представляют большое значение для истории белорусского языка и еще ждут своего исследователя.

И. Кр.

Испано-мавританские древности Эрмитажа.

В изданном в 1921 году «Путеводителе по отделению средних веков и эпохи возрождения» А. Н. Кубе специальный отдел посвящен арабско-испанской майолике. Она представлена в Эрмитаже целым рядом ваз и блюд преимущественно XV—XVI века, главным образом, из Валенсии. Некоторые экземпляры, как например, блюда с двумя вертикальными бортами или «крылатые» вазы (с ручками в виде крыльев) достаточно редки и в Европе. Совершенно исключительное место занимает знаменитая ваза Фортунн середины XIV века—самый ранний и прекрасный, отличной сохранности, образец, так называемых, «альхамбрских» ваз, изготовлявшихся в Малаге. Помимо краткого описания вазы, в путеводителе дана фотография с нее. Внимательного изучения заслуживают надписи на вазе, о которых в описании говорится попутно и вскользь. Одной из пяти заповедей (или точнее «опор») Ислама, о которых упоминается в описании, является отнюдь не «борьба с неверными», а исповедание веры.

И. Кр.

Эрмитажная стела Харемхеба.

Под таким названием вышло отдельным оттиском исследование проф. В. В. Струве, помещенное в «Ежегоднике Российского Института Истории Искусств» (Т. I, 91—109). Богато документированное и снабженное десятью прекрасно выполненными снимками самой стелы и параллельных памятников, исследование устанавливает, что Эрмитажная стела № 1061 принадлежала сановнику Харемхебу, сделавшемуся впоследствии царем, и относится к эпохе Тель-Амарнской переписки (XIV в. до Р. Хр.). Стела находилась в гробнице вельможи; другие части гробницы сохранились в Британском Музее, в Лейдене и т. д.

И. Кр.

Новые работы В. Голубева.

Наш неутомимый соотечественник, тонкий знаток восточного искусства В. Голубев выпустил недавно в Париже интересный

альбом «Quatorze Sculptures Indiennes de la collection Mallon décrites par Victor Goloubew, Paris». В свое время Голубев, путешествуя по Индии, сделал целую серию снимков с памятников индийского искусства; семь альбомов этих снимков были им подарены Российской Академии Наук и находятся в ее Музее Антропологии и Этнографии.

Из новостей еврейской литературы.

Издательство П. Штыбеля, организованное в 1917-ом году в Москве и ставящее целью дать всех мировых классиков в переводе на древне-еврейский язык, переехало за границу и широко развило дело, печатая книги одновременно в Нью-Йорке, в Варшаве и в Палестине.

Кроме одиннадцати больших литературных сборников Natkufah, три из которых появились еще в Москве, им до 1921-го года издано отдельно большое количество переводов, среди них: Анакреон в переводе Черниховского, «Илиада» Гомера в его же переводе, «Фауст» Гете в переводе Д. Фришмана, поэмы Пушкина в переводе Шимонича, далее отдельные томы Толстого, Достоевского («Братья Карамазовы»), Лермонтова («Герой нашего времени»), Гамсуна, Ибсена, Флобера, Диккенса, Гейне, Ромен Роллана, Метерлинка, Тургенева, Зола, Уайльда (портрет Дориана Грея), Сенкевича, Мидкевича, Шницлера, Келлермана и т. д.

Среди печатающихся и подготовляемых переводов встречаем и античных поэтов вплоть до Пиндара, и всю европейскую литературу, и отдельные произведения восточных литератур и всех русских классиков.

В работах издательства принимают участие все еврейские литературные силы. Книги издаются роскошно.

Новая еврейская поэзия.

В I сборнике изд-ва «Паревенон» (П. 1922) помещена статья Д. Выгодского о произведениях новых поэтов на древне-еврейском языке. В очерке дается краткая характеристика Бялика, Черниховского и Шнеура с некоторыми общими замечаниями. Вывод автора довольно печален: несмотря на расцвет творчества, напоминающий ему эпоху испано-арабской поэзии, современная поэзия на древне-еврейском яз. не имеет настоящего читателя, а существует только для небольшого круга любителей и обречена впасть в жалкое существование, если это положение не изменится.

И. Кр.

Новый английский перевод «Песни песней».

Книга является последним предсмертным трудом известного английского ассириолога проф. М. Джэстроу.

В предисловии автор выясняет свою точку зрения на возникновение «Песни» и возражает против общепринятого мнения, в силу которого творцом «Песни» принято считать Соломона, а самой «Песне» придавать аллегорическое толкование.

«Песнь Песней», по мнению проф. Джэстроу, должна быть воспринята нами такой, какая она есть, вне всяких аллегорий. Происхождение «Песни» народное. В применении к ней нельзя «говорить об одном или нескольких авторах, точно так же, как нельзя назвать авторов народных преданий и сказок».

Серьезно настроенные, но не одаренные воображением раввины Талмудического периода не могли оденить народный дух «Песни» и потому прибегли к аллегорическому ее толкованию.

Включение «Песни» в канон, т. е. Библию, служит, по словам Джэстроу, прекрасным подтверждением инстинктивного убеждения человечества в том, что любовь священна, даже в своих чувственных проявлениях.

Проф. Джэстроу относит возникновение «Песни» приблизительно ко второй половине III в. до Р. X. и считает наличие в тексте греческих и персидских слов признаком того, что некоторые из частей «Песни» написаны позже Соломона, по крайней мере, на пять или шесть столетий.

Большое место в предисловии автор уделяет изложению тех дебатов, которые велись учеными и историками литературы относительно «Песни», при чем сам он держится того мнения, что приписываемое Соломону авторство «Песни» является «чистой традицией», самый же факт такой традиции объясняет тем огромным влиянием, которое производил легендарный образ Соломона на воображение евреев. Желая примирить этот строгий образ «Мудрого Царя» с теми страстными излияниями любви, какими полна «Песнь Песней», талмудисты прибегли к приему аллегорического толкования и стали рассматривать «Песнь Песней» как прообраз отношений между Иеговой и Израилем. Такое же толкование, как известно, придает ей и христианство, заменив лишь Иегову — Христом, а Израиля — Церковью.

Несмотря на некоторые недостатки перевода, книга проф. Джэстроу вполне достойна той репутации, какую имел покойный ученый, как проницательный знаток Библии и крупный писатель.

Индийские миниатюры.

(К истории Эмира Хамзы. Текст С. Стэнли Клерк).

Подобно королю Артуру и Карлу Великому, Хамза, военный родственник и современник Мухаммеда, стал героем многих легендарных преданий. По словам автора новой работы — Стэнли Клерка, — книга, в которой были собраны неизвестным автором эти предания, «лишена таланта» и напрасно сравнивается с другими, уделенными образцами арабской и персидской литературы. Однако, эту книгу много читали в 16-м веке и позже. В ранние годы царствования Акбара, приблизительно в 1556 году, ее богато иллюстрировал художник или группа художников при царском дворе. Это был особенно интересный период Могольского искусства. Тогдашние художники еще не избавились от китайских традиций, и натуралистическая манера, которой отличались ее последователи, подпавшие под сильное влияние индийской живописи, еще отсутствовала. Утесы, вода и особенно облака все еще писались в китайском условном стиле, и краски для этого брались исключительно живых цветов и замечательного качества. Им-то мы и обязаны в значительной степени существованием в наши дни части этого великого произведения; благодаря их прочности уцелело около 800 рисунков (из общего числа 1.400). Некоторые из них найдены на решетках в Кашмире, другие погибли от руки набожных владельцев, возмущенных видом изображенного в них человеческого лица. Но то, что осталось — крайне ценно, не только для представления, которое эти рисунки дают о раннем Могольском искусстве, но и потому, что в них много подлинной красоты. Ничего нет удивительного, что эти миниатюры очаровали Уильяма Морриса, и результат изучения их ясен для всякого, кто видел его рисунки.

Два английских романа по женскому вопросу в Индии.

К многочисленным английским романам из индийской жизни, за редкими исключениями талантливым и содержательным, прибавилось недавно еще два, касающихся положения женщин в Индии: «Дочь раджи», Миссис Пенни и «Мак», М. Минна. Первый роман рисует душевную драму дочери Дарпурского раджи Чарма, которую война заставила пробыть несколько лет в Англии, войти в английскую жизнь и привыкнуть к ее свободе. Возвращение на родину ставит ее, естественно, в очень тяжелое положение, из которого ей все-таки удастся выбраться. Насколько можно судить по отзыву, роман чрезвычайно шаблонный.

Второй роман тоже производит впечатление написанного на определенную тему рассказа: героиня романа, молодая Маки, дочь богатого калькуттского купца, томится в своей клетке и даже покушается на самоубийство; замужество не удовлетворяет ее, в семье мужа ее считают сумасшедшей и возвращают в дом отца. Она убегает и подвергается разным преследованиям. Единственным светлым явлением в ее жизни делается ее встреча с молодым Хира, сыном флейтиста. Хира вскоре попадает в тюрьму по обвинению в разбое, и Маки остается одна, пребывая верною Хире. Конец романа представляет ее слепой нищей.

Подобные романы не приближают к Западу Востока и не дают первому понимания его своеобразной жизни.

С. О.

Книги по исламу.

Лотроп Стоддерд в книге «Новый мир Ислама» («The new world of Islam», Chapman and Hall) изучает изменения в мире Ислама, начиная с великого реформаторского движения — ваххабизма.

Абд-аль-Ваххаб появился в начале 18 столетия, когда Ислам тонул в море невежества, суеверия и порока. Происходя из Аравийской пустыни, реформатор, будучи в Медине, был подавлен тем состоянием упадка, до которого дошла религия Пророка. Он резко реагирует на это, несколько напоминая пуритан, отличаясь той же приверженностью к примитивной вере, такой же строгой моралью, такой же иконоборческой нетерпимостью. Подобно пуританству, ваххабизму удалось в сравнительно короткое время захватить светскую власть, сокрушенную затем энергичным военным ударом турок. Духовное влияние, однако, сохранилось; быть может, оно вдохновило бабизм в Персии и сенуссизм в Африке.

Возникает вопрос: не страдают ли эти разнообразные реформаторские течения Ислама — при отсутствии единства — пороком слабости? Стоддерд это отрицает. Удобопонятность мусульманского учения облегчает его распространение, а демократический принцип братства — эта основа веры — создает весьма прочную связь между мусульманскими народами.

Труд Стоддерда, охватывающий широкий фактический материал, является хорошим пособием при работе в настоящее время, когда восточный вопрос стал вопросом актуальным и, притом, не только с точки зрения политической.

М. Ф. Бальденспергер в январском номере 1922 г. «Органа сравнительного изучения литературы» (*Revue de littérature comparée*) констатирует возрождение интереса к ориентализму и стремление преувеличить,

по сравнению с западным творчеством, значение произведений азиатского духа.

Быть может, двадцатое столетие, в процессе борьбы глубоких духовных начал против угрожающего автоматизма современной науки, сумеет использовать элементы, присущие евангелию природы Индии, импрессионизму Японии и неизменной мудрости сынов Небесной Империи и Ислама. Но чтобы такой контакт послужил к обогащению, а не к упадку, необходимо, чтобы Запад ничем не поступился из своего интеллектуального достоинства, которое, несмотря на всю изменчивость и неустойчивость, составляет основное его призвание. «Греческое чудо», утверждаемое в противовес легкому способу логических смещений, латинская отчетливость или «французская ясность факта» — эти основные пути организации духовной жизни — до сих пор в существе своем не подверглись изменению под влиянием многочисленных испытаний, пройденных западной цивилизацией.

Упадок аббасидского халифата.

Под несколько сбивчивым заглавием «The Eclipse of the Abbasid Caliphate» в Оксфорде в начале 1922 года вышло 7-томное издание ряда хроник, рисующих период упадка аббасидского халифата в X веке. Халифы из династии аббасидов сохраняли власть только номинально, все же могущество сосредоточивалось в руках «эмира эмиров» — высшего военного сановника. В издание вошли три автора: Ибн Мискавейх, соответствующий отдел которого до сих пор был доступен только в фотографическом воспроизведении, достаточно трудном для пользования, Абу-Шуджа — ранее не издававшийся, и Хияль ас-Сабби, появляющийся теперь в исправленном издании. Помимо трех крупных историков, в серию вошел ряд извлечений из других исторических рукописей. Издание было начато Н. F. Amedroz и после его смерти в 1917 году закончено D. S. Margoliouth. Первые три тома заняты арабским текстом, 4—6-й — переводом на английский язык, 7-й представляет указатель к обоим частям. Несомненно, что новое издание возбудит интерес среди всех историков мусульманского мира.

И. Кр.

Арабская мысль и ее место в истории.

Недавно вышла в Лондоне под таким названием книга De Lacy O'Leary, которая посвящена истории греческой науки в обработке мусульманских философов и еврейских мыслителей. Автор характеризует средневековых семитов, как «средних людей» в различных отношениях. Тем не менее, усвоив эллиническую мысль, они наложили на

нее свой отпечаток или даже превратили ее в новый организм. В книге обстоятельно освещается история передачи арабско-еврейской науки средневековой Европе путем латинских переводов.

И. Кр.

Записывание древне-арабских стихотворений.

В сборнике, поднесенном кембриджскому проф. Э. Броуну по случаю его 60-летия, помещена, между прочим, статья английского арабиста Фр. Кренкова об употреблении письма для сохранения старо-арабской поэзии. В науке господствует мнение, что поэтические произведения у арабов впервые стали записываться учеными около первой половины IX века, а до того распространялись устно. Автор отодвигает эту дату раньше и предполагает, что записи, предшествующие ученой редакции, существовали уже в первой половине VIII века, а отдельные случаи можно проследить даже до эпохи Мухаммеда.

И. Кр.

Новое собрание восточных рукописей в Лейпциге.

Известным антикваром К. Хирземанном выпущен каталог (№ 500) принадлежащих фирме 53 восточных рукописей, преимущественно на сирийском и арабском, отчасти на армянском, персидском и греческом языках. Рукописи почти исключительно христианского происхождения и представляют очень важное значение для науки как по своей древности, так и по содержанию. Арабские рукописи восходят частью к IX веку, сирийские к VII; большинство дает еще неизданный материал. Каталог

сопровождается краткой объяснительной запиской известного знатока христианского Востока профессора в Бонне А. Баумштарка.

И. Кр.

В Америке выходит новый журнал, посвященный вопросам еврейской культуры: «Journal of Jewish Lore and Philosophy».

В Гамбурге вышла книга профессора Гамбургского университета К. Ратгеса «Евреи в Абиссинии», составленная по наблюдениям и материалам, собранным автором на месте.

В Нью-Йорке в издательстве «Кадима» вышло на древне-еврейском языке исследование д-ра Б. Асинзона «Пророки».

В конце прошлого года в Персии начала выходить еврейская (еженедельная) газета «Геуда»; печатается газета на персидском языке еврейскими буквами.

В американском журнале «Minot» появилась новая большая поэма З. Шнеура «Из песен судьбы. Трилогия».

В Петербурге начал выходить ежемесячный журнал «Еврейский Вестник» под ред. И. Клейнмана и Б. Кауфмана. Вышедшие три номера посвящены вопросам литературы и науки.

Д. Выгодский.

ХРОНИКА

Арабские страны в Азии.

Мировая война закончила, повидимому, процесс отделения Арабских стран от Турции, которой начался с XIX веком. В настоящее время, насколько можно судить по отрывочным данным, картина достаточно пестра и неустойчива. Англия получила мандат на управление Палестиной, Франция—Сирией, по в других областях число «самостоятельных» властителей слишком велико. В Месопотамии (как нижней, так и верхней, с главными центрами в Багдаде и Мосуле) правит король Фейсаль. Титул короля носят еще Хусейн, бывший шериф Мекки, которому подчинен Хиджаз (центральная часть Аравийского побережья). Противником их обоих является султан Абдал-Азиз Ибн-Са'уд, потомок династии, некогда руководившей движением ваххабитов. Его власть сосредоточена преимущественно в Неджде (центральное аравийское плоскогорье) с примыкающей к нему прибрежной областью у Персидского залива аль-Хасой. Роль прежнего Маскатского имама играет султан Ахмед ибн Джаухар в Кувейте. Самостоятельный арабский правитель имеется еще в За-Иордании в лице эмира Абдулаха, и т. д.

И. Кр.

Бахтиярия и ее жители.

13-го марта, в заседании Персидского Общества в Лондоне, Ормитэдж-Смисом был сделан доклад о Бахтиярии, как стране, и об ее населении. По его словам, правители ее, Ханы, немногочисленны, но богаты, сплочены и пользуются сильным политическим влиянием на Персию. Вся жизнь страны основана на принципе патриархального феодализма; земельная собственность, суд и военное дело издавна тесно связаны между собой. Ханы были истари неограничены в военном отношении, беспрепятственно творили суд и расправу. Все население делится на 3 класса: 1) Ханы, 2) их приближенные, которых они всегда держат ради престижа и военных целей, и 3) крестьяне. Среди последних много Армян-Христиан, проживающих в отдельных деревнях.

Аннам.

Образовавшееся еще в 1920 году в Аннаме «Общество интеллектуального и морального развития аннамитян» действует в настоящее время очень энергично. Общество, согласно своему уставу, «имеет целью развитие в стране с аннамитским населением знакомства с французской мыслью и наукой, пропагандировать моральные идеи и поддерживать нравственность». Общество устраивает лекции, курсы для ознакомления населения с европейской наукой и для улучшения материального быта туземцев. Издаваемый обществом на языке кок-нги журнал «Nam-Phong» является самым распространенным в Аннаме. Членами общества являются почти исключительно туземцы, среди тысячи членов насчитывается около десятка европейцев.

Русское культурное влияние на Среднем Востоке.

В заседании «Персидского Общества» в Лондоне, в конце прошлого года, был заслушан доклад Гугушвили о стремлении России овладеть «Средним Востоком». Длинный доклад, поддержанный неким Черкесовым, говорил только о захватных стремлениях России; тем приятнее указать, что во время прений один из присутствующих англичан, Аллен, заметил, что еще со времен Крымской кампании было стремление преувеличивать империалистические стремления России и давать ложное толкование русскому национальному движению. Россия, по мнению возражавшего, была всегда в значительной мере дивилизующей силою на Среднем Востоке.

Для тех, кто следит за жизнью Среднего и Дальнего Востока, ясно, насколько справедливы слова Аллена, и мы на каждом шагу убеждаемся в том, как велико влияние русской культуры на Востоке. Недаром столько столетий русские, не взирая ни на какие трудности, шли навстречу «восходящему солнцу».

(The Near East).

Православные турки.

В некоторых местностях Малой Азии среди православного населения идет сильное движение в пользу отделения от Константинопольского патриарха. Индиаторы движения объясняют его тем, что патриархат является греческим, тогда как они считают себя этнографически турками, исповедующими христианство. Конечной их целью является автономный турецко-православный патриархат.

И. Кр.

Общество объединения Востока.

В Капре учреждено «Общество объединения Востока», поставившее себе задачей распространение идеи единства среди всех восточных народов, без различия религии или расы. Сюда входят Египет, Сирия, Турция и Персия (Индия не упоминается). Общество стремится путем ознакомления с «настоящей культурой» и «здоровой литературой» установить связь между отдельными государствами и общинами. Избрано Правление Общества и выработан устав, частью напечатанный. Президентом Общества избран Шейх аль Бакри, ведущий свой род от Пророка, глава всего сословия деревней в Египте. Вице-президентом — принц Дауд, секретарем М. Зеки.

Мусульманский блок.

Мусульманские проповедники усиленно агитируют за соединение всех правоверных в различных государствах. С целью этой пропаганды создан целый ряд журналов в Англии: *Islamic Review* и *Muslim Standart*, во Франции *Echos de l'Islam*, в Швейцарии *Turkey*, в Соединенных Штатах *Ad Daia Alarab* и *Muslim Sunrise*, на Яве *Tiahaia Islam*.

Археология в Палестине.

В Иерусалиме состоялось торжественное собрание Британской Школы Археологии, под председательством сэра Фр. Каньона. В 1922 году предполагается исследовать местности на Акромском плоскогорье для выяснения вопросов, касающихся ранней культуры Палестины. Директор Школы отметил сочувствие, оказанное Правительством, и охарактеризовал недавно основанные Центральный и Местный музеи. По его словам, в кладовых музеев обнаружено 120 упакованных ящиков, первоначально предназначенных для отправки в Константинополь. Сохранено и выставлено до 6.000 различных предметов местного значения. Тяжелые римские статуи I и II веков, Аскалонского происхождения, не могли быть перенесены, но их расставили соответствующим образом у

стен старого театра. В Центральном Музее помещены, между прочим, древне-еврейские мозаики с надписями, найденные в Иерихоне.

Старая и новая Палестина.

Результатом работ комиссии по развитию кустарной промышленности в Палестине явилась выставка в Иерусалиме, в Цитадели, относящейся к Римской эпохе и служившей, вероятно, дворцом Ирода в эпоху Христа. Вход на нее через башню над рвом, где прежде был подъемный мост. Далее — настоящие восточные ворота в башне Давида и сбоку — еврейский горшечник древней Иудеи вертит ногой свой примитивный верстак. За Цитаделью — одни развалины; только три башни сохранились, и возле одной из них разбита яркая палатка, где можно видеть образцы кустарных промыслов в древности и теперь. В башне Иппика сосредоточены главные экспонаты традиционных промыслов. Здесь имеются: черная глиняная посуда из Газзы; цветное стекло из Хеврона; вышивки из Рамаллы, Вифлеема и Бэт-Джалы; кружева из Назарета; ковры и стеклянная посуда из Иерусалима; плетения из травы и медные кувшины из Сихема (Самария). Посредине находится модель деревенского дома с маленьким двориком и наружной лестницей.

Современная часть сосредоточена в башне Давида. Если в старинном отделе преобладала арабская традиция, то здесь дарит еврейский элемент.

Туризм в Палестине.

Палестина принимает меры к тому, чтобы не потерять туристов, которых она насчитывала до шести тысяч в год за краткий период главного сезона — от февраля до апреля. России не следовало бы забывать, что в Палестине Русскому Палестинскому Обществу, которое теперь превратилось в научное Общество при Академии Наук, принадлежат значительные и ценные в научном отношении участки.

Перепись в Смирне.

В Смирне учрежден Статистический Отдел и, как только он организуется, будет приступлено к переписи. Проникновение статистики в нетронутые ею части Востока чрезвычайно важно и обещает ценные результаты и для практики и для науки.

Бухарские учащиеся в Анатолии.

В Самсун прибыли учащиеся из Бухары для занятий в турецких учебных заведениях; они были направлены в Ангору, Конию, Кастамуни и Трапезунд.

Восточный Университет.

В Ангоре учреждается давно проектируемый Восточный Университет, при поддержке представителей стран Востока.

Арабская Академия Наук.

В Дамаске возникла Академия Наук, выпустившая уже три тома своих трудов. Повидимому, она носит не только местный характер, но объединяет научную деятельность других арабских стран, в частности Египта, где до войны литература и наука развивались интенсивнее, чем в Сирии.

И. Кр.

Мусульманская молодежь.

В Алжире основано благотворительно-просветительное Общество «Мусульманской Молодежи», имеющее целью: 1) устройство бесед о пользе просвещения и труда, 2) защиту детей от уличной жизни и передачу их в школы и мастерские, 3) награды наиболее достойным из них, и 4) ликвидацию нищеты.

Приготовление к выборам в Месопотамии.

В Багдаде идет спешная подготовка к выборам в Национальное Собрание. Местные газеты полны рассуждений об обязанностях гражданина свободной страны.

Наука в Афганистане.

Афганистан приглашает преподавательский персонал из состава Азхарского Университета в Каире.

Газеты в Тунисе.

По сведениям арабской газеты «Аль-Кармель» (издаваемой в Хайфе — Сирия), в Тунисе печатается 8 арабских газет. Вероятно, это число относится только к городу Тунису, так как в 1908 году в провинции Тунис насчитывалось 17 периодических изданий.

И. Кр.

Раскопки в Вавилонии.

9 февраля в Центральном Азиатском Обществе д-р Холл (H. R. Hall) делал сообщение о раскопках, произведенных по поручению Британского Музея в 1919 г. Докладчик был прикомандирован к Месопотамскому правительству в качестве советника по археологическим вопросам. При занятии англичанами Багдада, он непосредственно направился в Вавилон, где производились работы германскими археологами.

Хотя дом экспедиции оказался разграбленным после ухода германцев, но древности сохранились нетронутыми. Собственные раскопки д-ра Холла сосредоточились в городах Ур и Эриду — древнейших и священных городах Вавилонии. Было открыто несколько архаичных погребений в глиняных сосудах. Постройки, как и везде в Вавилоне, воздвигались преимущественно из кирпича, но в Эриду было обнаружено несколько сооружений из грубых камней.

И. Кр.

Раскопки в Библосе.

Производящиеся в 1919 году в городе Джебейле, древнем Библосе (Сирия), раскопки продолжают давать блестящие результаты. С несомненностью выяснены сношения города с Египтом, восходящие к самой глубокой древности. Найдено множество оружия, украшений, терракотовых, бронзовых, серебряных и золотых сосудов; на некоторых из них имеются краткие иероглифические надписи.

Фрески Аджанты.

Знаменитые фрески Аджанты в Индии вновь обратили на себя внимание специалистов: энергичный Директор Археологического Департамента сэр Джон Маршалл обратился к известному знатоку и исследователю индийского искусства профессору А. Фупу с предложением составить монографию об этих знаменитых фресках. Лучшего выбора нельзя было сделать, тем более что Фупа сам был в Аджанте и работал на месте.

Ассирийское законодательство за 1400—1200 лет до Р. X.

Член французского института Т. Шейль выпустил сборник ассирийских законов, представляющий перевод трех цилиндрических таблиц, найденных во время последней научной экспедиции в Ассуре (Калат-Шерхате).

Эти законы представляют самую важную находку в области древнего законодательства и уступают по интересу лишь знаменитому кодексу Хаммураби, найденному в 1901—2 году.

Гражданское законодательство играло, повидимому, очень малую роль в древней Ассирии. Все внимание законодателей сосредоточено на уголовном кодексе. Денежные пени и принудительные работы часто являются карой за очень незначительные проступки. Особенно суровы телесные наказания: побои, отсечение членов тела, смертная казнь.

Очень детально разработан вопрос о наказаниях, связанных с прелюбодеянием, проституцией и вытравливанием плода.

По замечанию издателя, сравнение этого кодекса Ассирии от 1400—1200 г. до Р. Х. с кодексом Хаммураби от 2100 г. до Р. Х. служит не в пользу ассирийского общества, настолько раннее вавилонское законодательство является культурнее и гуманнее более позднего ассирийского.

Новый буддийский храм.

В Калькутте воздвигнут Буддийский храм типа старинных пещерных храмов. Россия давно уже опередила в этом отношении Индию, ибо уже целый ряд лет стоит в Петербурге Буддийский храм тибетской архитектуры, воздвигнутый в трудные времена стараниями, главным образом, одного человека, буддиста, хамбо-ламы Агвана Доржиева, при содействии некоторых его русских друзей, научных исследователей буддизма. Это был первый буддийский храм в Европе, построенный единением людей Востока с людьми Запада—русскими; теперь Калькуттский храм продолжает это дело единения, ибо его строили индийцы и англичане.

С. О.

Поэтическое состязание в Японии.

«Восходящее солнце освещает волны»— вот тема поэтического конкурса на 1922 г. В Японии к концу года сам император ежегодно выбирает поэтическую тему для конкурса, в котором может принимать участие весь японский народ, без различия сословия, положения, возраста и пола.

К 15 декабря все предназначенные для конкурса стихотворения должны быть вручены Отделу «Поэзия» при Токийском дворе. Богатые и бедные, знатные и простые, старые и молодые, не только в самой Японии, но и в Корее, на Формозе, в Манчжурии, Америке и т. д., принимают ревностное участие в этом конкурсе. В 1922 г. было представлено более 26.000 стихотворений. После тщательного разбора из числа их было выделено всего 280 и передано на рассмотрение особой Комиссии, заседавшей под председательством министра императорского двора Макино. Из этого числа лишь 13 было удостоено публичного чтения, состоявшегося 18 января во дворце Микадо на «празднике поэзии», при котором присутствовали императрица и наследник-регент. Кроме этих 13 стихотворений, было еще прочтено 33, написанных принцами, принцессами и высокими сановниками. Императрица и наследник также приняли участие в этом поэтическом состязании. Впервые при этом торжестве присутствовали иностранцы, в том числе американский посол и супруга американского военного атташе, которые оба—любители японской поэзии.

Вот стихотворение японской Императрицы:

«О, как я рада, созерцая, как народы любят друг друга, когда они любуются восходом солнца, которое золотит лазурь моря—В то время как все волны улеглись—В золотом сиянии!»

Стихотворение наследника гласит: «Как далеко простирается безбрежность океана—В аромате утреннего солнца—Свежего как первая утренняя заря—И спокойного как возрожденная земля!—О, если бы и люди жили в мире!»

Японское искусство в Париже.

На выставке Салона «Национального Общества Искусств» в Париже имеется в этом году японский отдел древнего и современного искусства, организованный профессором Токийской Императорской Школы Искусств г-ном Кюмэ. Последнее время японцы очень интересовались европейским искусством, приобрели много картин для Токийского музея не только общепризнанных художников, но и «молодых», даже кубистов. Японское искусство в наше время, с одной стороны, строго хранит дух Дальнего Востока и традиции искусства Ниппона, но, с другой стороны, знает образцы и Западного влияния. Первое представлено на выставке произведениями, напоминающими старые японские рисунки своими живыми и яркими красками, изображениями декоративных птиц, деревьев, цветов и ландшафтов с волнистыми облаками, тихими озерами и ветвистыми елями. Авторы рисунков европейской школы, наоборот, находятся, видимо, под влиянием импрессионизма и хотя пишут, подобно своим предкам, на шелковистой бумаге акварелью и тушью, но их ландшафты печальны и тусклы. Другие, совсем освободившиеся от традиций своей родины, явно подражают Мане, Моне, Гоген и т. д.

Типичная японская драма.

Принц-регент вместе с принцем Уэльским посетили Императорский театр в Токио. Это вызвало сенсацию в обществе, так как за 300 лет существования народного театра это первый раз, что будущий правитель Империи входит в «дом зрелищ» своих подданных. Была поставлена пьеса «Канджинчо» — лирическая музыкальная драма, тщательно выбранная из сотен других классических драм «Ню», в течение 200 лет игравшаяся на народной сцене. В ней преобладает Буддийское настроение, главный же ее «мотив» — верность слуги господину.

Выставка «Арабских Портретов» в Лондоне.

В Лондоне была устроена выставка «Арабских портретов» молодого художника Эрика Кеннингтона, давшего целую галле-

рею портретов современных арабов. К выставке был издан каталог с предисловием Т. Е. Лоренса. Выставка имела успех.

Выставка произведений русского художника в Пекине.

Хорошо известный в Петербурге художник А. Яковлев во время войны поехал в Пекин, увлеченный китайским искусством. Он работал в Китае и Японии. Здесь он увлекся изображением китайской жизни, новых типов людей. Он посетил и Монголию, откуда тоже вывез ряд этюдов. Его, видимо, увлекли буддийские монастыри в Монголии и в Китае театр. Еще в 1918 и 1919 годах состоялись в Пекине выставки его рисунков и этюдов, обратившие на себя большое внимание. Снимки с двух его вещей: портрет ламы и китайская актриса помещены в журнале Северного Китайского Отдела Королевского Азиатского Общества.

Русское издательство на Востоке.

В Японии в 1921 году существовало два литературных издательства «Спутник» и «Мир». Первое в настоящее время перешло к печатанию нот и переименовано в «Аккорд». В Шанхае несколько литературных сборников было выпущено Н. И. Дукельским. В Харбине издавались газета «Русский Голос» и литературный журнал «Фигя». Вообще с распадом эмиграционного элемента на Дальнем Востоке падает интерес к русскому художественному слову.

В Константинополе в 1920—21 г. действовало издательское товарищество «Русское Эхо», издававшее газету под тем же названием, которая была быстро прекращена цензурой; издательство реорганизовалось в товарищество «Пресса», выпускавшее еженедельную русско-французскую газету.

Издательство напечатало довольно много книг и брошюр на русском же языке. В Константинополе Пантелеймоновским монастырем издавался духовно-просветительный журнал «Душеполезный Собеседник». В Египте русское культурно-просветительное общество выпускало литографированный литературный журнал «На чужбине».

И. Кр.

Бульвары Лоти и Фаррера в Константинополе.

23 января 1922 года в Стамбуле состоялось торжественное «крещение» двух улиц, названных в честь «друзей Турции» именами Пьера Лоти и Клода Фаррера. Сообщение об этом было отправлено обоим писателям за подписью последнего принца Абдуль-Меджида, почетного президента «Общества Пьера Лоти».

И. Кр.

Интересные марки.

По сведениям «Таймса» от 13-го марта, при печатании почтовых марок теперь преобладает тенденция иллюстрировать их видами и этнографическими сценами. В Армении, например, чувствуется археологическое направление, и некоторые марки дают репродукции с любопытных скульптурных слепков и барельефов из Анийских раскопок, тогда как 5-ти рублевая марка изображает общий вид старой столицы Армении, основанной Ашотом II и уничтоженной землетрясением в 1319 году. На 500 рублевой марке — вид горы Арарат. На марках 5-ти рублевой и тысячной стоимости изображены солдат и рыбак на берегах озера Ван. Марки остального достоинства носят изображение Советской эмблемы — серпа и молота.

Редакционная коллегия: проф. В. М. Алексеев, проф. Б. Я. Владимирцов, акад. И. Ю. Крачковский, акад. С. Ф. Ольденбург, А. Н. Тихонов.

Редакция и контора: Петербург, Моховая, 36.

СОДЕРЖАНИЕ.

Вступительная статья—академика <i>С. Ф. Ольденбурга</i>	3	<i>С. Ф. Ольденбург</i> —Пещеры тысячи Будд, с шестью фототипиями на вкладных листах	57
Из поэзии Вавилона: 1. Молитва, 2. Сошествие Интар (с рис. в тексте).—Перевод и вступит. статьи проф. <i>В. К. Шилейко</i>	7	<i>И. Ю. Крачковский</i> —Возникновение и развитие ново-арабской литературы	67
Ляо-Чжай — Лисье царство, рассказы: 1. Смешливая Ин Нин, 2. Четвертая Ху, 3. Лис из Вэйшуйя, 4. Лиса наказывает за блуд (с рисунками в тексте).—Перевод и вступит. статья проф. <i>В. М. Алексеева</i>	15	<i>В. М. Алексеев</i> —Русские писатели в китайских переводах	73
Из китайских лириков—10 стихотворений, в переводе <i>Ю. Щуцкого</i> , со вступит. статей <i>В. А.</i>	39	<i>В. К. Шилейко</i> —Родная старина	80
Из лирики Миларайбы—два стихотворения, в переводе и со вступит. статей проф. <i>Б. Владимирцова</i>	45	<i>Н. Я. Марр</i> ,—Яфетиды	82
Амин Рейхани — Стихотворения в прозе: 1. Революция, 2. Ветка Розы,—в переводе и со вступит. статей академика <i>И. Ю. Крачковского</i>	48	<i>В. М. Алексеев</i> —Китайская республика	92
Рабиндранат Тагор — Маленькая поэма в прозе, в переводе и со вступит. статей <i>М. Тубянского</i>	55	<i>А. Н. Самойлович</i> —Тайное общество младобухарцев	97
		<i>В. М. Алексеев</i> —Печать в Китае	100
		<i>В. А.</i> —Данные о китайской торговле	102
		<i>А. Н. Самойлович</i> —Памяти <i>Н. Ф. Катанова</i>	104
		Востоковедение: сообщения <i>С. Ф. Ольденбурга</i> , <i>И. Ю. Крачковского</i> , <i>А. Н. Самойловича</i>	106
		Библиография: <i>С. Ф. Ольденбурга</i> , <i>Д. Н. Выгодского</i> , <i>И. Ю. Крачковского</i> , <i>И. Н. Бороздина</i>	113
		Хроника	122

ПЕЧАТАЕТСЯ

— № 1 —

издаваемого „ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ“ журнала
„СОВРЕМЕННЫЙ ЗАПАД“

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Евг. Замятина, А. Н. Тихонова и К. И. Чуковского.

В журнале—переводы стихов и художественной прозы наиболее выдающихся современных европейских писателей, обзор художественной жизни Европы, отчеты о новейших достижениях западной науки.

В № 1, между прочим, будут напечатаны: Шпенглер „Пруссизм и социализм“, роман О. Генри „Короли и капуста“, рассказы Дюамеля, Мейринка, стихи: Кипплинга, Газенклевера, Клоделя; статьи: В. Базарова, А. Лурье, Маринетти, А. Ренье, Н. Радлова, А. Эфроса, П. Ерчиковского, Н. Эфроса и др.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Петербург, Моховая, 36.

„НОВЫЙ ВОСТОК“.

Орган Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения при Народном Комиссариате по делам Национальностей (ответственный редактор Мих. Павлович).

СОДЕРЖАНИЕ № 1-го

М. Павлович—Задачи Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения.

Политико-экономический отдел: М. Павлович—Тихоокеанская проблема. Проф. С. Котляревский—Правовые достижения России в Азии. В. Гурко-Кряжин—Сирия и Палестина. И. Майский—Монголия. К. Трояновский—Независимое королевство Египта. К. Т—ий—Новый передел Африки после Версальского мира. Султан-Заде—Аграрный вопрос в современной Персии. Тивель—Пути и перспективы индийской революции. И. Рейснер—Экономические предпосылки политической борьбы в современной Индии. Роон—Политические партии в Китае. А. Садовский—Железные дороги Китая и др.

Историко-этнологический отдел: Проф. Д. Анучин—Азия, как прародина и учительница человечества, ее настоящее и будущее. Проф. А. Захаров—Хетский вопрос. Проф. В. Гордлевский—Религиозное движение среди кизил-башей Малой Азии. В. Викентьев—Революция в древнем Египте. Т. Козьмина-Бороздина—Проф. Мальмберг и искусство древнего Востока. Проф. Б. Денике—Искусство Востока на выставке в Ганновере. Проф. Л. Мсерианц—К истории санскритологии в России и др.

Отдел материалов и документов. Неопубликованные документы об Абиссинии времени Менелика II, материалы о Макинском ханстве и др.

В библиографическом отделе будет напечатан обзор всех изданий, вышедших по Востоку на английском, немецком, французском и итальянском языках, рецензии о новых книгах по Востоку проф. Бороздина, Сафарова, проф. Захарова, проф. Франк-Каменецкого, Казанина, Срединского, Козьминой-Бороздиной, Абукова, С. Вельтмана, Абрамсона, Викентьева, проф. Смолина, проф. Денике, Гурко-Кряжина, проф. А. Н. Самойловича, проф. Г. Чубинова и друг., литературная хроника, летопись политических событий на Востоке и др.

Письма и корреспонденции из Китая, Персии и др., Обзор турецкой прессы Шерифа Монатова, Обзор персидской прессы Султан-Заде.

===== Приложение: Справочник по Китаю т. Казанина. =====

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Москва, Трубниковский пер., д. № 19, Наркомнац Ассоциация Востоковедения.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ПЕРВЫЙ НОМЕР ЖУРНАЛА.

===== Цена отдельного номера 400 руб. дензнаками 1922 г. =====

